
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Новые профессии механизаторов



Минувшим летом случилось так, что Герой Социалистического Труда Григорий Сергеевич Чуев не мог работать на комбайне. Его немедленно заменил тракторист Михаил Степанович Чамара — и не снизил выработки. В свою очередь, Чуев в зимнее время нередко заменяет высококвалифицированных слесарей, справляясь с делом не хуже их. Медник Петр Николаевич Виткалов два сезона водил комбайны, а слесарь Василий Пантелеймонович Мохнач с успехом заменял его, работая в это время медником.

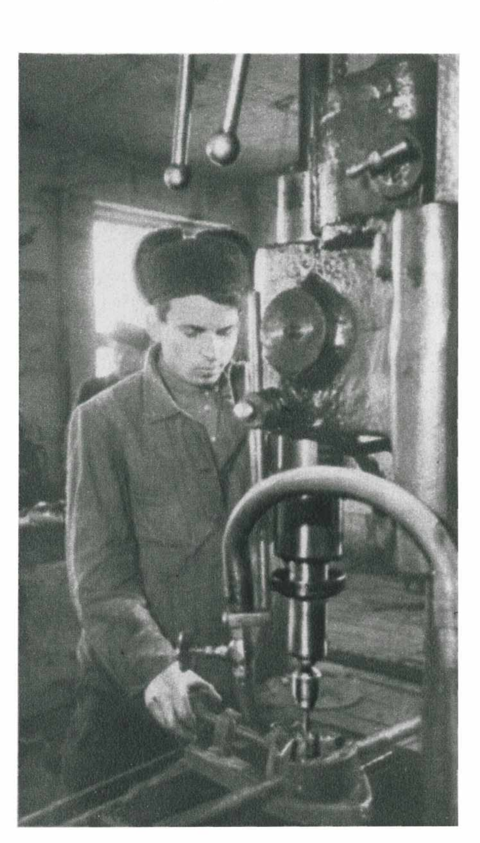
Таких примеров много. Каждый комбайнер Восточной МТС, Краснодарского края, — в то же время и слесарь и жестянщик, а трое из них — токари. Герой Социалистического Труда комбайнер Николай Александрович Чамара овладел прибором по регулировке карбюратора и ведет целый узел слесарных работ. Братья-комбайнеры Рыловы в зимнее время нередко работают: Иван Ефремович — кузнецом и жестянщиком, а Архип Ефремович лучше других ремонтирует сеялки.

Сейчас механизаторы Восточной МТС продолжают совершенствовать свои знания, овладевая новыми профессиями.

На снимках: Вверху — токарь Василий Павлович Бережной (второй справа) в школе механизации сельского хозяйства. Скоро он получит квалификацию механика-комбайнера.

Слева: токарь Иван Григорьевич Кондрашкин (справа) обучает в мастерской МТС комбайнера Михаила Павловича Еременко токарному мастерству.

Справа: комбайнер Михаил Фомич Пильтенко, овладевший слесарным делом, работает сейчас у сверлильного станка.



На первой странице обложки: Комсомолка Галя Шустикова — лучшая телятница колхоза имени Кирова, Ленинградского района, Краснодарского края.

Фото И. Романова.

На четвертой странице обложки: Зимой на нефтяных промыслах Татарии.

Фото Л. Вишневского.

ОГОНЁК № 14 (1347) 5 АПРЕЛЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗАБОТА О БЛАГЕ НАРОДА

Шестое по счету за послевоенный период снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары! Какое это яркое проявление заботы Коммунистической партии и Советского правительства о материальном благосостоянии народа!

Из года в год растут доходы трудящихся, повышается их покупательная способность. Уже в 1952 году цены на продовольственные и промышленные товары широкого потребления были в среднем в два раза ниже, чем в конце 1947 года.

Снижение цен, осуществленное с 1 апреля, создает новую, особенно крупную выгоду для населения, в значительной мере подымает материальный уровень его жизни. Только по линии государственной и кооперативной торговли эта выгода составляет за год 46 миллиардов рублей. От снижения цен в 1951 году выгода населения составила 27,5 миллиарда рублей, в 1952 году — 23 миллиарда рублей. Сопоставление этих цифр показывает масштабы нового снижения цен.

Под влиянием снижения цен в государственной и кооперативной торговле произойдет приблизительно такое же снижение цен на колхозном рынке, что даст населению дополнительную выгоду в сумме не менее 7 миллиардов рублей. Таким образом, общая выгода населения от снижения цен этого года достигает не менее 53 миллиардов рублей.

Нынешнее снижение распространяется, по существу, на все продовольственные и промышленные товары массового потребления, а в наибольших размерах — на товары первостепенной важности. На 10 процентов подешевели хлеб, мука, макароны, крупы, масло, рыба, сахар, яйца, на 15 процентов — мясо и мясопродукты. В два раза снижены цены на картофель, овощи и фрукты. Население Советской страны будет еще лучше питаться! И наряду с этим трудящиеся получают возможность, в связи со снижением цен на промышленные товары, лучше одеваться, шире пользоваться всевозможными предметами широкого потребления.

Систематическое снижение цен в Советской стране ярко демонстрирует превосходство социалистического строя над строем капиталистическим. Жизненный уровень народных масс в капиталистическом мире непрерывно падает. Даже по официальным, опубликованным ООН данным, средняя стоимость жизни возросла там за один 1952 год на 5,2 процента. Цены на товары гражданского потребления в 1951/52 году выросли по сравнению с предшествовавшим годом во Франции на 22 процента, в Швеции — на 16, в Западной Германии — на 9 процентов. На 25 процентов подорожали предметы первой необходимости с начала 1950 года по июль 1952 года в Соединенных Штатах Америки. Безудержно растут цены в Англии: стоимость сахара в конце минувшего года была на 40 процентов выше, чем в сентябре 1950 года, сливочное масло вздорожало на 50 процентов.

Советские люди горячо приветствуют постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС о новом снижении цен.

«На шестое снижение цен мы, шахтеры, ответим сверхплановыми тоннами угля».

«Мы, металлурги, дадим дополнительно тысячи тонн металла».

Так отвечают советские люди на заботу о них партии и правительства.





В первый день после снижения цен. Вверху: перед открытием магазина Деденевского сельпо в Дмитровском районе, Московской области (слева); в филиале № 5 Центрального московского универмага меняют ценники на обувь; внизу: в галантерейной секции филиала № 5.

Фото Б. Кузьмина и М. Савина.



ВАСИЛИЙ

С. МОРОЗОВ, С. ОСИПОВ



Внимательно следит токарь В. А. Колесов за резцом.

Продолговатая стальная заготовка быстро вращается на токарном станке. С каждым ее оборотом из-под резца показывается сверкающая полоска металла. Овеянная легким дымком, стружка, ломаясь на полукольца, плавно падает вниз.

Четырнадцать секунд... Всего четырнадцать секунд прошло с того момента, когда Василий Александрович Колесов включил станок. И вот уже резец снял со всей полуметровой заготовки ржаво-бурый поверхностный слой, и металл ослепительно заблестел, словно рожденный заново.

Невысокий, худощавый Колесов стоит у станка, чуть подавшись вперед, зорко вглядываясь в движение резца. При всем внешнем спокойствии и лицо и фигура его отражают скрытое напряжение борьбы, преобразующей металл. В упорной и неотступной этой борьбе, подчиненной воле и разуму человека, счет времени идет на секунды.

— Готово! Следующую!

Уверенными движениями токарь устанавливает на станке очередную деталь, передвигает суппорт, и снова резец проходит свой путь.

На обработке массовых деталей особенно наглядно видны преимущества нового метода резания, созданного стахановцем Средневолжского станкозавода в Куйбышеве В. А. Колесовым. В несколько раз сократил он время обточки деталей при скорости резания 150 метров в минуту. Намного чище стала обрабатываемая поверхность. Ровным и гладким, требующим лишь небольшой шлифовки, выходит металл из-под резца новатора.

Резец Колесова... Приглядываясь к этой тоненькой, миниатюрной пластинке твердого сплава, сразу замечаешь своеобразие ее геометрической формы. По-особому, иначе, чем на обычных токарных резцах, расположены

Строгальщик Средневолжского станкозавода И. Гусев (справа) показывает ученику А. Воронину многорезцовую «державку». С помощью этого приспособления И. Гусев работает одновременно четырьмя резцами.



В творческом содружестве с инженерами Средневолжского станкозавода создал токарь Колесов свой резец. Слева направо: конструктор А. Кашаева, технолог Л. Каткова, токарь В. Колесов, главный инженер завода И. Яковлев уточняют чертежи нового резца.



КОЛЕСОВ И ЕГО ШКОЛА



— Чистая работа! — Лауреат Сталинской премии Г. Борткевич (слева) доволен результатами работы резца Колесова.

здесь режущие кромки. Скрупулезно вычислены градусы углов, миллиметры пропорций. Точнейший теоретический расчет и многолетняя трудовая практика слиты воедино.

Да, несколько лет посвятил токарь Василий Колесов созданию нового резца, способного за один оборот детали снимать более широкий слой металла. В токарном деле это называется увеличением подачи. Соединить скоростные режимы резания с увеличенными подачами и тем самым максимально использовать силу и мощность станка — таков был замысел Василия Колесова.

Десятки опытов провел Василий Александрович на своем станке, пробуя резцы всевозможных, им самим придуманных геометрических форм. Резцы часто ломались, твердые сплавы не выдерживали высоких нагрузок, и радостное предчувствие близкого успеха иногда сменялось горечью разочарования.

В своих поисках Колесов не был одинок. Товарищи, токари, работающие рядом в цехе, помогали ему советами. Нередко после экспериментов разгорались споры, и Василий Александрович всегда учитывал дельные замечания товарищей.

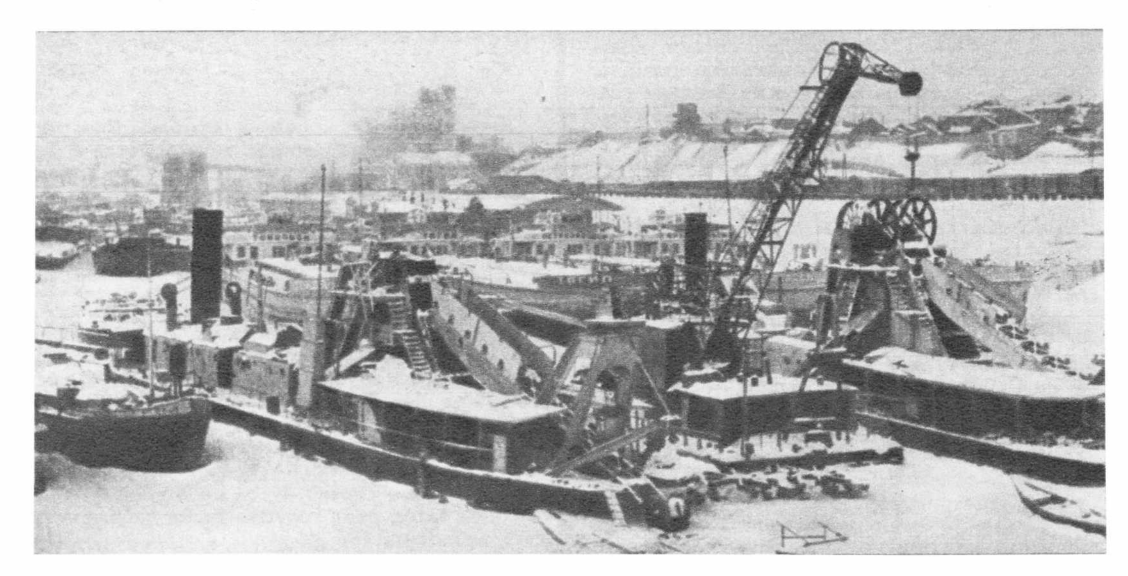
За каждым шагом новатора пристально следили партийная организация, заводская общественность. Большую помощь токарю-стахановцу оказывали главный инженер завода И. К. Яковлев, технолог Л. И. Каткова, конструктор А. Н. Кашаева. В творческом содружестве с инженерами Василий Александрович создал новый резец.

Вместе с этим резцом родился и метод резания, названный силовым. Если обычным резцом токари снимают за один оборот детали слой металла шириной в 0,25 миллиметра, то В. А. Колесов, работая своим оригинальным инструментом, смог увеличить подачу до 3 и даже до 5 миллиметров. Так он в несколько раз сокращает процесс точения, более производительно использует мощность станка, повышает выработку.

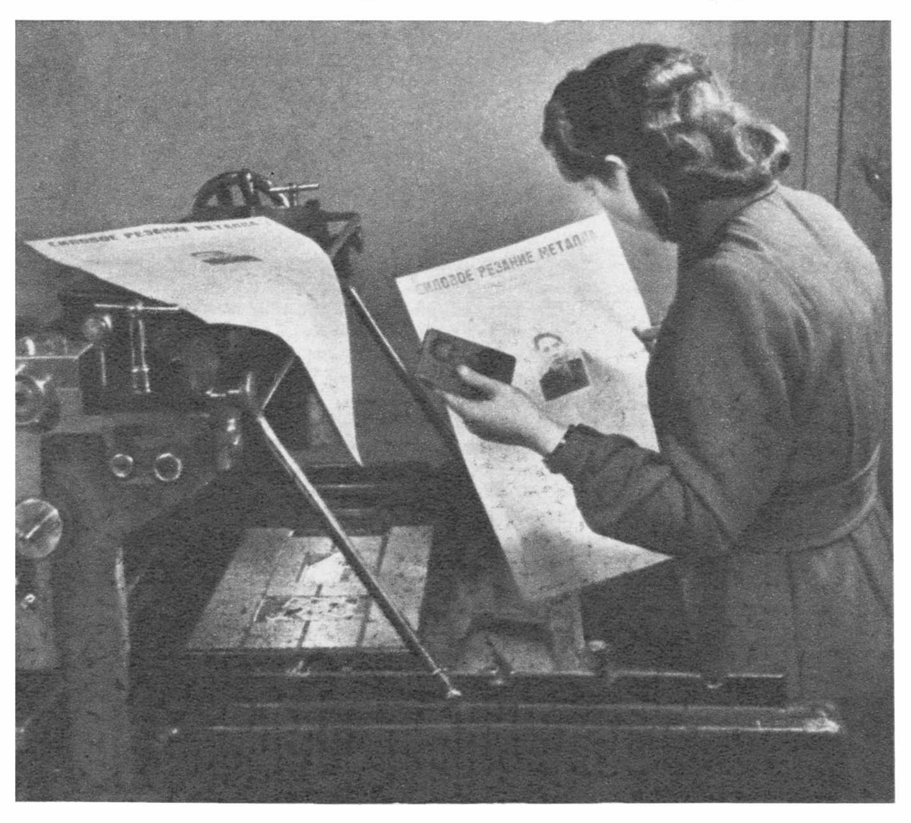
Средневолжский станкозавод, на котором вот уж двадцатый год трудится токарь В. А. Колесов, стал родиной новой технологии токарной обработки металла. Недавно пришли в цех из ремесленного училища комсомольцы Вадим Попов и Николай Ефимов. Обучение в стахановской школе В. А. Колесова помогло им быстро освоить силовой метод. Как и многие другие токари, работающие резцами Колесова, В. Попов и Н. Ефимов выполняют полторы — две нормы.

Много последователей у Василия Александровича в его родном городе Куйбышеве: станкостроители, металлисты, судоремонтники.

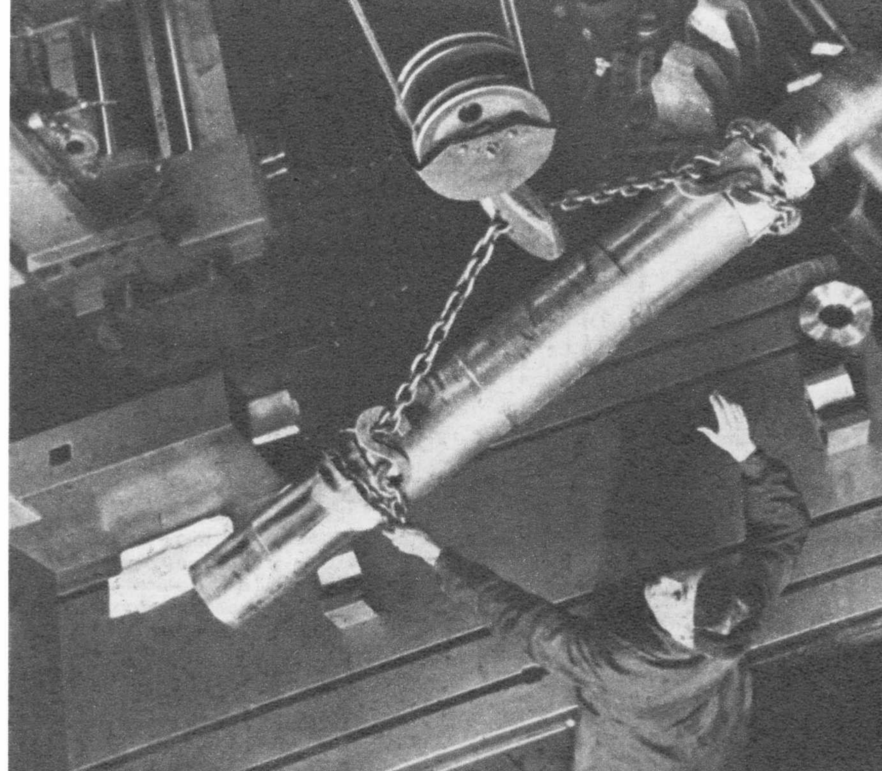
Огромная флотилия волжских судов зимует в затоне близ городской окраины. Рядом, в цехах судоремонтного завода, изготавливают детали для пароходов и теплоходов. Скоро, когда Волга очистится ото льда, суда выйдут в плавание с обновленными двигателями и механизмами. Применяя на своих станках силовой метод резания, токари-судоремонтники значительно ускорили подготовку флота к навигации.



Эти волжские суда, зимующие в Куйбышевском затоне, скоро, закончив ремонт, выйдут в плавание. Огромный, весом в полторы тонны вал, обточенный судоремонтниками по методу Колесова, предназначен для землечерпалки, которая будет работать на стройке Куйбышевской ГЭС.



В печатном цехе типографии газеты «Волжская коммуна» в Куйбышеве. Выпускается третий тираж плакатов и листовок, пропагандирующих силовой метод резания.



Чкалов, Сызрань, площадка Куйбышевгидростроя, Москва — где только не побывал Василий Колесов, передавая свой опыт товарищам — токарям! Из многих городов съехались недавно в Куйбышев в межзаводскую стахановскую школу токари-скоростники станкостроительной промышленности. Лауреат Сталинской премии Г. Борткевич из Ленинграда, Г. Ахлестов из Москвы, Г. Медяник из Харькова, Н. Воронков из Краснодара слушали лекции Колесова, работали на его станке. Они увезли с собой конспекты и чертежи, чтобы еще шире распространить новый метод.

Добрая слава новаторов быстро разносится по родной стране. Что ни день, в Куйбышев, в адрес Средневолжского станкозавода, приходят письма и телеграммы на имя В. А. Колесова. В Днепропетровск и Владивосток, в Южно-Сахалинск и Полтаву, в уральский городок Кыштым и балтийский порт Лиепаю рассылает Василий Александрович ответы многочисленным своим корреспондентам: рабочим, инженерам, директорам заводов.

Велик спрос на печатную пропаганду силового метода резания. Многие тысячи читателей завоевала книга В. Колесова «Новые пути», вышедшая в свет в конце прошлого года. Два тиража плакатов и листовок с подробными инструкциями и чертежами отпечатаны в типографии газеты «Волжская коммуна». В несколько дней разошлись оба тиража. Понадобился третий.

...С берегов Дуная приехал на Средневолжский станкозавод молодой венгерский инженер Пал Кшвендт изучать советскую технологию станкостроения. Получив из Венгрии свежий номер журнала «Уй вилаг» («Новый мир»), Пал Кшвендт делится с друзьями новостями со своей родины: на заводах Будапешта токари начинают применять метод Василия Колесова.

Было время, когда вместе с Василием Колесовым на Средневолжском станкозаводе работал токарем Владимир Парамонов. Сейчас, спустя много лет, друзья встретились вновь. В лаборатории Куйбышевского авиационного института начались динамические исследования метода В. А. Колесова. Эта интересная научная работа поручена аспиранту Владимиру Федоровичу Парамонову. С помощью электроиндуктивного динамометра — оригинального прибора конструкции В. Ф. Парамонова — измеряются механические усилия и температура силового резания.

...Москва. Василий Александрович Колесов выступает на заседании научно-технического совета министерства. Со всесоюзной трибуны говорит передовой советский рабочий, пламенный патриот, один из миллионов тех, кого воспитали товарищ Сталин, наша родная Коммунистическая партия.

В лаборатории Куйбышевского авиационного института. Слева направо: начальник лаборатории А. Сорокин, аспирант В. Парамонов и лаборант П. Чернов за динамическим исследованием метода Колесова.





ОСТРОВ „ВР

Это не Арктика. Ледяные торосы нагромоздило на берега молодое Цимлянское море.
Фото Б. Кузьмина.

Глеб ГОЛУБЕВ

Катер ткнулся носом в отмель. Спустили шлюпку. Волна подхватила ее и понесла к берегу. Рона Лушанкина первая прыгнула на сырой песок. Волна слизнула следы.

— Ну, принимайте хозяйство, девушки! — весело крикнул техник Сережа Лопухин.— Флюгер на месте, палатка разбита. Не скучайте...

Сильным толчком Лопухин сдвинул шлюпку с отмели. Девушки остались одни. Они стояли, обнявшись, у самой воды и смотрели на удаляющийся катер. Рона нахмурила черные брови. Лицо Раи Борисовой было задумчивым и чуть-чуть растерянным.

Поскрипывал флюгер на мачте, ветер хлопал дверцей палатки. А вокруг сверкало синевой море — словно кусок неба упал на землю,— и ветер рвал голубое полотнище, стараясь забросить его обратно в солнечную высоту...

Рона Лушанкина и Рая Борисова окончили Московский гидрометеорологический техникум и поехали работать на Цимлянское водохранилище. Приехали они рановато — море еще не достроили. Оно начало рождаться зимой, вопреки всем законам природы. Прогнозы обещали малоснежную зиму, и было решено начать заполнение чаши водоема до весеннего паводка.

В январе 1952 года закрыли донные отверстия плотины, и холодные струи воды начали растекаться по заснеженным полям, по кустарнику поймы...

Вода прибывала с каждым днем. Весной море разлилось широко и привольно, подгоняя строителей, заливая отмели и перекаты с памятными для капитанов названиями: «Не зевай», «Пронеси», «Загорелка».

На левом берегу Дона стояли цепью древние курганы, сохранившиеся еще с мамаевых времен. Море подступало к ним ближе и ближе. Вот уже волны упрямо идут на приступ, лезут вверх по склонам курганов, захлестывают их, топят...

Но один, самый высокий курган не затонул полностью. Вершина его осталась над водой. Курган превратился в остров.

Кто-то назвал его «Временным». Он и вправду временный: при полном заполнении чаши водохранилища ему предстоит исчезнуть в волнах молодого моря.

Меткое это название прижилось. Теперь все так и называли этот клочок земли диаметром в два десятка метров — остров Временный.

На острове устроили наблюдательную станцию Цимлянской гидрометеорологической обсерватории. Обсерватория была создана в одно время со степным морем. Научные сотрудники наблюдают за жизнью моря, за его поведением, изучают, как оно влияет на погоду и климат. Для них оказался очень кстати крошечный островок.

Первое время на острове дежурили только мужчины, сменяясь каждую неделю.

Сегодня стоят на берегу острова две девушки. Одна худенькая, хрупкая на вид, другая повыше, плечистая. А кругом — водный простор.

Море-лаборатория

Вот их хозяйство: тесная палатка, радиопередатчик «Урожай», высокая мачта с флюгером, дождемер, белая психрометрическая будка на длинных голенастых ножках.

Кроме того в хозяйство девушек входят и море, и небо, и солнце, и ветер, и быстрые облака. Восемь раз в сутки, днем и ночью, подруги должны производить наблюдения за температурой воды и воздуха, влажностью, скоростью и направлением ветра, за волнами.

В первый день они все делали вместе. Вместе смотрели на флюгер, вращающийся на вершине мачты. Вместе мерили температуру моря. Даже в маленькую психрометрическую будку пытались заглянуть одновременно.

В первый день девушки прямо замучились. Все время казалось, что они непременно ошибутся, напутают, сделают не так, как требуют наставления.

То и дело Рая и Рона спрашивали друг у друга:

— А этот термометр нужно встряхивать?

— Ой, Рона! Какие это облака? Кучевые или слоисто-кучевые?..

Облака девушки определяли, поминутно заглядывая в атлас облаков. Так и ходили по острову с книжкой в руках. Их напугала ответственность, и они чуть-чуть растерялись, оставшись наедине с морем, с просторным небом и свежим ветром. И так много было у них забот, что если спросили бы их в тот день, красиво ли море, они бы удивились:

— А мы и не заметили...

Всю красоту его они увидели, когда на синие волны спустилась ночь. Ночь была лунная, тихая, теплая, полная таинственности. Девушки сидели на берегу возле палатки. Волны разбивались у их ног. Лунная серебристая дорожка лежала на воде, дрожала и переливалась, рассекаемая волной.

Было очень красиво. Но они ведь наблюдатели, исследователи... Вместо того, чтобы просто любоваться ночным морем, они наблюдали за волной, хотя этого вовсе не требовали никакие наставления.

Потом было много дней, наполненных увлекательной работой и красотой неба и моря.



ЕМЕННЫЙ"

Они уже привыкли, освоились, меньше тратили времени на наблюдения.

Были дни тихие, знойные, когда спокойная гладь моря сверкала, как зеркало, и в неподвижной теплой воде на отмелях дремали, сонно поводя усами, головастые сомы. Девушки возили с собой удочки и увлекались рыбной ловлей. Изрыли весь остров в поисках червей для наживки.

— Смотрите, робинзоны, сроете остров,— шутил Леонид Никифорович Быдин, заместитель директора и парторг обсерватории.

Бывали дни, когда море кипело вокруг островка под ударами ветра. Цепь за цепью набегали на берег седые пенистые волны. Пекло солнце, шумели ветры, дождь хлестал по крыше палатки. Но в любую погоду, днем и ночью, восемь раз в сутки девушки производили все наблюдения. И каждый день летел над морем звонкий девичий голос:

— Внимание! Говорит остров Временный!

Радиограмма со сводкой ложилась на стол в большой комнате Цимлянской метеостанции, где висели на стене карта моря и странное объявление:

«Привыкай говорить шепотом!»

Объявление было нелишним, потому что большинство работников станции составляла молодежь, веселая, горластая...

В эту комнату стекались наблюдения со станций и водомерных постов, разбросанных по берегам молодого моря. Температура, уровни воды, расходы воды — все это учитывалось приборами. Ветер сам записывал свою скорость, оставляя стремительный ломаный график на бумажных лентах самописца. Приборы улавливали невидимое излучение солнца, земли и воды, влажность воздуха. Из этих наблюдений рождались выводы.

Море было огромной лабораторией. Ученые наблюдали, как рождаются морские берега. Этот процесс, происходивший давным-давно на старых морях, был скрыт от нас завесой времени. Здесь его можно было наблюдать воочию.

Гидрохимики брали пробы воды с разных глубин, изучали сложный процесс разложения почвенного слоя, который стал морским дном.

Молодой геофизик Георгий Мамаенко наблюдал за игрой солнечных зайчиков на воде. Очень увлекательное занятие, если учесть, что каждый зайчик — это точка преломления солнечного луча, упавшего на воду. Если вы видите эти слепящие блестки на воде, значит, луч, преломившись, добежал до вас, до берега, и принес дополнительное тепло из мировых пространств. На участках, куда падают эти лучи, создается свой микроклимат, более теплый, чем в десятках метров отсюда...

Наблюдения, которые день за днем вели на острове две подруги, вызвали большой интерес. Известно, что ветер, пролетая над гладкой поверхностью воды, получает добавочную скорость, как бы разбегается над морем. Удалось вывести коэффициент этого ускорения. Обобщив наблюдения, руководитель отдела метеорологического режима Владимир Николаевич Тервинский, уже тридцать лет занимающийся «кухней погоды», написал интересную работу «Ветровой режим и штормовая деятельность Цимлянского водохранилища».

У молодого моря оказался бурный характер. В самой широкой его части — у плотины — две трети года бушевали сильные ветры. Грозным и неприветливым становилось в такие дни море. Ветер гнал тяжелые темные волны, швырял на берег рваные клочья пены. Получив предупреждение о шторме, пароходы спешили в бухты-убежища, в порт, под защиту бетонных молов.

Но такого шторма, какой разбушевался поздней осенью, не ожидал никто.

На пути шторма

Девятого ноября Рая и Рона, как всегда, отправились на остров. Было уже холодно. Спать приходилось в спальных мешках. Наблюдатели сменялись теперь не через неделю, а через каждые три дня.

К вечеру ветер стал крепчать. Лохматые тучи вперегонки бежали над морем. На гребнях волн запрыгали пенистые гребешки. Ночью ветер хлопал полотнищем, пытался сорвать палатку, но не сумел, только повалил один из кольев.

К таким переделкам подруги уже привыкли и продолжали вести наблюдения каждые три часа — восемь раз в сутки, как положено.

На третий день смена не пришла. Девушки ее уже и не очень ждали. Море кругом кипело. Обдавая остров брызгами, вздымались и опадали крутые водяные холмы. Было ясно, что в такую непогоду катер к острову не пробьется. Железная дощечка, указывающая скорость ветра, поднялась до последнего деления — семнадцать метров в секунду. Продукты кончались, рация не работала. Они решили ждать конца шторма — больше ничего не оставалось. И продолжали вести наблюдения...

* * *

В обсерватории, склонившись над синоптической картой, сидели Кокоулин, Быдин и Тервинский. Они видели то, что было скрыто от девушек, находившихся среди бушевавшего моря на острове Временном. Они видели, что где-то в оренбургских степях собирает силы мощный антициклон, а с Черного моря на север волнами несутся один за другим циклоны. Между антициклоном и циклонами дует, как в трубе, штормовой ветер. На пути его лежали Цимлянское море и остров Временный.



Геофизик Георгий Мамаенко изучает солнечную радиацию на Цимлянском море.



Много наблюдений провели на острове Временном Рона Лушанкина и Рая Борисова (справа). Теперь они обрабатывают собранные материалы.

Волны могут размыть островок или начнут перехлестывать через него. И в том и в другом случае подругам несдобровать... Сколько продлится шторм? Синоптики посидели над своими картами и сказали:

— Дней пять — шесть...

«Продукты у девушек кончаются»,— думал Быдин.

— Ну, что ж... Попробуем достать в порту буксир и пробьемся к острову,— сказал он.— Надо выручать девчат!..

В «спасательную экспедицию» отправились Быдин, начальник метеостанции Брянов, молодой инженер-гидролог Мишон и техник Сергей Лопухин — любитель приключений. В первый вечер ни одному буксиру не удалось выйти из порта. Волны, как щепку, забрасывали пароход обратно в гавань. Ветер мчался теперь с ураганной скоростью — свыше 30 метров в секунду,— а волны вздымались вверх на высоту двух с половиной метров.

Решили ждать утра...

* * *

Ночью подруг разбудил громкий треск. Не успели они выбраться из спальных мешков, как ветер в клочья разнес палатку. Куда-то в темноту полетели термометры, одеяла, куски хлеба, отложенные на утро, кастрюльки. Кругом было темно, только ревело море и слышался вой ветра. Поежившись, они молча стали копать яму, забрались в нее и, тесно прижавшись друг к дружке, ждали рассвета.

— Сколько времени? — спросила Рона.

Рая поднесла к глазам будильник:

— Вроде без пятнадцати пять...

— Пойдем делать наблюдения.— Рона решительно поднялась и, пошатываясь под ударами ветра, зашагала к психрометрической будке. Пока она записывала показания приборов, Рая закрыла ее с головою одеялом. Они, как положено, произвели наблюдения и в семь часов утра, а потом снова уселись в свою яму, ждали...

Ветер донес тревожные гудки парохода.

— Кого это носит в такую бурю? — удивилась Рона. Она прислушалась и встала.— Слушай, Рая, это за нами...

— Сиди ты,— отвечала подруга.— Станут за нами пароход гонять. Вот еще! Кончится шторм, и сменят.

И опять они сидели тихо и даже, кажется, начали дремать. Девушки не видали ни парохода, ни пляшущей на волнах шлюпки.

Леонид Никифорович Быдин первым добежал до ямы, наклонился и хрипло спросил:

— Живы?

Рона удивленно посмотрела на него и ответила:

— Ой, не ругайте нас, Леонид Никифорович! Термометр у нас ночью разбился. Мы не виноваты, честное слово, ветер очень сильный. А кто нас сменять будет?..

— Какая смена! — чуть не закричал Быдин.— Марш в шлюпку, пока остров не размыло!

Только очутившись в лодке, девушки испугались. Шлюпка то взлетала на гребень волны, то стремительно проваливалась вниз. Брызги обдавали их с ног до головы и сразу же замерзали.

Это была последняя вахта на острове Временном.

Остров будет плавать

Такая же будничная, но полная романтики, требующая мужества работа велась на всех наблюдательных постах день за днем, днем и ночью, в будни и в праздники, в штормы и дожди. Она не прекращалась и зимой. Первый раз оделось море льдом и сразу удивило ученых. Оно замерзло на целые три недели позже, чем Дон выше Калача. Почему? В этом сложном вопросе надо разобраться.

Много вопросов задают ученым строители, энергетики, виноградари, речники, рыбаки. Заведующей лабораторией Нине Николаевне Гусевой звонят и спрашивают:

— Как поживает рыба? Хватает ли ей кислорода подо льдом? Нет ли опасности замора?

Речники интересуются, когда вскроется лед и какое ожидается волнение в апреле. Виноградари беспокоятся, не разрушит ли море берег, не повредит ли колхозным землям. На все эти вопросы надо срочно дать ответы, а море еще так молодо, характер его не изучен. Да и не определился пока этот характер. Он только складывается, устанавливается, как у подростка...

Вечером мы беседуем с Леонидом Никифоровичем Быдиным. Наш собеседник — потомственный гидролог.

Юность Быдина прошла на Дону. Его отец, старый гидролог, работал когда-то в изыскательской партии на трассе канала, который был призван соединить две великие русские реки. Это был один из первых вариантов Волго-Донского канала. Он не осуществился, но наблюдения изыскателей были использованы через двадцать лет строителями Волго-Дона. Леонид Никифорович радовался и гордился, встречая в архивах документы, написанные знакомым отцовским почерком.

В соседней комнате щелкают счеты и звякают арифмометры. Часто слышится магическое слово «баланс». Но это не бухгалтерия. На счетах откладываются не рубли, а кубические метры воды. Составляется первый годовой водный баланс Цимлянского моря...

— Так что же будет с островом Временным? — интересуюсь я.

— Утонет,— улыбнувшись, отвечает Быдин.— Этой весной море станет глубже, дойдет до проектной отметки «35», и остров Временный затонет. Мы готовим ему смену.

Леонид Никифорович достает большой чертеж и раскладывает его передо мной. На чертеже изображено какое-то странное сооружение: не то плот, не то корабль.

— Пловучий остров — станция,— поясняет Быдин.— Это плот из нескольких слоев бревен, положенных друг на друга, как ряж или сруб. Понимаете? В этой клетке из бревен будут гаситься волны. Так мы избавимся от сильной качки, мешающей наблюдениям. А на плоту — наблюдательная площадка, приборы, каюта и вот тут, видите, камбуз. Пловучий остров со всеми удобствами!

— И он будет плавать в море?

— Да, в самой широкой его части. Встанет на якорь и будет там до ледостава.

— В шторм?

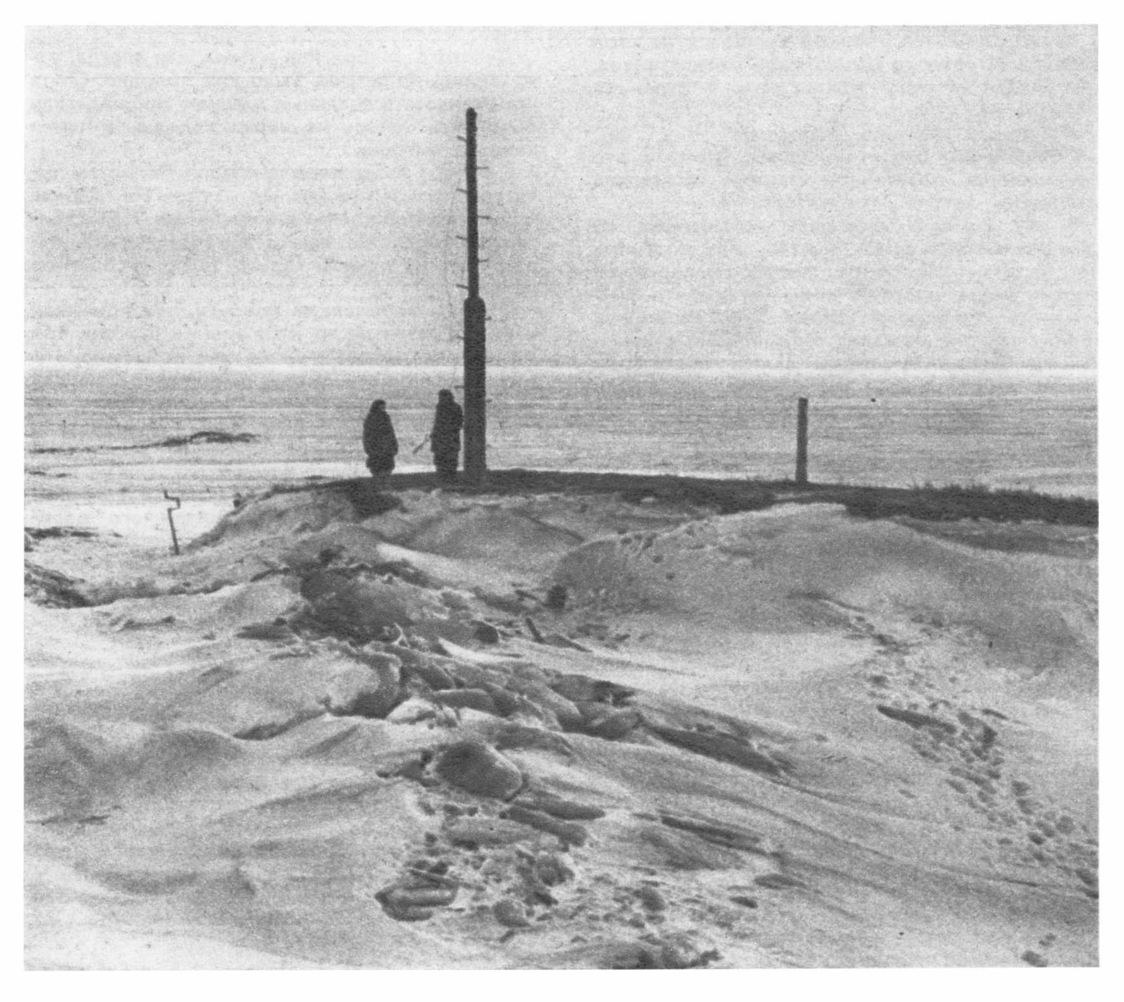
— В любую погоду. — Быдин кивает в сторону моря. — Там наше место. Станция уже строится. Весной спустим ее на воду, на смену острову Временному...

...Где-то в верховьях Дона, недалеко от Москвы, возле Сталиногорска, вода поднялась на одно деление мерной рейки. Наблюдатели на водомерных постах, на метеостанциях, разбросанных по всей стране, отмечают первые шаги весны, еще неприметные другим людям, и записывают их в сводки:

«Лед потемнел... Утром подвижка льда»...

Идет весна, начинается ледоход. Льдины громоздятся, налезают друг на друга. В трещинах бурлит темная, сердитая вода. Она поднимается выше и выше. Острова Временного больше нет...

Это Цимлянское море входит в берега, указанные ему человеком.



Это последний снимок острова Временного. Скоро он скроется под водой.

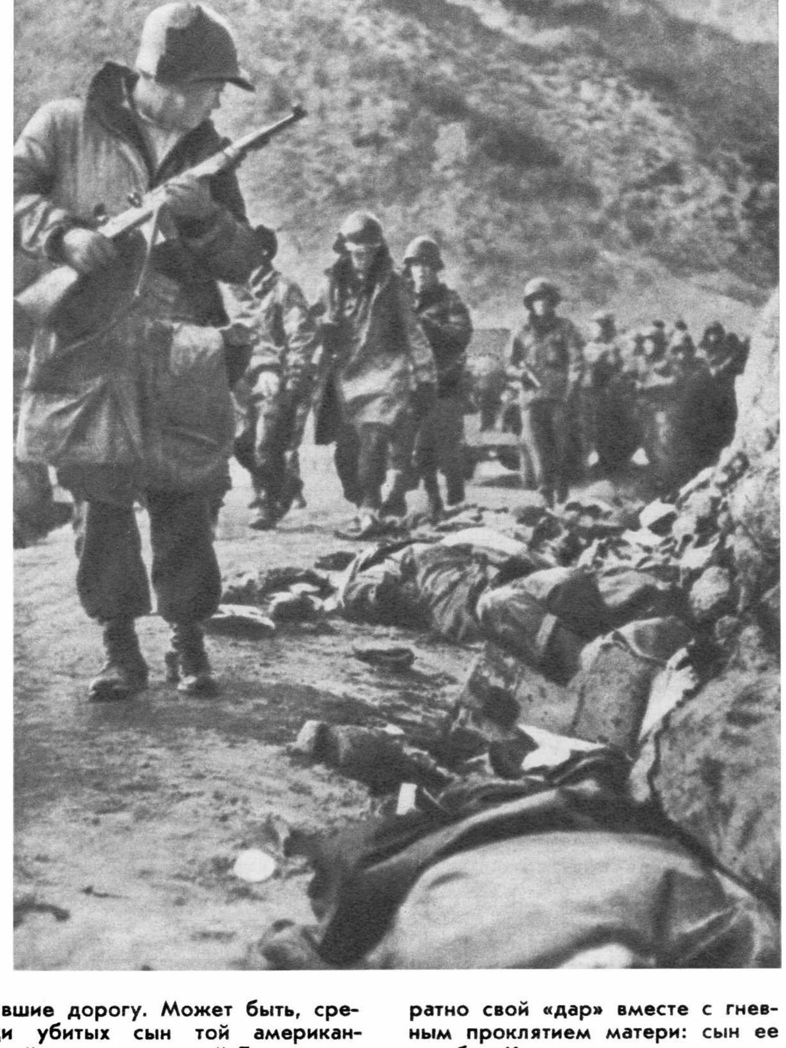
Зачем они здесь?

Дж. РАЙТ

Дивизию за дивизией посылает Пентагон в Корею. Десятки, сотни тысяч американских солдат перевозятся через океан. Бóльшая часть американских военно-воздушных сил, фактически весь тихоокеанский флот США введены в действие. Захватчики жгут напалмом корейские города и села, сбрасывают сотни тысяч бомб на женщин, детей и стариков, расстреливают безоружных военнопленных. Американские генералы применили в Японии атомное оружие, в Корее они ведут бактериологическую войну.

Но все это не запугало корейский народ. Он дружно поднялся на борьбу против американских интервентов. На помощь корейским братьям пришли добровольцы великого народного Китая. Разбойничьи планы агрессоров в Корее обречены на провал.

Помещаемые ниже снимки взяты из американского фотоальбома, посвященного войне в Корее. Даже реакционный журнал «Лайф», издавая этот альбом для разжигания военной истерии, не смог скрыть чувств обреченности и страха, которыми охвачены американские войска в Корее.





Американским солдатам обещали, что это будет не война, а лишь «маленькая полицейская операция». Дело обернулось иначе. С фронта, с тыла, с флангов на захватчиков обрушился справедливый и яростный гнев свободолюбивого корейского народа. Вот бредут американские солдаты дорогой, по которой шли в наступление. Бредут, оглядываясь на трупы соотечественников, усеявшие дорогу. Может быть, среди убитых сын той американской матери, которой Трумэн послал медаль. Трумэн получил обратно свой «дар» вместе с гневным проклятием матери: сын ее погиб в Корее за интересы миллиардеров.

«Боссы» обещали им скорую победу, но война в Корее превратилась для них в цепь жестоких поражений.

Невеселые думы солдат, изображенных на этих двух фотографиях, выразил капрал морской пехоты Джон Т. Маулетт в письме на родину. «Большинство из нас,— писал он,— возмущено тем обманом, с помощью которого нас впутали в это дело... Наши люди просто не видят смысла этой войны».



Американские генералы рассчитывали превосходством в военной технике достигнуть того, чего не могут сделать их солдаты. Но корейская земля стала кладбищем и для американской техники.

И вот в морозы, среди скал, в пяти тысячах миль от родины бредут по дорогам чужой земли битые «завоеватели». Каждая скала стреляет. Все чаще и чаще американские солдаты задают себе вопрос: «Зачем мы здесь?..» И многие из них, быть может, повторяют те же слова, что и лейтенант Бак, писавший бывшему президенту Трумэну: «Когда-нибудь вы ответите за эту продажу американского человеческого материала. К сожалению, большинство ребят не сможет ожить, чтобы высказать свой справедливый гнев против этого предательства».



Он плачет, этот незадачливый американский вояка. Вместо обещанного быстрого возвращения домой он увидел затяжную войну, холод, кровь и смерть. В этом истерическом припадке — страх перед возмездием. Таково моральное состояние многих американских солдат в Корее.



Неизмеримый страх

Некоторые научные учреждения США проявляют последнее время повышенный интерес к изучению проблемы... страха. Американские психологи, физиологи, медицинские работники детально исследуют ощущения человека, прочитавшего в журнале статью под заглавием «Что произойдет, если на ваш город будет сброшена атомная бомба» или просмотревшего кинофильм «Пять убийств за одни сутки».

Американские ученые, специализировавшиеся на изучении страха и смежных с ним ощущений, поистине не знают преград. По последним сведениям, эти «неутомимые исследователи» могут теперь определить даже... цвет страха!

Прибор, позволивший сделать столь потрясающие открытия, обладает весьма несложным устройством. Это небольшой сшитый из маркизета мешочек, внутри которого находятся синие кристаллы хлористого кобальта. Именно такие мешочки держали в руках американские солдаты, которых заставили принять участие в очередном испытании атомного оружия, происходившем в штате Невада летом прошлого года. Как сообщил своим читателям журнал «Сайенс дайджест», по мере приближения солдата к месту, входящему в радиус действия предстоящего атомного взрыва, кристаллы хлористого кобальта, которые находились в мешочке, постепенно меняли свою окраску: из синих они становились светлоголубыми, затем бледнолиловыми и, наконец, яркорозовыми или «цвета солнечного заката», по поэтическому определению журнала. В соответствии с полученными данными была создана своеобразная нормативная шкала. При желании отдельные ступени ее можно определить как «синее беспокойство», «светлоголубая тревога», «бледнолиловый страх» и, наконец, «ужас цвета солнечного заката». Однако вся эта гамма цветовых эффектов вызывалась причиной весьма прозаической: просто руки у подопытных солдат потели...

Журнал «Сайенс дайджест» сообщает, что лейтенант Роберт Мак Клири, которому принадлежит идея описанного выше прибора, продолжает изыскания в области «страхологии» в одной из медицинских школ военно-воздушных сил США. Причины, побудившие изобретателя обратить свое внимание именно на военную авиацию, видимо, следует искать среди фактов, которые сообщил заместитель начальника отдела кадров ВВС США бригадный генерал Л. Хонвунд. Еще в прошлом году он вынужден был признать, что с каждым днем все большее число летчиков, находящихся на корейском фронте, отказывается от боевых вылетов, «приводя в качестве единственного объяснения свой страх».

Почтенный научно-популярный журнал, к сожалению, не сообщил, испытывает ли Р. Мак Клири свой «страхометр» непосредственно на самих летчиках или на генералах. Что касается последних, то их страх перед возможностью в один прекрасный день остаться без солдат для захватнической войны поистине неизмерим.

Сев колосовых в колхозе имени Свердлова, Ашхабадского района.

НА ПОЛЯХ ТУРКМЕНИИ

Фото О. Кнорринга.

Машина, пробираясь между высокими холмами в преддверии Копет-Дага, направляется к полевому стану колхоза имени Свердлова, Ашхабадского района. Несмотря на раннее утро, здесь уже кипит работа. Шум моторов разносится вокруг. На краю поля идет боронование; неподалеку от нас гусеничный трактор «ДТ-54» тянет сеялку, и семена пшеницы ложатся в землю.

Богарные земли, или, как их здесь кратко называют, «богарà», расположены в основном поближе к источникам воды. Эти земли не поливаются — вся надежда на естественные осадки. Но туркменские колхозники вводят передовую агротехнику, разрабатывают новые поля на бóльших высотах, где температура воздуха значительно ниже, чем на равнине.

* * *

Богат колхоз имени Ворошилова. У него около 7 тысяч гектаров посевных площадей, 25 тысяч овец, тысяча верблюдов, сотни коров и замечательных ахал-текинских скакунов.

Семь тысяч гектаров — немалая площадь. Но в нынешнем году колхозники решили взяться за освоение новых плодородных земель и перейти на новую систему орошения.

Инструментальная съемка полей колхоза имени Ворошилова для перехода на новую систему орошения.





Колхоз имени Ворошилова, Ашхабадского района. На полях идет подготовка к новой системе орошения, работает бульдозер.

Дума о Сталине

Какою мерою тоску измерю,
Что в эти дни в сердцах свила жилье...
Пусть нету слов, чтоб высказать потерю,
Но нет и сил, чтоб замолчать ее.

Перетерпеть бы, обойти в молчанье
Тот черный день, то утро без зари,
Но бьется гулко, гонит сон ночами,
Обязывает сердце — говори!..

1

Мы с первых дней поверить не хотели,
Что нет спасенья, что болезнь сильна.
И трое суток у его постели,
Сон потеряв, дежурила страна.

Мы шли в цеха, на службу, в мастерские,
Но об одном мы не могли забыть,
Не замечая, что в часы такие
Вполголоса мы стали говорить.

Кончался день. К товарищу дорогой
Сосед и друг без спроса заходил:
И часу в доме со своей тревогой
Никто остаться не хотел один.

А у соседа нет и речи, кроме...
И дети за отцовскою спиной...
И нет улыбок. Будто в каждом доме
За стенкой, рядом, тяжело больной.

Но до конца мы верить не хотели,
Что нет спасенья, что болезнь сильна.
И трое суток у его постели
Дежурила бессонная страна.

2

Вождя мы вспоминали по портретам.
По кратким встречам. По его речам.
На Мавзолее, солнцем обогретом,
Где он с утра нас в праздники встречал.

Мы вспоминали: вился невесомый
Снежок над ним в военный грозный час...
И, до мельчайшей черточки знакомый,
Перед глазами он вставал у нас.

Мы помним точно каждую примету:
В ладони трубка — огонек над ней,
И тихие шаги по кабинету,
И взлет орлиный сталинских бровей,

И жест, на первый взгляд скупой излишне,
И в синих жилках на столе рука,
И голос тихий, но такой, что слышно
Его на всей земле наверняка.

И кто б решился хоть на миг представить
Бессильными те руки, что могли
Ласкать детей, и государством править,
И приближать грядущий день земли!

3

Нежданно весть упала на Россию,
Нет тяжелей той вести ничего.
Но мы не верим!..
Смерти не под силу
Из нашей жизни унести его.

И было очень тихо на рассвете,
Порою только где-то скрипнет дверь.
И тихо сами одевались дети,
Поняв, что взрослым не до них теперь.

И всех сегодня радовало мало,
Поднявшись, солнце...
В дом вошла беда.
И радио часов не объявляло,
Как будто время стало навсегда...

4

Мы много песен о вожде сложили
В дни мира и тревоги боевой.
Из уст в уста передаются были
О нем, легендой становясь живой.

В них жизнь вождя, как солнца путь,
прекрасна,
Хоть всю ее и не вместят они...
Одну из них припомнил очень ясно
Я в эти дни.

В кругу друзей рассказывал однажды
Солдат, что брал и строил города,
О том, что Сталина он видел дважды —
На фронте раз и раз весной, когда

Салют победный отгремел в столице,
И мирный день настал для всей земли,
И ствол у пушки перестал дымиться,
И по домам с войны солдаты шли.

Сады стояли в белом цвете вишен,
Когда навстречу нам, солдатам, он
На ранней зорьке из столицы вышел
В плаще полувоенном, без погон.

Он шел... Обозы громыхали рядом;
Войска в пыли тянулись, как в дыму,
Его подолгу провожая взглядом,
Желая доброго пути ему.

Машины шли, и проходили кони.
Он шел, и пыль садилась на него.
И тракторист смотрел из-под ладони
На путника. И узнавал его.

Куда он путь держал, тогда не знали.
Не знали, у каких пройдет он сел.
И честь ему солдаты отдавали.
Он руку поднимал. И дальше шел.

Никто не знал, какой заботы ради
Он шел: ведь у вождя немало дел...
И побывал сперва он в Сталинграде —
В разлив на Волгу долго он глядел.

Он шел, и солнце шло по небосклону,
Степное солнце — жаркая пора...
А после, говорят, он вышел к Дону.
Потом его видали у Днепра.

И всюду он совет держал с народом.
И помнят люди, где он побывал,
Какие речки перешел он бродом,
В каких домах когда заночевал...

И помню с ним я разговор минутный:
— Устал, солдат?
— Готов в поход любой!..
— Что ж, бой нам предстоит... И очень
трудный:
Теперь трудиться мы должны с тобой.

Так и сказал: «С тобой должны трудиться».
Негромкий, помню, голос у вождя...
А после возвратился он в столицу,
Кругом весь край советский обойдя.

Прошел по новым городам и старым
Тогда он, в тот послевоенный год.
Свою он землю обошел недаром —
Теперь об этом знает весь народ.

И поклонился павшим он героям...
Далекий путь виднее стал ему.
Теперь вот мы большие стройки строим,
А он тогда прикинул, что к чему...

5

Нежданно весть упала на Россию,
Нет тяжелей той вести ничего.
Но мы не верим!..
Смерти не под силу
Из нашей жизни унести его.

Пусть флаги скорбно над землей повисли,
Пусть вышла «Правда» с траурной
каймой,—
Он в каждом деле, в каждой нашей мысли
Он среди нас — среди живых живой...

Гудели под шагами мостовые,
Но этот гул все ширился и рос.
И после смерти Ильича впервые
Колонный зал увидел столько слез.

И люди шли по улицам столицы,
По колеям проселочных дорог.
Не иссякая, мог бы годы литься
Народной скорби и любви поток.

В каком краю искать ему истока?
В каком селенье, в стороне какой?..
И нет конца у этого потока,
И нет границ такой любви людской.

С минуты этой мы верны особо
Заветам мудрым друга и отца.
Стоят его соратники у гроба,
Стучат в тиши по-сталински сердца.

Пусть стиснутые губы побелели,
Пусть мы с поникшей головой идем,—
Не в саркофаге и не в Мавзолее —
В сердцах людей его последний дом.

В сердцах людей России и Китая,
В сердцах людей всех наций и племен.
Сердец биенье крепнет, нарастая,
Порукой в том, что жив навеки он...

Гудки смолкают. Тронулась живая
Громада стройных боевых колонн,
И, воинскую почесть отдавая,
Идут полки, что выпестовал он.

И нарастает гул — сначала смутный —
Моторов гул из-за Москвы-реки.
И паузе конец пятиминутной:
Пошли машины, тронулись станки.

И гимн поплыл от края и до края
Родной, любимой, солнечной земли.
И эшелоны, скорость набирая,
На Днепр и Волгу грузы повезли.

Заводов дымы вновь поплыли, мглисты.
Свершится все, что он держал в мечтах.
Жизнь продолжается... И коммунисты
Стоят, как прежде, твердо на постах.

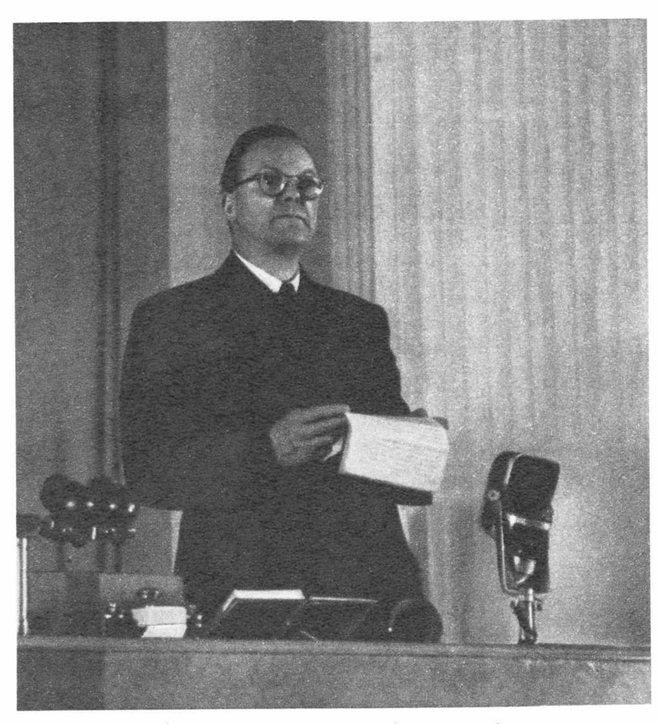
Олег ЗВЕРЕВ

Наша цель — мир

Беседа с лауреатом международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймсом Эндикоттом

Доктор Джеймс Эндикотт сидит за письменным столом, заваленным газетными вырезками, рукописями, брошюрами.

— Слишком много впечатлений,— говорит он.— Приходится все записывать: хочется запомнить каждую мелочь. Я уже не в первый раз в Советском Союзе, но каждый день жизни вашей страны приносит столько нового и значительного! Новая ли школа у вас построена, или гидроэлектростанция пущена в действие — для меня это большая личная радость. Ведь эти ваши успехи придают новые силы и уверенность всем сторонникам мира, где бы они ни жили и на каком бы языке ни говорили. А уверенность в том, что намеченная цель достижима,— это добрая половина дела...



28 марта в Кремле, в Свердловском зале, была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами» председателю Национального Совета Канадского конгресса защиты мира, священнику, доктору теологии **Джеймсу Г. ЭНДИКОТТУ.** На снимке: доктор Джеймс Г. Эндикотт.

Наша цель — мир. Верный путь к нему — заключение Пакта Мира между пятью великими державами. Надо, чтобы правительства поняли, что народы не только не хотят, но и **не допустят** войны, что народы проклянут любое правительство, которое попытается обмануть чаяния простых людей и ввергнет человечество в новую войну.

Вы понимаете, конечно, что у нас в Канаде, да и вообще на американском континенте не все знают о вашей стране. Заблуждающихся или неуверенных у нас еще много. Так называемая «свободная пресса»,— с иронической улыбкой подчеркивает Эндикотт, — делает для этого все, что может. Клевета, искажение фактов, замалчивание играют свою роль. Но правда рано или поздно пробивает себе дорогу!

Джеймс Эндикотт берет со стола вырезку из канадской газеты и читает слова товарища Г. М. Маленкова на Четвертой сессии Верховного Совета СССР:

— «В настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки». Так сказал премьер Советского государства,— заключает Эндикотт.— Правда этих слов не может не дойти до сердца народов...

Вы хотите знать, что я считаю основным достижением движения в защиту мира за последнее время? То, что к этому движению примыкают все новые и новые социальные слои. Люди вроде Жан-Поля Сартра, Иозефа Вирта или Алессандры Пьяджо. Великая идея мира захватывает все больше и больше людей. Это характерно не только для Европы и Азии. Я с радостью наблюдал это и у себя в Канаде. Вы видите эту брошюру? — Из вороха бумаг Джеймс Эндикотт выбирает тоненькую книжку в белом бумажном переплете. — Ее написал Эрнст Виер, американский промышленник. Около трех лет тому назад он совершил поездку по Европе с целью изучить ее политическое положение. Брошюра — результат его наблюдений и размышлений. Вот что он говорит, я даже выписал это: «Я не нашел ни одного человека, который верил бы, что Россия стремится к войне теперь или через несколько лет — если она вообще к ней стремится». Если так говорит крупный промышленник, это кое-что значит! — смеется Эндикотт.

Разговор заходит о награждении Джеймса Эндикотта международной Сталинской премией.

— Это счастливейшая страница моей жизни, — говорит Эндикотт.— В моем лице этой награды, почетнее которой нет в нашу эпоху, удостоены все канадцы, которые борются за мир... Жена, как видно, не надеется на мою память,— продолжает он, улыбаясь госпоже Эндикотт,— она напоминает мне, чтобы я сказал вам и о дальнейших планах...

Глаза нашего собеседника становятся серьезными.

— Наша мечта — привлечь к участию в движении за мир в Канаде подавляющее большинство соотечественников. Доказать им, что мир может быть сохранен и упрочен, что его надо спасти и отстоять!..

ИВ ФАРЖ

31 марта пришло известие о том, что безвременная смерть вырвала Ива Фаржа из рядов борцов за мир. Нелепая случайность — автомобильная катастрофа — прервала кипучую, полную любви к людям жизнь этого выдающегося борца за мир и счастье народов. Советские люди, народы всего земного шара никогда не забудут Ива Фаржа. Не забудет его французский народ, одним из замечательных сыновей которого был пламенный патриот Ив Фарж. На юге Франции в годы гитлеровской оккупации партизаны, организованные Ивом Фаржем, отстаивали для Франции и ее народа право на жизнь, на национальную независимость. Национальный комитет борьбы против насильственного угона французов в Германию, руководимый Ивом Фаржем, помешал отправке в фашистскую неволю не одной тысячи трудящихся. После второй мировой войны в деятельности Ива Фаржа слились воедино борьба за коренные национальные интересы французского народа с борьбой против подготовки новой опустошительной войны. Миллионы простых людей Франции объединились в борьбе против иноземной оккупации, в борьбе за независимость и достоинство родины под руководством Национального Совета мира Франции, возглавлявшегося Ивом Фаржем.



Выдающийся борец за мир французский общественный деятель **Ив ФАРЖ** после вручения ему международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Вручение состоялось 25 марта 1953 года в Свердловском зале Кремля.

Ива Фаржа с теплой благодарностью вспоминает народ борющейся Кореи. Это в защиту его правого дела выступил Ив Фарж в своих книгах «Война Гитлера продолжается» и «Свидетельство о Корее и Китае».

Совсем недавно, 25 марта, в Свердловском зале Кремля писатели и рабочие, артисты и общественные деятели нашей страны поздравляли Ива Фаржа с вручением ему международной Сталинской премии — почетной награды за неутомимый его труд в благородном деле сохранения мира между народами. Здесь были его соратники по Всемирному Совету Мира. Они пришли, чтобы разделить его радость, пожелать дальнейших успехов в его прекрасной деятельности на благо человечества. Эти пожелания от души разделял весь советский народ, идущий во главе могучего лагеря мира и демократии.

Передовое человечество сохранит навсегда память об Иве Фарже, как о человеке, отдавшем себя целиком благородному делу защиты мира.



Говорит покупатель

На этой выставке, открывшейся в Таллине, представлены образцы изделий, выпускаемых 14 предприятиями Эстонской ССР.

С интересом рассматриваются стенды текстильной фабрики имени 1 декабря. Здесь хлопчатобумажные ткани самых разнообразных расцветок, шерстяные ткани. Внимание привлекают заменители шерсти — особые ткани из штапельного волокна.

Трикотажная фабрика «Марат» выставила нарядные верхние кофточки и свитеры из шерстяного трикотажа. Швейная фабрика имени В. Клементи и мастерские Таллинского промкомбината демонстрируют новые фасоны платьев, костюмов, пальто.

Интересны изделия резиновой фабрики «Пыхьяла»: детские ботики, дамская резиновая обувь новых моделей.

Менее удачен отдел обуви: здесь много устарелых фасонов, и в адрес обувщиков высказывается немало критических замечаний.

Выставка пользуется большим успехом у таллинцев; здесь побывало много тысяч посетителей. В книгах отзывов подвергаются критике некоторые образцы, высказываются пожелания и предложения.

Н. ХРАБРОВА

Галина Шустикова

В станице Ленинградской, Краснодарского края, на районной Доске почета помещена фотография телятницы колхоза имени Кирова Галины Шустиковой (см. обложку этого номера). Шустикова завоевала почет в своем районе большим и упорным трудом.

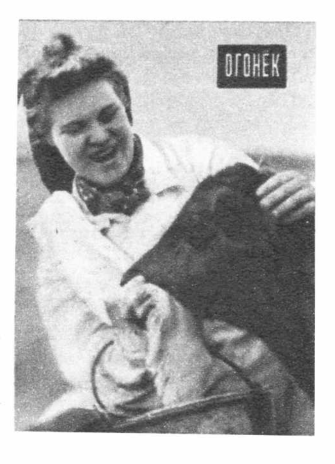
Вырастить за год 225 телят, уберечь их от болезней, добиться хорошей упитанности — дело хлопотливое и трудное. Иногда около теленка приходится проводить бессонные ночи: ждать с подогретым молоком, когда теленок проснется, чтобы сразу же покормить его; измерить температуру; вывести пораньше на свежий воздух; правильно определить порцию молока; дать во-время глауберовой соли; сделать массаж больному. Да мало ли бывает забот у телятницы, если она твердо решила не иметь за год ни одного случая падежа!

Недавно на пятой ферме серьезно заболели семнадцать телят.

— Отдайте их мне,— попросила Шустикова.

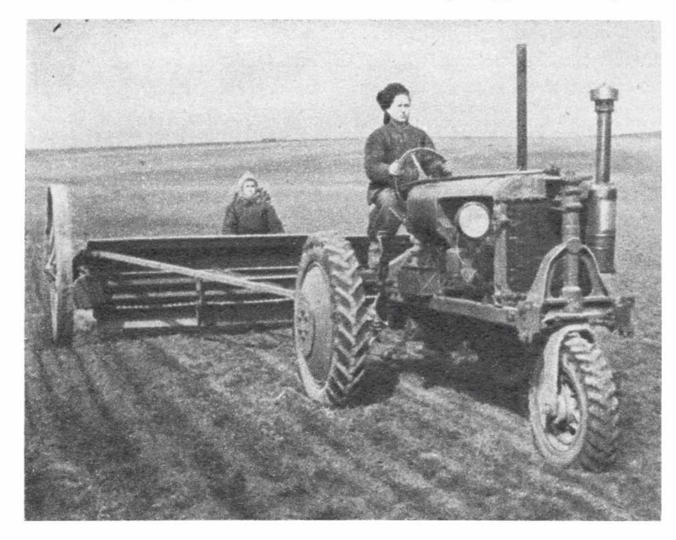
— Неизвестно, когда наша Галина и спала за эти несколько суток, — рассказывают колхозники. — Но всех телят выходила. Хорошие бычки будут!

В этом году Шустикова закончит в своем колхозе трехгодичные курсы и получит звание мастера животноводства первого разряда.



ВЕСНА НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

В Министерство сельского хозяйства Украины телеграф приносит скупые строки о посевной. За цифрами, выстроившимися в пятидневную сводку, раскрываются необозримые поля, от берегов Тиссы и Дуная до Азовского моря. Вслед за Измаильской, Одесской, Херсонской, Николаевской областями начали сев в Запорожье, на Днепропетровщине. С каждым днем фронт весенне-полевых работ продвигается к северу.



Измаильская область. Подкормка озимых посевов в колхозе «Прогресс», Болградского района. Работают трактористка Чкаловской МТС В. Каралаш и прицепщица Ю. Танова.

Фото И. Диамент (ТАСС).

На юг Украины весна в этом году пришла с заморозками и сильными ветрами. В ряде районов низкая температура и ветры угрожали лишить почву обильной влаги, если во-время не разрыхлить поверхность. Украинские хлеборобы не отступили перед трудностями. Родина щедро снабдила сельское хозяйство первоклассной техникой. Вот типичный пример: свыше ста машин вывели в поле механизаторы Ново-Збурьевской МТС на Херсонщине. В небывало короткий срок, за два рабочих дня, механизаторы вместе с колхозниками закрыли влагу на всем зяблевом и паровом клину. В полтора дня был проведен сев ранних зерновых.

В истекшую неделю многие передовые колхозы и МТС южных областей республики рапортовали о досрочном завершении всего комплекса работ первого периода — боронования зяби и озимых, посева ранних зерновых культур. На Херсонщине первыми в области закончили сев ранних зерновых все колхозы Генического и Цюрупинского районов.

Характерной особенностью нынешней весны является более широкое применение усовершенствованных методов труда, приемов передовой агротехники и механизации полевых работ. Возросшее мастерство показали тракторные бригады Леонтия Кушко из Овидиопольской МТС, Одесской области, Евгения Негуляева из МТС имени Сталина, Генического района, Херсонской области, и десятки других.

В эту весну в больших масштабах проводится авиаподкормка посевов. Значительный отряд летчиков направлен в помощь труженикам сельского хозяйства. Несмотря на сложные метеорологические условия, экипаж летчика Зекуна из подразделения тов. Степанова отлично провел подкормку озимых в колхозах имени Ильича и имени Сталина, Запорожской области. Перевыполнили свои задания пилоты Атамась, Иванов, Клюев, работавшие на полях Херсонской, Николаевской и Одесской областей.

Наряду с севом на Украине началась закладка новых полезащитных лесных полос. Посажены первые десятки тысяч сеянцев. В этом году намечено провести лесные посадки на площади в 70 тысяч гектаров. Кроме того большое количество деревьев будет высажено для укрепления песков и оврагов.

Колхозы и государственные агролесопитомники подготовили 650 миллионов сеянцев дуба, белой акации, ясеня, березы, тополя и других пород.

В создаваемых лесных полосах на значительной площади будут выращиваться грецкий орех, яблоня, груша, абрикосы.

В. ШУМОВ

* * *

В южных районах Молдавии полным ходом идут весенние полевые работы. Многие колхозы Кагульского округа, закончив боронование зяби, приступили к севу ранних колосовых и масличных культур. Одним из первых начал сев колхоз-миллионер имени И. В. Сталина (Тараклийский район). На поля вышли мощные агрегаты.

В эти же дни в колхозные полевые станы выехали передвижные ларьки потребкооперации. Они доставляют продукты, промышленные товары, литературу.



Агрегат тракториста Тараклийской МТС (Молдавская ССР) Т. Андреева на севе ячменя.

Фото Т. Аверковой.



Передвижной ларек доставил товары в полевой стан колхоза имени И. В. Сталина, Тараклийского района.

Фото П. Лисенкина (ТАСС).



30 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Нидерландов в СССР Е. Тейксейра де Маттос, вручившего свои верительные грамоты. На снимке (слева направо): Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Нидерландов Е. Тейксейра де Маттос, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и Заместитель Министра иностранных дел СССР Б. Ф. Подцероб.

Фото Дм. Бальтерманца.

Всесоюзные теннисные соревнования

На закрытых площадках

В прошлое воскресенье закончились встречи сильнейших теннисистов страны на закрытых площадках. Они стали традиционными и являются своеобразным смотром мастеров ракетки перед летним сезоном.

Однако эти состязания, как и недавно прошедшие встречи на первенство столицы, показывают, что теннисисты еще не готовы к серьезным соревнованиям.

Попрежнему ничем не порадовали нас молодые спортсмены. У них невысока техника, однообразны тактические приемы. Играют они по преимуществу на задней линии, несильными длинными ударами, словно боясь нарушить покой своего более опытного соперника. А опытные мастера тоже не очень охотно бегают к сетке, мало играют с лёта, почти никогда не «укорачивают» мячи.

У мужчин попрежнему в полуфинальной четверке скрестили свои ракетки опытные мастера, не раз уже игравшие в подобных состязаниях.

В финале мы увидели лучших теннисистов страны: С. Андреева и Н. Озерова. Первый показал хорошую выдержку, физическую подготовленность, но играл очень однообразно. Н. Озеров старался показать более острую игру, но допускал много ошибок, в том числе и в моменты подачи мяча.

В итоге победил С. Андреев с результатом 10 : 8, 4 : 6, 6 : 1, 6 : 2. В финале женских соревнований играли Н. Белоненко и Е. Чувырина. Эта встреча отличалась упорством, но тоже была крайне однотипна: обе спортсменки соперничали в длинных и точных ударах, даже не пытаясь изменить характер состязания. Победила Е. Чувырина.



ДАР СТАЛИНСКОЙ ДРУЖБЫ

Когда моторист Николай Михайлович Прутков впервые пришел на эту строительную площадку в центре Варшавы, на него сразу повеяло чем-то очень, очень знакомым. Ну, конечно, он уже однажды был здесь, именно здесь, на стыке двух шумных городских артерий, улицы Маршалковской и Иерусалимской аллеи, где возводится теперь высотное здание Дворца культуры и науки.

...Был на исходе 1944 год. Части Советской Армии стояли на берегу Вислы, в Праге — предместье Варшавы. За рекой в огне и дыму страшным силуэтом вырисовывался город. Водителю танка «Т-34» Николаю Пруткову в ту пору пришлось на своей боевой машине пройти вниз по Висле до поселка Яблонна, там переправиться через реку, а потом через Беляны и Жолибуж — эти северные районы столицы — ринуться к самому центру города, в бой с засевшими там немецко-фашистскими войсками.

Было жаркое сражение, потом все стихло. Танковый взвод стоял на улице, настолько засыпанной обломками, что самой улицы, ее обычных признаков — тротуаров, фасадов домов — не было видно. Потом, словно из-под земли, появились женщины, дети, старики. Они крепко жали руки советским бойцам, обнимали их, целовали, плакали.





Николай Михайлович Прутков.

А после танкисты стояли здесь же, в строю, слушали приказ Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза. Товарищ Сталин благодарил советские войска и войска 1 Польской армии за освобождение Варшавы... Вот и тот костел, что при выполнении боевого задания служил танкистам ориентиром. Вот прямой, узкий дом, самый высокий в городе. В памятный день боя он горел, как свечка. Но как все переменилось с тех пор! Широкие улицы застроены новыми домами...

В том, что судьба вновь привела в Варшаву русского рабочего Николая Михайловича Пруткова, нет ничего удивительного. И не он один такой в большом коллективе советских людей, строящих варшавский Дворец культуры и науки.

У бывшего артиллериста, ныне механика, Алексея Ивановича Елисеева на груди среди боевых орденов сверкает медаль за освобождение Варшавы. Каменщик Игорь Николаевич Шиголев — в свое время боец-разведчик — четыре раза переправлялся через Вислу, направляясь в Варшаву за фашистским «языком». Каменщик Иван Тихонович Мальцев в бою за Варшаву был контужен...

— На этой стройке мы видим тех самых дорогих людей, которые январским днем 1945 года принесли нашей столице освобождение,— говорит мне старый варшавский водопроводчик Ян Кохановский.

* * *

В наших людях, что раньше шли в бой за свободу польского народа, а теперь возводят гигантское сооружение в центре Варшавы, воплощены невиданные в истории отношения нового типа между демократическими государствами, отношения, о которых И. В. Сталин говорит, что в основе их «лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема».

7 марта 1953 года правительство Польской республики присвоило строящемуся Дворцу науки и культуры имя Иосифа Виссарионовича Сталина, гения человечества, скорбь об утрате которого выливается ныне в могучую силу, направленную на борьбу за мир и счастье народов...

...На большом фанерном щите выписано яркими буквами слово «Молния!»

Это бригада монтажников Николая Коростелева управления «Стальконструкции» обещает достойно встретить 5 апреля — годовщину замечательной сталинской стройки, перевыполнив в два с половиной раза мартовский план. Коростелевцы приглашают все бригады последовать их примеру...

За этой «молнией» следуют другие. Дружная семья советских строителей в Варшаве живет одной думой вместе со всем советским народом.

* * *

Долог подъем по лесенкам, по узеньким переходам — монтажники ведут работу уже на десятом этаже. Зато как далеко видно сверху вокруг! И уже угадываются очертания будущего гиганта. Вон там, если стать лицом к улице Сосновой, бетонщики и каменщики ведут работы по сооружению огромного, на четыре тысячи мест, Зала конгрессов. Правее монтажники устанавливают ажурные стальные фермы над будущим огромным бассейном для плавания в корпусе спорта. Налево каменщики выкладывают стены четвертого этажа музейного корпуса. Поворачиваемся лицом к Маршалковской — в той стороне проступают контуры будущего зрительного зала и сцены Театра драмы. Еще выводятся стены третьего этажа, а на первом этаже рабочие белыми керамическими плитами, привезенными из-под Москвы, уже облицовывают наружный фасад...



«Эх, опять обогнали!..» Строители Дворца перед свежей «молнией».

Много ласковых, дружеских глаз следит за ростом Дворца. На подмостки, специально построенные возле стройки для желающих полюбоваться ею, люди начинают приходить с рассветом. И до позднего вечера течет людская река. Кого только не встретишь здесь: экскурсию крестьян из-под Карпат, железнодорожников из Торуня, гданьских портовиков, учащихся, стариков, молодежь, детей! Пожилой рабочий поднял маленькую белокурую дочурку и говорит:

— Смотри, Яся, здесь будет прекрасный дворец. Ты не раз побываешь в нем, когда будешь учиться...

К группе школьников обращается средних лет человек, по виду сельский учитель:

— Вот поглядите, дети: советские наши друзья возводят в столице Польши здание, где будут жить наука и искусство. А в это самое время американские самолеты жгут и уничтожают корейские города. Вот вам два мира: созидание и разрушение. Запомните это! И всегда помните о Сталине, который учил бороться за жизнь и счастье!..

Мих. ЯРОВОЙ

Варшава, март.



Дружба советских и польских строителей родилась не сегодня. На снимках: советские и польские воины в окопах под Варшавой; бригадир каменщиков стахановец Александр Захарович Антонов (справа) и польский каменщик передовик труда Юзеф Янишевский в минуты отдыха.

Письма мужества и гнева



Никос Белояннис и его жена Элли Иоаниду.

Год назад, 30 марта 1952 года, афинские палачи расстреляли замечательного сына греческого народа, члена ЦК компартии Греции Никоса Белоянниса.

Белояннису было всего 37 лет, из которых двадцать лет он целиком посвятил борьбе за независимость родины и за счастье греческого народа. При фашистской диктатуре Метаксаса он был заточен в крепость Акронафплион, которую коммунисты превратили в школу профессиональных революционеров. Когда гитлеровцы пришли в Грецию, изменники родины отдали Белоянниса вместе с другими коммунистами в руки оккупантов. Но уже в начале 1943 года он бежал из заключения и возглавил партизанское движение на Пелопоннесе.

Никос Белояннис был человеком исключительных дарований. И в годы национально-освободительной войны против гитлеровцев и во время борьбы против новых, американо-английских оккупантов он показал себя талантливым военным и политическим руководителем народных масс, журналистом, писателем. Когда окончилась партизанская война, Белояннис руководил подпольными организациями компартии в Афинах и Пирее.

После ареста он проявил исключительное мужество и твердость духа как во время допроса и пыток, продолжавшихся 216 дней, так и перед судом фашистского военного трибунала. Фашистские судьи пытались запретить Белояннису говорить, но им не удалось заглушить его мужественный голос. Белояннис превратил скамью подсудимых в трибуну обвинителя.

Смертный приговор Белояннису вызвал такую бурю возмущения, что афинские палачи отложили казнь на несколько месяцев, чтобы усыпить бдительность мирового общественного мнения. Но они не отказались от своего черного дела и совершили его.

На следующий же день после казни национального героя Греции у его могилы собралось несколько сот студентов и молодых рабочих. Они принесли скромный венок, на котором было написано: «Спи спокойно, Белояннис, мы будем бдительны!»

Именем Белоянниса названы улицы, площади, заводы в разных странах. Стихи и проза, посвященные его замечательной жизни и героической смерти, составили большую книгу. Она написана 77 писателями пятнадцати различных стран. Белояннису посвятили свои теплые, дружеские строки Го Мо-жо, Илья Эренбург, Назым Хикмет, Поль Элюар. Китайский писатель и ученый Го Мо-жо назвал свои стихи «Белояннис — бессмертен». И это правда. Белояннис будет жить не только в песнях, не только в мраморе старейшего русского скульптора Сергея Коненкова. Он будет жить в делах тех, кто поклялся его именем продолжать его дело.

Печатаемые ниже письма написаны греческой патриоткой Элли Иоаниду в афинской тюрьме Калифея после казни фашистами национального героя Греции Никоса Белоянниса. Письма были впервые опубликованы в прогрессивном журнале «Голос Греции».

Элли Иоаниду — жена и друг Белоянниса. Вместе с ним она работала в афинском подполье, вместе с ним была схвачена агентами охранки — асфалии, предана суду военного трибунала и так же, как и он, приговорена к смертной казни за принадлежность к коммунистической партии. Во время пыток на допросах, которыми руководил американец Роберт Дрискол, она держалась стойко и мужественно, хотя переносить мучения ей было тяжелее, чем другим: она ждала в это время ребенка. Сын родился в застенке асфалии незадолго до суда и сейчас продолжает оставаться в тюремной камере вместе с матерью.

Письма Элли Иоаниду говорят о высоком патриотизме греческих коммунистов, об их несгибаемой верности своему народу и делу борьбы за свободу и независимость родной страны.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

...Его вырвали у нас из рук, и мы не могли ничего сделать для его спасения. Мы не могли дать ему ничего, кроме нашей душевной боли и обещания отомстить за него... Ничего другого!

Как и полагается убийцам, они пришли за ним в три часа ночи. А в четыре часа тридцать минут был дописан кровавый эпилог этой самой трусливой, самой бесчестной пародии на правосудие, какую только можно себе представить. До той минуты мы ничего не знали. Все эти дни нам было запрещено видеться с кем бы то ни было.

На него надели перед казнью тяжелые кандалы и не дали ему высказать последнюю волю. Мне разрешили проститься с ним через решетку крохотного окошка моей камеры. И ночью все кончилось...

Даже эти убийцы сочли невозможным совершить свое преступление при свете дня. Они думали, что этим злодеянием они смогут избавиться от Белоянниса, каждое слово которого жгло их, как раскаленное железо. Они скоро поймут, что обманулись, вообразив, что со смертью Белоянниса все кончится. Для них Никос и после смерти так же страшен, как и при жизни!

Трусливым убийцам Белоянниса я напомню стихи великого поэта Паламаса:

Перед героями трепещут трусы.
Героев имя услыхав, они вопят коварно:
«Разбойники, предатели, бродяги!»
Но ненависть и королей и всех тиранов —
Порождена одним: герои — храбрецы
среди покорных,
Герои — воины и средь застывших
в спячке...

Нет, ночным убийцам не убить героев! Никто не может убить их. С их именами народы борются и побеждают. Как пламя мести, они горят в сердцах тысяч и тысяч борцов, живут, как пример, для молодых во всем мире, их бережно хранят в своих мечтах матери, которые хотят, чтобы у их детей было такое же чистое, большое, пламенное сердце.

Один из наших товарищей назвал Никоса Белоянниса буревестником-альбатросом. Таким он и был на самом деле — человеком большого полета. Бесстрашно встречал он любую бурю. Такие герои — опора в нашей борьбе. С ними во главе мы идем к победе.

Белояннис живет и будет жить вечно!

P. S. Эти немногие строки написаны в одиночной камере тюрьмы, в которой мы попрежнему находимся,— в той самой камере, через окно которой я простилась с Белояннисом. Эти строки написаны его пером.

Элли ИОАНИДУ

1 апреля 1952 г.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Убийцы Белоянниса не осмелились довести свое преступление до конца. Как истинные трусы, они остановились, испугавшись бури возмущения, которую вызвала бы казнь мате-

ри, только что произведшей на свет ребенка. Если я еще живу, то обязана этим их трусости. Но этим письмом я хочу сказать им: жизнь, которую вы мне сохранили, будет в тысячу раз больше, чем прежде, посвящена одной цели — отмщенью палачам!

— Ты должна жить, чтобы отомстить,— это были последние слова Белоянниса, когда он уходил на казнь. Я уверена, что вы, люди Греции и всего мира, слышали их вместе со мною. Я уверена, что они и в вас пробудили такое же гневное возмущение убийцами Белоянниса, убийцами тысяч и тысяч народных борцов, такое же желание приблизить час возмездия тем, кто заковывает народы в цепи и истребляет лучших сынов народа.

Испугавшись своего подлого дела, преступники не смеют выступить открыто. Они прячутся друг за друга, пытаясь избежать ответственности. Но это им не удастся — пусть знают это!

Я назову вам их всех. Не потому, что вы их не знаете, а потому, что хочу, чтоб их имена были начертаны в ваших сердцах кровью Белоянниса.

Обвиняю, как непосредственных виновников убийства, американских гаулейтеров в Греции и прежде всего Пэрифуа и Иоста, которые отдали приказ греческому правительству об устройстве комедии суда и о казни. Обвиняю партию Папагоса в парламенте и в армии, которая упорно оказывала давление на правительство, требуя казни и рассчитывая вместе с тем выиграть политически от того, что Пластирас запятнает себя кровью.

Я обвиняю греческого короля-чужеземца, главным делом которого является подписание приговоров нашим товарищам.

Я обвиняю Панопулоса и всю клику асфалии, Николопулоса и весь генеральный штаб, которые являются самыми низкими агентами иностранцев, исполнителями их приказов. Я обвиняю Венизелоса, который, оставаясь верным политике правых (в Греции это синоним политики кровавых расправ), всеми силами способствовал этому убийству. Обвиняю Рентиса, этого греческого Давида Руссе, как назвал его Никос.

Я обвиняю военный трибунал, который судил нас, и Ареопаг за то, что своим скандальным приговором они пытались придать преступлению видимость законности.

Наконец, я обвиняю главных виновников. Тех, кого я назвала до сих пор, знают все. Они не могут спрятаться. Не могут никого обмануть. Другие трусливые убийцы более опасны. Вот они: генерал Пластирас и большинство его министров и прежде всего его личный друг, министр юстиции Папаспиру. Сейчас они умывают руки и стараются скрыть под маской Пилата свое настоящее лицо — лицо Иуды.

Одним своим словом Пластирас мог остановить казнь. Но он не сказал этого слова. Он нарушил свое торжественное обещание — не расстреливать никого за «преступления», совершенные до образования его правительства... И он хочет, чтобы мы поверили, будто ему было «неизвестно», что замышляется, когда даже журналисты знали об этом и пришли в тюрьму в момент, когда уводили на казнь Белоянниса. Пластирас думает, что с помощью этой лицемерной комедии он в третий раз обманет греческий народ лозунгом амнистии, сейчас, когда с рук его, капля за каплей, стекает кровь Белоянниса.

Генерал Пластирас хочет, чтобы мы ему поверили. Пусть же тогда он выйдет и назовет одного за другим виновников преступления. Только тогда он сможет избежать народного осуждения и окончательной политической смерти. Если хочет, может рассматривать это письмо, как личный вызов, и пусть ответит. Если может, пусть сделает это, как мужчина, как солдат. Но он не ответит потому, что ему нечего сказать, потому что ему не смыть со своих рук кровь нашего героя.

Вот главные виновники преступления — исполнители воли пресловутой «американской демократии». Пусть они знают, что скоро волна народного гнева сметет их. И завтра у них не будет другого имени, кроме имени убийц Белоянниса.

Элли ИОАНИДУ

2 апреля 1952 г.

ЛИСИЙ ХВОСТ

Рассказ

И. ИРОШНИКОВА

Рисунок В. Климашина.

Каникулы начинались неудачно.

Коля хмуро глядел в окно. Вдали, в легкой дымке утреннего тумана, вырисовывались очертания завода. Из заводских труб поднимались в небо разных цветов дымы. Солнечные блики лежали на белом до синевы снегу. В морозном инее хрупкие, словно из фарфора,— кажется, прикоснись, зазвенят — застыли деревья...

И угораздило же его сломать лыжи! Разогнался с горы, сделал крутой поворот, чтобы лихо объехать стоявшую в стороне иву, да и врезался со всего размаха в ее толстенный ствол, даже искры из глаз посыпались.

Матери не сказал, что ушибся. До поздней ночи сидел над лыжами, надеялся все-таки подклеить, приладить как-нибудь. Где там! Чуть не в щепы разнесло.

Мать ходила, вздыхала: «Хорошо, хоть сам уцелел! Насчет лыж не горюй, сынок: завтра получка, купим новые». Купим! Получку отчим только завтра к вечеру принесет, за лыжами пойдут послезавтра, и двух чудесных, морозных деньков из десяти, отпущенных на каникулы, считай, что и не бывало.

Конечно, живи они, как прежде, в поселке, он бы не горевал. У кого-нибудь из дружков нашлась бы лишняя пара лыж, а тут...

Коля прошелся по комнате, вышел в кухню, заглянул — уж который раз! — в чулан. Там стояли лыжи отчима, широкие, обитые металлом, настоящие горные.

«Ну, и к чему они? — горестно думал Коля.— Как на великана крепления, на сорок пятый размер, к тому же привинчены наглухо. Да и по длине не подходят. Отчим ведь вон какой, чуть не два метра в высоту вымахал!»

Можно бы, конечно, сходить в поселок, к лучшему другу и дальнему родственнику Пете. По такой погоде пять километров пробежать — одно удовольствие. Раздобыть лыжи и с Петей на пару прокатиться до темноты, а там и заночевать можно у него. Тетя Паша, петина мать, хорошо встречает. Вот только очень уж она любопытная, прямо в душу въедается с расспросами. Все ей надо: и сколько отчим в получку приносит, да все ли деньги матери отдает, да не обижает ли?..

А потом еще соседки заглянут — одна, другая — и пойдут обсуждать, будто других разговоров у них нет. Одна скажет:

— И что такого в нем Марина нашла, не пойму. Немолодой и совершенно неинтересный.

Это про отчима.

Другая вступится:

— Зато самостоятельный человек и с авторитетом. И уж так он ее жалеет!

И тетя Паша, конечно, не промолчит:

— Хоть я Степану и родня, а Марину ни в чем осудить не могу. Со Степаном ей жизни не было. Хоть он и покойник, а скажу: характер у него был очень отчаянный — и выпить и погулять... А перечить ему не смей. И нисколько-то он ее не ценил...

«Ценил, не ценил,— тоскливо думает Коля,— ну им-то какое дело?»

Нет, в поселок идти ему неохота, и так на душе нехорошо.

Коля хмуро глядит в окно. Все в его жизни как-то не ладится с некоторых пор, и, если говорить откровенно, с тех самых пор, как мать надумала выйти замуж.

С отцом Коля жил мало. Родился без него, в сорок первом, военном году, а увидел впервые в сорок шестом.

Мама только что привела тогда Колю из детского сада и пошла в магазин за хлебом. Коля смирно сидел в углу и рисовал пароход. Все ребята в их группе почему-то любили рисовать пароходы. Вдруг дверь распахнулась настежь («Ветер!» — подумал Коля), и в дверном проеме как будто из-под земли вырос рослый, бравый моряк. В бескозырке, с вещевым мешком за плечами, он стоял на пороге, оглядывая комнату, словно искал кого-то.

Сказать правду, Коля струхнул маленько, но вида не показал, вылез из своего уголка и подступил к моряку: «Тебе чего надо?»

Моряк попрежнему молча взглянул на него какими-то странными глазами, и Коля вдруг ощутил такое беспокойство, что ринулся было промеж широко расставленных ног моряка в открытую дверь на улицу, но тот неожиданно подхватил его на руки: «Сыночек! Коленька!» У Коли замерло сердце, и, охваченный каким-то непонятным ему, непохожим на испуг чувством, он вдруг заревел и уткнулся кудлатой головенкой в небритую щеку моряка. Так и застала их мать, вернувшись из магазина.

С отцом они прожили недолго и как-то неладно. Дома отец бывал мало. Приходил ночью. Стуча сапогами, роняя стулья, щелкал выключателем, зажигал свет и лез целовать Колю, дыша ему в лицо тяжелыми винными запахами. Коля пугался, плакал...

С сыном отец был ласков, на мать покрикивал. Просыпаясь ночью, Коля часто слышал их сердитые голоса. Днем мать ходила невыспавшаяся, недобрая, хмурая.

Приходила тетя Паша, корила отца:

— Унялся бы ты, Степан! В поселке пошли уже разговоры. Нехорошо, неудобно: краснофлотец, к тому же награжденный.

Отец отшучивался, молчал, но однажды грохнул кулаком по столу:

— Дура! Кого учить вздумала? Тебе бы смерть повидать, как я ее повидал за эти годы, тогда поняла бы...

— Вот ты куда! — С доброго, круглого лица тети Паши сошел румянец.— Не рассчитывай, не пожалею! Один ты, что ль, воевал? — Она тяжело и часто дышала.— Нет тебе права ссылаться на войну! Смолоду славился буянством...

Осенью прямо с работы (он работал машинистом на шахте) отца увезли в больницу. «Опухоль в легких, рак»,— говорили врачи.

Было ему так нехорошо, что вскоре матери разрешили находиться при нем, в больнице. Колю из детского сада брала тетя Паша, у нее он и ночевал.

Зимой схоронили отца, и остались они с матерью вдвоем, как прежде.

Нет, отец не играл особенной роли в колиной жизни, зато мать... Сколько он помнил себя, она всегда была рядом, и все хорошее в его жизни так или иначе было связано с ней.

Придет, бывало, мама с работы (она тоже на шахте работала, табельщицей), наденет красный, в белую крапинку, с белыми петухами по кайме фартук, и словно расцветет комната. Словно горячий ветерок закружит по ней: заполыхают дрова в печи, зашумит чайник, домовито и вкусно потянет из духовки, и кажется, нет на свете милее их уголка, где каждая мелочь прилажена к месту добрыми мамиными руками.

Хорошо им жилось вдвоем, дружно как-то и весело!

Внешне Коля относился к матери сдержанно, с суровой, мужской снисходительностью,

втайне — с жалостной нежностью. Была она маленькая, хрупкая, робкая, нуждалась (так казалось ему) в опоре и защите.

Чем взрослее он становился, тем больше заботился о ней — все трудное в доме старался взять на себя: он был мужчина, глава семьи. А мать взяла, да и вышла замуж...

Ходил к ним этакий тощий, высокий, седеющий человек, долго ходил, может, год, а может, того больше; работал он мастером на заводе, звали его Дмитрий Иванович.

Пил чай с конфетами — конфеты сам приносил, много и хорошие. Чинил повалившийся забор, вставлял и выставлял рамы, сооружал сарай для козы, вечерами сидел с мамой на крылечке и чаще всего молчал. Что за человек? Не поймешь. Ничем как-то себя не показывал, и глаз не было видно за толстенными стеклами очков. А мать взяла, да и вышла за него замуж...

Спросила однажды:

— Коленька, ты не возражаешь, если с нами поселится Дмитрий Иванович?

Спросила, словно про обычное дело, но глаз на Колю не подняла, и лицо у нее при этом стало такое... просто жалко было смотреть.

Коля пожал плечами и ничего не сказал. Он давно уже видел, к чему это клонится, да все не верилось. Дело, конечно, не его, но... Зачем маме этакого в доме? Вытянет ноги — не переступишь, головой чуть не в потолок упирается. Сама же потом пожалеет!

Маме он ничего не сказал: дело не его! Но дома старался бывать поменьше. То в школе задержится, то у Петьки, то с другими ребятами... Домой приходил есть и спать. Опротивело ему теперь дома.

К отчиму не обращался никак, да и к матери только по надобности. Пусть их! Только бы седьмой класс окончить (он учился в пятом), а там... пойдет в ремесленное при руднике, койку получит в общежитии.

Мама все понимала, плакала, нянчилась с ним, как с маленьким. Ночью сонного его целовала...

Коле было жалко ее, но... сама виновата! Что им, плохо, что ли, жилось вдвоем? Все он ей делал, все! Картошку окучивал, дрова колол, на рынок бегал, по воскресеньям в кино водил. Жить бы да жить, а она...

Они переехали в соцгород, в новый многоэтажный дом к Дмитрию Ивановичу. Квартира хорошая, не скажешь ничего. Высокие потолки, большие окна, в стенах какие-то шкафчики, на кухне газ, в ванной горячая вода целый день. Может, и хорошо, но скучал Коля по шахтерскому домику, садику, огороду, бодливой козе (козу продали), по высокому, как Эльбрус (так казалось когда-то), террикону, видневшемуся из окошка.

Здесь из окон виднелись заводские корпуса. По вечерам они сверкали огнями, и весь завод становился похожим на светлый плывущий во тьме корабль. Днем же из заводских труб поднимались в небо разных цветов дымы...

Коля хмуро глядел в окно. Белые, серые, розовые клубились дымы над заводом, но приметнее всех был один. Он не таял, поднимаясь в прозрачную высь, как другие, а стелился по небу густыми кольцами, яркожелтый, почти оранжевый.

— Знаешь, как его называют заводские? — проследив за колиным взглядом, спросила мать; она теперь старалась заговорить с ним по каждому поводу. — «Лисий хвост»! Интересно, правда?

— Ну да! Это кто же тебе сказал?

— Дядя Митя.

В разговорах с сыном мать упорно называла отчима «дядей Митей». Но Коля не называл его никак. И не собирался, пусть не надеется!

«Врет он все тебе,— насупился Коля,— сказки рассказывает, а ты веришь!»

Но название это как-то взволновало его. Похоже! Будто и впрямь пробежала по небу лиса, да и юркнула в заводскую трубу, как в нору, выставив наружу желтый, пушистый, отчетливо вырисовывавшийся в прозрачном небе хвост.

Коля долго смотрел на него, а потом, нахлобучив шапку, вышел из дому, как будто в сарай, где лежали инструменты отчима; на самом же деле не терпелось ему проверить: правда ли, что «лисий хвост»? И почему?

Отпирая замок, словно бы невзначай (как бы не засмеяли!) он завел разговор с ребятами.



Оказалось, действительно «лисий хвост». И плохо, если он появляется.

— Вот у Сеньки спроси! — говорили ребята. Сенькин отец — в этом цехе начальник. Он сегодня приехал домой на обед, а обедать не стал. Как заметил из окна, сразу же на мотоцикл и на завод обратно.

Толстый Сенька утвердительно кивал головой:

— Факт! Это значит: какие-то окислы где-то такое не поглотились, вылетают в трубу и пропадают зря. Тут уж не до обеда.

Ребятам можно было поверить. У многих из них отцы работали на заводе, поэтому они были сведущи в заводских делах и в школе постоянно хвастались этим, наперебой рассказывая учителям заводские новости.

Коля же ничего не знал о заводе. О шахте он мог бы еще рассказать, но шахта была далеко. А город жил интересами завода.

Из заводских ворот выкатывались круглобокие новенькие цистерны. «Жидкий аммиак» — было написано на них. Что такое этот аммиак и почему жидкий? Откуда берется и для чего? Не знал Коля этого: химию в пятом классе еще не проходили.

Из ворот завода выходили длиннющие составы. Сквозь незадвинутые двери товарных вагонов можно было видеть туго набитые мешки из плотной коричневой бумаги. «Амселитра,— говорили ребята,— удобрение. В Среднюю Азию, наверное, повезли, на хлопок». А Коля толком не знал, что же это за удобрение. Он даже не знал, в каком цехе работает Дмитрий Иванович. Вот, наверное, поэтому и не мог он держаться, как равный, с ребятами, а все оставался для них новичком, которому можно наплести всякой ерунды и потом его же поднять насмех: «Вот чудак! Развесил уши и слушает!»

Поэтому, может быть, и не удавалось ему как следует сдружиться со здешними ребятами. А что за жизнь без друзей! К Пете, в поселок, каждую минуту не побежишь!

Вечером, сидя за ужином, Коля спросил, не обращаясь ни к кому в частности:

— Этот самый, как его... аммиак, из чего его делают?

Отчим читал газету и словно не слышал, а мать встрепенулась сразу:

— Митюша, ты расскажи ему...

— Из азота и водорода,— не оставляя газеты, кратко ответил отчим.

Ну что это за ответ! Но Коля переломил себя и, горя желанием завязать разговор, ухватился за первое слово:

— А этот... азот, он из чего получается?

Теперь уже впервые за долгие месяцы он обращался непосредственно к отчиму, хотя и не называл его по имени.

— Из воздуха,— попрежнему кратко ответил тот.

— Понятно,— сказал Коля ломким от негодования баском и поднялся, резко отодвигая стул.— Вроде дырки от бублика получается, так, что ли?

Может, он и не очень кстати сказал про бублик, но все равно! Пусть знает: посмеяться над Колей не удалось, не на такого напал!

Отчим с интересом взглянул на Колю. Настороженные, любопытные мальчишечьи глаза с горькой обидой смотрели на него.

— Сомневаешься? — усмехнулся Дмитрий Иванович и отложил газету.— Ну иди, давай разберемся.

Отчим чертил на листке бумаги какие-то круги и квадраты, а Коля, насупившись, стоял рядом, молча разглядывая его профиль, худощавый, резко очерченный, с чуть выдававшейся вперед упрямой линией подбородка.

Закончив чертеж, отчим снял очки, положил их рядом, и Коля впервые увидел его глаза; темносерые, окруженные мелкими морщинами, они смотрели умно, понимающе, чуть насмешливо.

Это было очень интересно, то, о чем рассказывал отчим.

Азот действительно получали из воздуха. Воздух загоняли в особые машины, компрессоры, и он охлаждался до (подумать только!)... до ста шестидесяти, ста семидесяти, до двухсот почти градусов ниже нуля. Невозможно было представить себе такую температуру, не годилось ни одно из привычных понятий. Что это? Лютый мороз? Но мороз, при котором, как известно, на лету замерзают птицы, падая наземь твердыми комками, при котором человеческое дыхание превращается в капелькильдинки или в нити сосулек, оседающие на воротниках,— это всего-навсего шестьдесят, ну от силы семьдесят (точно он не знал этого) градусов ниже нуля. Но двести! Это не мороз, это — царство холода, в котором замирают всякие признаки жизни, где все живое превращается в глыбы льда!..

А воздух вел себя странно. Он превращался... в жидкость, в темносинюю жидкость, из которой, как пар из кипящей воды, выделялся азот.

Прощай, зима!

Еще апрель не сжег снега,
Еще на зорьке не одной
Прихватит инеем луга,
Блеснет сосулькой ледяной,

Еще, видать, земля сама
От стылости не отошла,
А все-таки сдает зима
Свои хозяйские дела,

Все, все, что есть, сдает подряд —
Леса, холмы, простор полей,
Свой инвентарь и свой наряд,
Что с песней вьюги шили ей.

Прощай, зима! С тобой опять
Нам не встречаться никогда:
Другим снегам в свой срок порхать,
Блестеть стеклу другого льда.

Ты долго шла в дыму седин,
Но все простили б мы тебе,
Когда б не стал твой день один
Горчайшим днем в людской судьбе.

Мы только люди, мы не сталь,
Нам память долгая дана.
Весна да просветлит печаль,
Что этим днем порождена.

Иди, зима, прощай, иди!
Пусть лес наряд наденет свой,
Пусть блещут грозы, пусть дожди
Шумят над жаждущей землей,

Пусть будет, горе пережив,
Широк душою человек,
Как торжествующий разлив
Неисчислимых наших рек!

Николай **ГРИБАЧЕВ**

— И льется? — спрашивал Коля.

— Льется,— в тон ему отвечал отчим.

Он был совершенно серьезен, только лукавые искорки вспыхивали в его глазах и тут же гасли. Но Коля не замечал этого. Час был поздний. Давно замолчало радио, а мама не гнала почему-то спать. Раскрасневшаяся, в любимом колином фартуке с петухами, она убирала посуду со стола, то и дело поглядывая в их сторону карими большими встревоженными глазами.

Коля долго не мог заснуть в эту ночь, а проснулся затемно. Лежал и обдумывал: обещал отчим взять его с собой на завод или так ему показалось? Как же быть теперь? Подниматься? А вдруг да не обещал, а Коля оденется и будет сидеть, как дурак? А если вчера обещал, да сегодня забудет?..

Коля ворочался с боку на бок, и сна не было, и нужное решение не находилось.

Наконец в соседней комнате послышался голос отчима.

— Николай как будто собирался со мной на завод,— говорил он матери,— будить его или, может, не встанет?

— Мама, который час? — немедленно подал голос Коля.

Отчим шел впереди, а Коля чуть сзади, независимо засунув руки в карманы пальто. Упорно выдерживая дистанцию, он как бы подчеркивал этим деловой характер их отношений.

У проходной Дмитрий Иванович остановился и, пропуская Колю вперед, сказал охраннику:

— Это мой!

Коля хотел было поразмыслить над его словами, но не успел. Завод охватил его сразу своим шумным горячим дыханием, насыщенным особыми запахами, наполненным непрерывным гулом работающих моторов.

Конторка мастера — невысокий стеклянный четырехугольник — высится посреди цеха, сквозь ее прозрачные стены видно все, что происходит вокруг.

Отчим сидит за столом и просматривает сводку работы ушедшей смены. Иногда, задержавшись на какой-нибудь цифре, он берет телефонную трубку. «Следите за температурой в точке 13—14»,— говорит он кому-то. Или: «Проверьте процент контактирования». Или что-нибудь еще такое, похожее.

Заходят девушки в синих халатах, лаборантки, кладут перед отчимом испещренные цифрами листки — сводки анализов.

Поочередно и вместе звонят телефоны (их несколько). «Как на командном пункте»,— думает Коля. Чувствуется: немногословный, неторопливый, как всегда, Дмитрий Иванович умело управляет всем, что происходит в этом огромном цехе.

— Теперь пойдем по рабочим местам,— говорит отчим.

...Коля идет за отчимом по цеху, по высоким, просторным залам со стеклянными потолками, с пестрой мозаикой полов, выложенных разноцветными плитками.

Бесшумно вращаются маховые колеса компрессоров, уходят ввысь голубые круглые башни, покрытые кое-где инеем, а кое-где и пушистым снегом, не тающим, хоть в цехе и тепло. Только колеблющиеся стрелки приборов да разноцветные огоньки электрических лампочек, вспыхивающие на контрольных щитах, говорят о том, что какие-то невидимые и неслышные процессы непрерывно идут в аппаратах. Отчим ходит по цеху широким, хозяйским шагом. Подходит к аппаратчикам, просматривает их записи в толстых журналах, о чем-то расспрашивает, на что-то указывает негромко, будто советуя. Его указания выполняют охотно, его останавливают, если он норовит пройти мимо. Коля поглядывает на отчима с уважительным интересом. Здесь, в цехе, он кажется каким-то другим, значительным.

Дмитрия Ивановича вызывают к начальнику, и Коля, оставшись один, наблюдает за работой паренька-аппаратчика. В синем комбинезоне, неторопливой походкой похаживает он от аппарата к аппарату, вглядывается в блестящие черные круги и квадраты приборов, заносит что-то в свою тетрадь, подкручивает какие-то вентили.

На почтительном расстоянии, но неотступно следует за ним Коля.

— Он тебе кем приходится? — имея в виду ушедшего Дмитрия Ивановича, вдруг обращается к Коле паренек.

— Мне? — Коля теряется от неожиданного вопроса.— Никто... просто так...— Не посвящать же первого встречного в сложность семейных отношений.— А что?

— Да ничего, поинтересовался, думал, родня. В честь чего, думаю, он с тобою так возится, все тебе разъясняет, показывает?..

«В честь чего?» — повторяет про себя Коля, и впервые крохотный червячок сомнения забирается в его душу.

— А ты чего делаешь? — спрашивает он, в свою очередь, стремясь перевести разговор на нейтральную почву.

— Чего?! Работаю.

— А как работаешь? — настаивает Коля.— Ты расскажи мне про это. А хочешь, я тебе буду помогать? — Открытое круглое лицо паренька располагает к доверию.— Правда, буду ходить за тобой и записывать.

— Да ты что? — возмущается паренек.— Думаешь, это так просто — записывать? Это на первый взгляд кажется, дело — пустяк: ходишь себе, вентильки подкручиваешь, а если разобраться, тут, брат, сила такая в аппаратах содержится, мощь такая!.. Тут, брат, мало-мало не доглядишь, весь завод — что завод! — весь город на воздух взлетит.

— Ну да! — У Коли перехватывает дыхание.— Вот это ответственность!

— А ты думаешь?! Тут, брат, все до тонкости понимать надо. Химия — это такая наука...

— Как же тебе такое доверили? — добивается Коля, охваченный жаркой мальчишечьей завистью.— Ты же еще совсем молодой!

— Ну и что? — с полным сознанием собственного значения говорит паренек.— В прошлом году окончил ремесленное, отличник...

В колиной душе созревает решение. Линия жизни теперь ему ясна. Надо кончать ремесленное не при руднике, а при заводе и стать химиком, раз это такая специальность.

— Конечно, кое-кто сомневался поначалу меня аппаратчиком ставить,— говорит паренек,— но Дмитрий Иванович настоял. А с Дмитрием Ивановичем у нас исключительно считаются. Никто лучше, чем он, не знает наш цех. А как же! Он его строил, он и пускал.

— И строил?!

— А ты не знал?

Конечно, не знал. Да что он, Коля, вообще-то знает об отчиме? Так, за здорово живешь, не взлюбил человека — и точка.

— Ну как же! — ведет свой рассказ паренек.— Я его биографию знаю. На собрании избирателей слышал, его в райсовет выбирали недавно. Дмитрий Иванович пришел на строительство с первой партией комсомольцев...

Отчим был комсомольцем! Еще открытие! Никогда бы этого не сказать. Хотя, впрочем... Коля вспоминает его худощавую, легкую в движениях фигуру, насмешливые искорки в глазах. Может, и был, кто ж его теперь разберет...

— Города здесь тогда никакого не было, маленькая дымная деревушка стояла, а кругом тайга да болото...

...Тайга да болота, да затерявшиеся в тайге палатки первых строителей, и среди них отчим...

Всем горячим мальчишечьим сердцем, жаждущим препятствий и подвигов, жаждущим трудного и большого, Коля откликается на эту картину.

Из заводских ворот он выходит поздно. Он бы еще не ушел, да отчим сказал:

— Беги! Мать, наверное, уже беспокоится, а я задержусь сегодня.

Домой Коля не торопится, кружит и кружит по заводским улицам, а завидев вдали шумливую стайку ребят, сворачивает в переулок. Не хочется ему сейчас ни встречаться ни с кем, ни разговаривать. Что-то большое вошло в его жизнь и все как-то переместило, передвинуло в ней.

Темнота наступает на город, звенят вдалеке трамваи, чернеют впереди силуэты деревьев, и вдруг веселая россыпь огней вспыхивает за ними. Это зажглись фонари.

«Вот тебе и тайга да болото»,— думает Коля, ощутимо завидуя отчимовой судьбе.

Он оглядывается. Сверкая огнями, огромный, светлый, словно корабль, уплывает в морозную даль завод. Из труб его поднимаются в небо дымы, но в вечернем темнеющем небе не различить их цветов и оттенков. «Может, и «лисий хвост» среди них,— думает Коля,— только лучше бы не было».

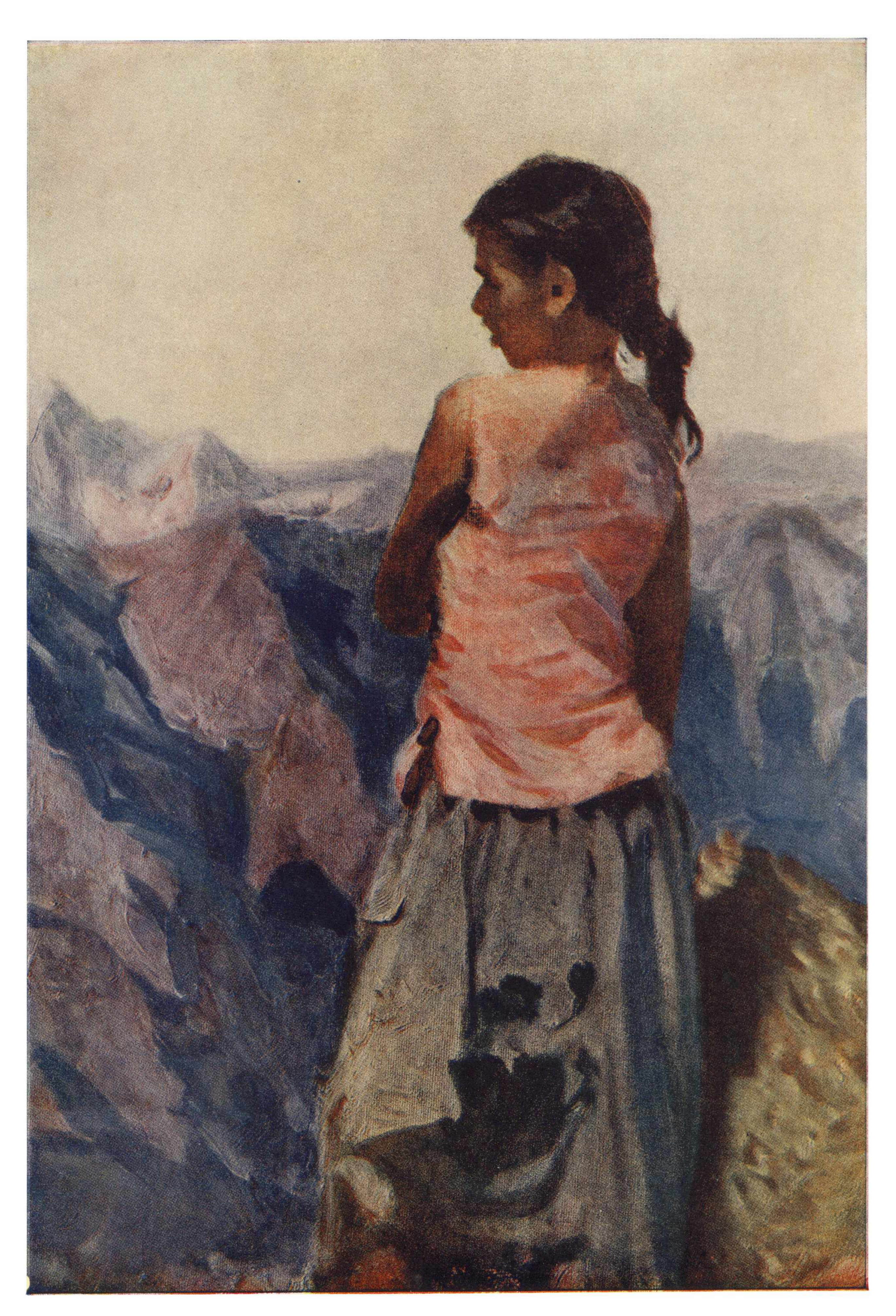
«Какие-то окислы где-то такое не поглощаются»,— вспоминает он объяснения толстого Сеньки и снисходительно усмехается. Чудак! Начальника цеха сын, а разобраться не может. Вот он, Коля, кое-что порасскажет теперь ребятам, скорее бы кончались каникулы...

Ступая широко и неторопливо, как отчим, шагает Коля по залитым асфальтом тротуарам и думает: пока он окончит школу, вступит в действие Туркменский канал и, видно, ему, Николаю, придется строить заводы не в тайге, а где-нибудь в песках Кара-Кумов.

«Что ж, и это неплохо»,— как о деле решенном, думает он, ощущая себя как-то по-новому сильным и решительным.

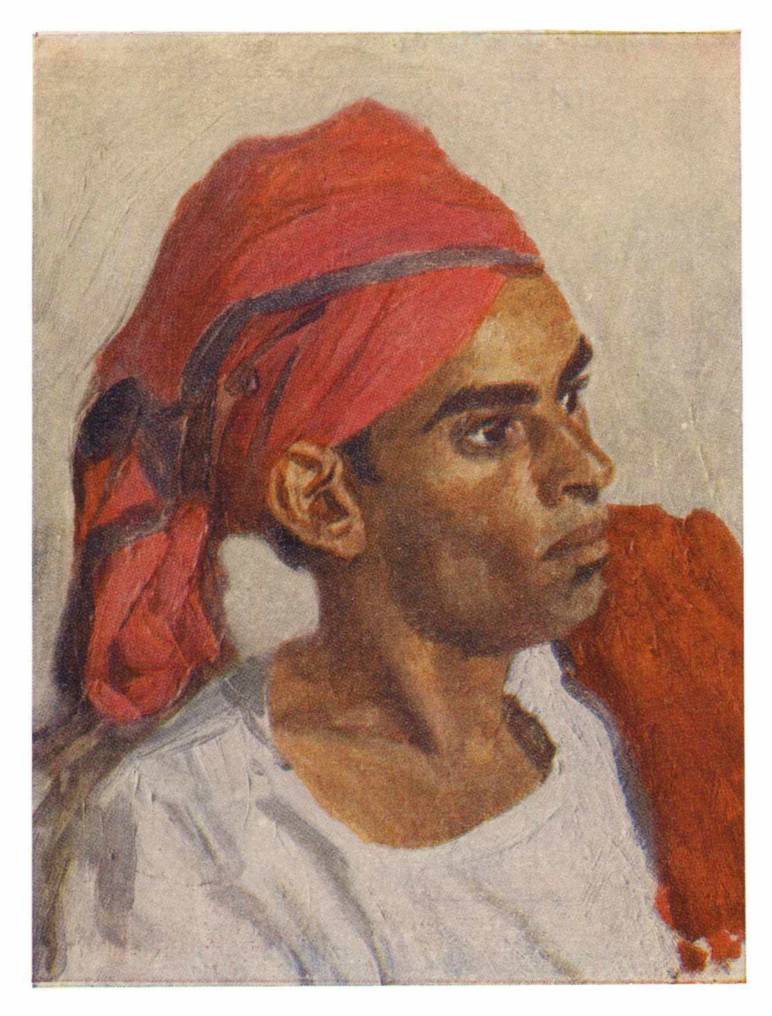
Коля идет домой; скрипит под ногами снег, множеством огоньков бегут ему навстречу знакомые улицы.

Рисунки художника В. П. ЕФАНОВА
из серии «Народные типы Индии»



ДЕВУШКА-КУЛИ В ГОРАХ.

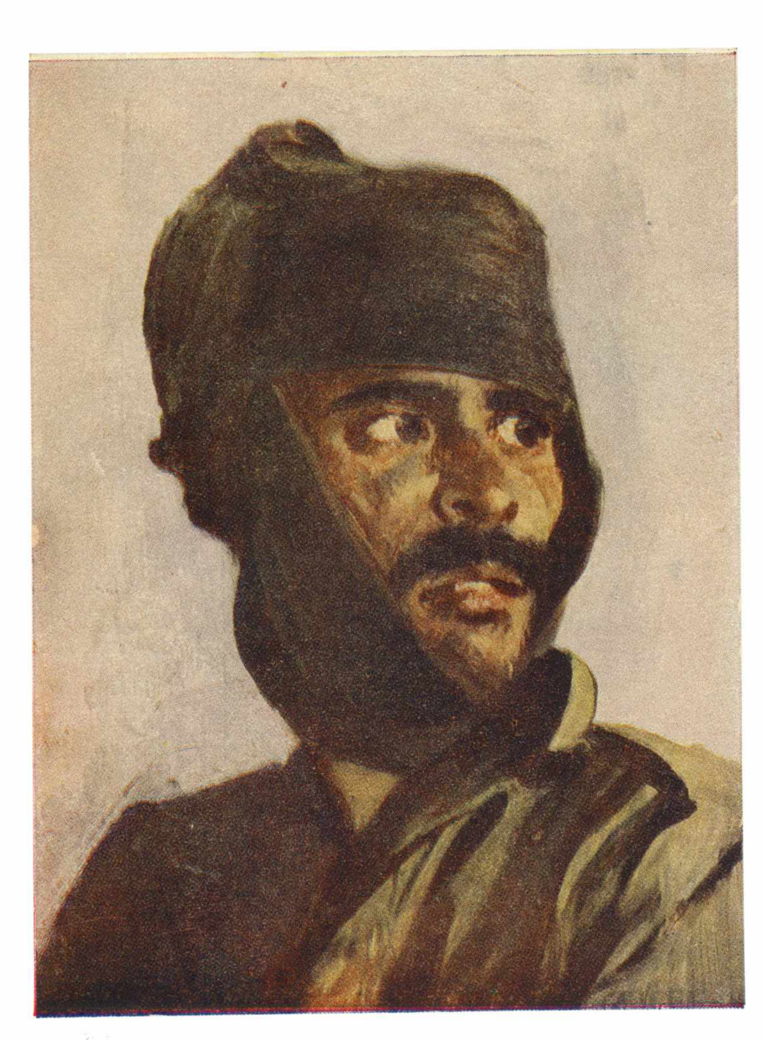
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.



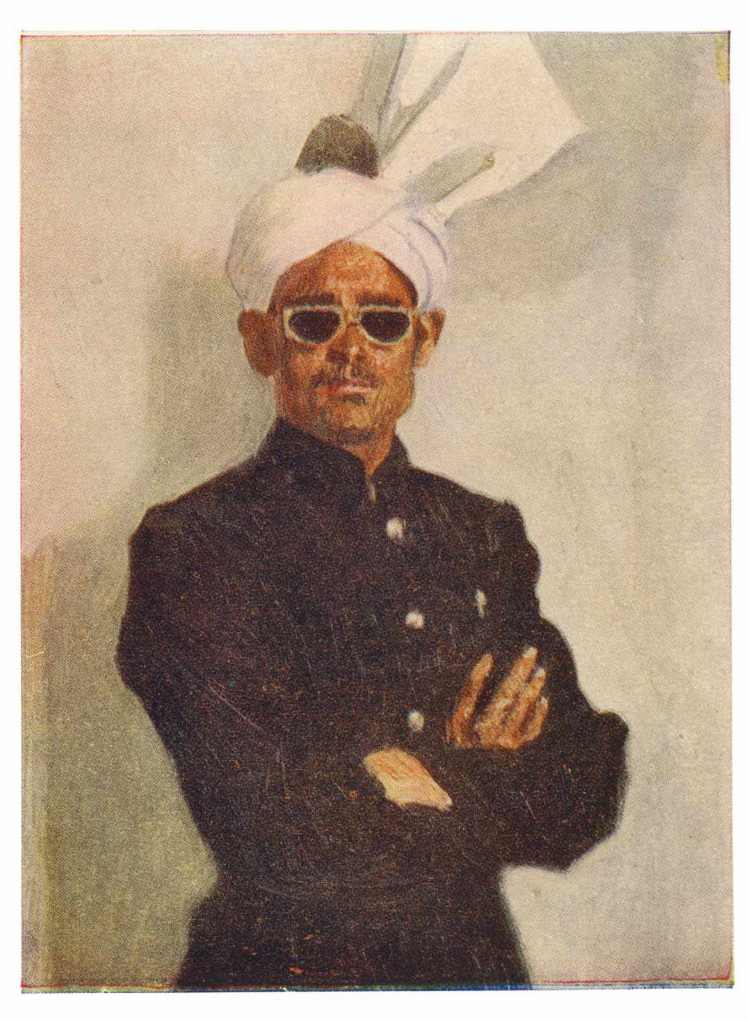
ПОВСТАНЕЦ В КРАСНОЙ ПОВЯЗКЕ.



ИНДИЕЦ ИЗ ДЖАЙПУРА.



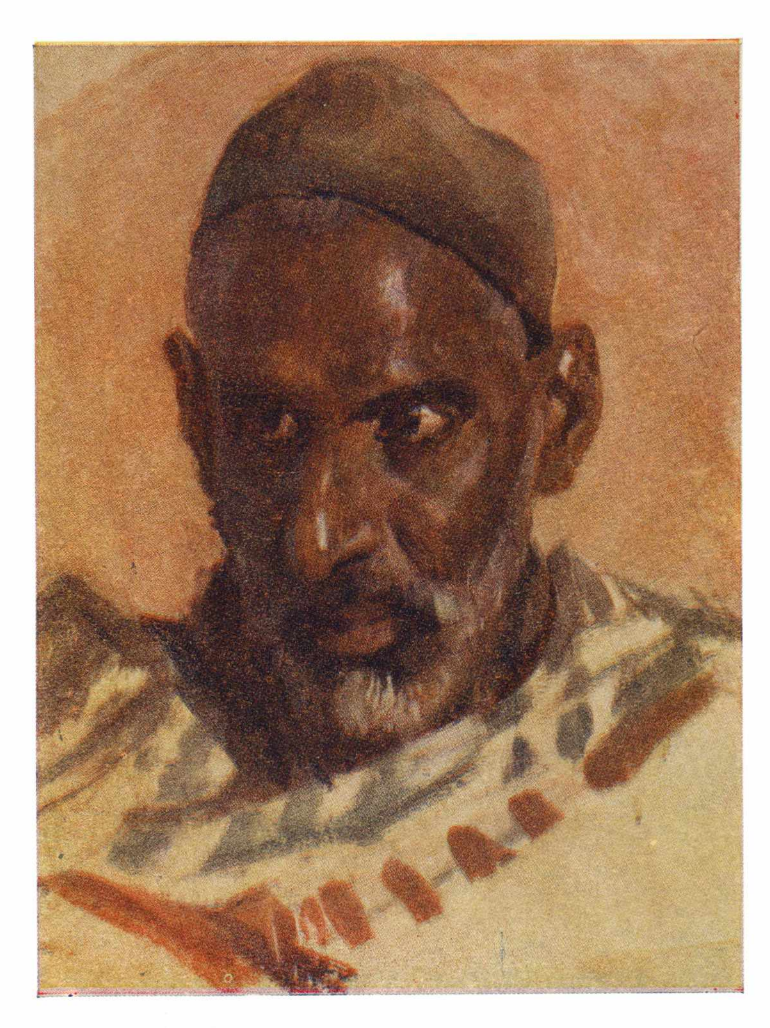
ИНДИЕЦ В ЧЕРНОЙ ЧАЛМЕ.



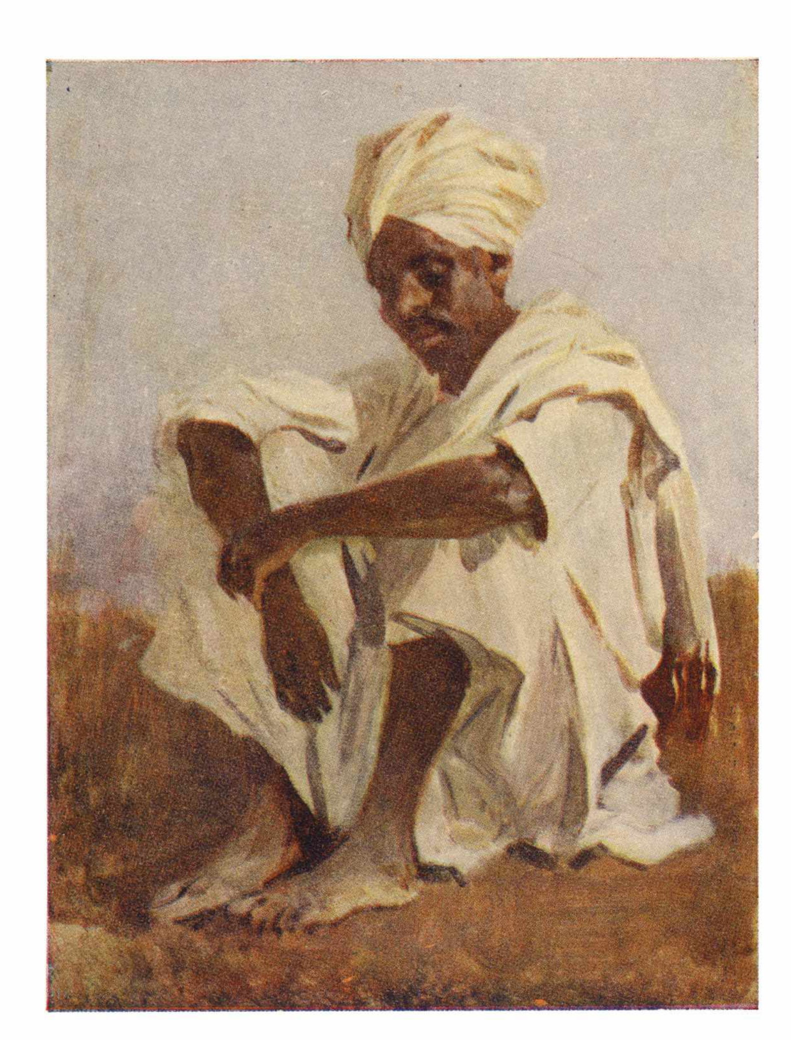
ИНДИЕЦ-ЧИНОВНИК.



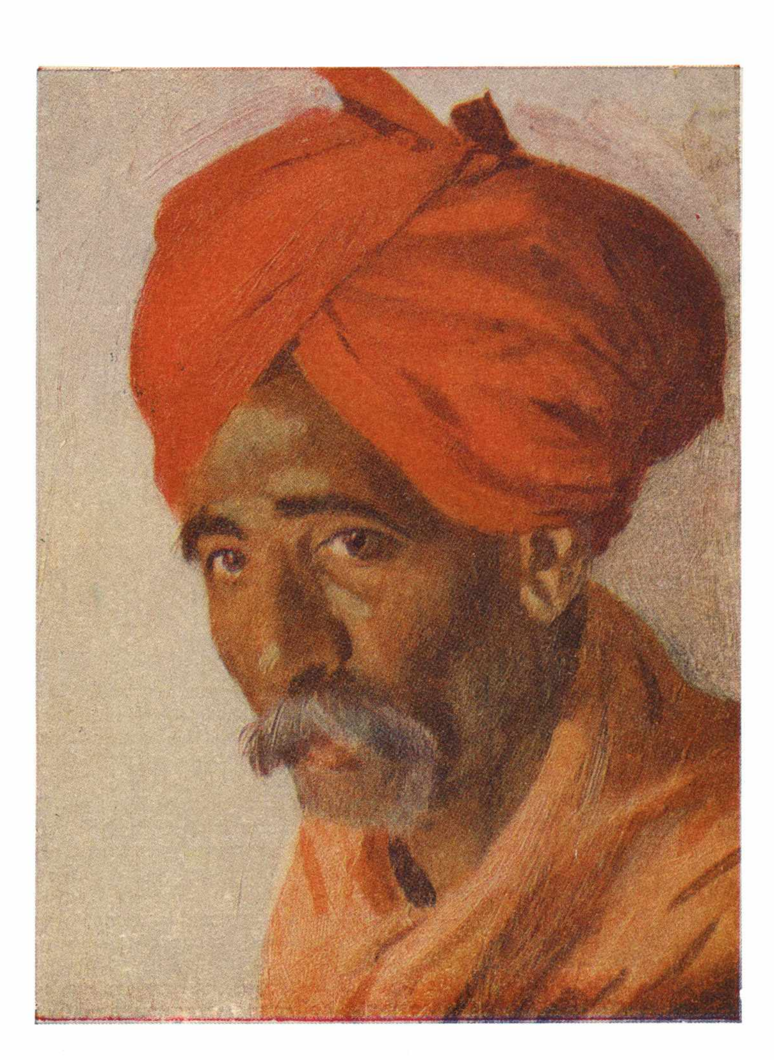
ИНДИЙСКАЯ ДЕВУШКА.



ИНДИЕЦ-РАБОЧИЙ.



СИДЯЩИЙ МУСУЛЬМАНИН.



СТАРЫЙ ИНДИЕЦ В КРАСНОЙ ЧАЛМЕ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.



В. П. Ефанов. ВЕРШИНЫ КИНЧИНДЖИНГА. ГИМАЛАИ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

По просьбе Всеиндийского общества художников в конце 1951 года из Советского Союза была отправлена в Индию выставка изобразительного искусства. Работы Репина, Айвазовского, Шишкина, Левитана, Верещагина, многих советских мастеров-живописцев и графиков были представлены на этой выставке.

С этой выставкой мы побывали в Дели, Калькутте и Бомбее. Произведения русских и советских мастеров пользовались большим успехом, встречались с горячей признательностью. Живописные полотна, рисунки рассказывали о природе России, о жизни советского человека, то есть о том, что сегодня интересует огромные слои населения Индии.

За три месяца с небольшим выставку посетило 110 тысяч человек. Шесть книг отзывов заполнены благодарными и восторженными отзывами самых различных людей.

Вместе с художником Чуйковым мы много ездили по стране, изучая жизнь народов Индии, делая этюды, собирая материал для будущих картин. Публикуемые здесь произведения послужат основным материалом в работе над задуманной мною большой композицией.

Индия поразила нас своими социальными контрастами, мужеством обездоленных классов. Запоминаются одухотворенные тонкие лица людей, готовых к борьбе. Живописцу хочется запечатлеть образы смелого народа, их самобытную культуру, яркие национальные одежды, с белыми накидками, цветными шарфами, ниспадающими складками. И пепельный, будто выжженный пейзаж.

Народ древнейшей культуры бережно хранит памятники своего искусства. Поражает индийская архитектура, интересны работы скульпторов, древнее искусство миниатюры. Нельзя не восхищаться музыкальностью этого народа, пластичностью его танцев.

От всего сердца хочется пожелать нашим новым друзьям — художникам Индии,— шире используя наследие национальной культуры, оберегая и отстаивая ее традиции, совершенствовать профессиональное мастерство, чтобы полнее и глубже отражать в своих произведениях жизнь своего народа, мужественного, трудолюбивого, одаренного.

В. Ефанов

ФРАНСУА РАБЛЕ

К 400-летию со дня смерти

А. М. Горький называл Рабле в числе тех писателей прошлого, которые «были безукоризненно правдивыми и суровыми обличителями пороков командующего класса».

Величайший писатель и мыслитель французского Возрождения, Рабле был одним из порожденных этой эпохой «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености», о которых писал Энгельс.

Рабле родился в 1494 году. После начального обучения в одной из монастырских школ он становится монахом. Юноша увлекается изучением латыни и греческого языка, зачитывается Плутархом, Геродотом, Аристофаном. В конце концов он самовольно сбрасывает



Пантагрюэль с друзьями.
Рисунок Г. Доре.

с себя монашескую рясу и отправляется бродить по Франции. Годы скитаний познакомили Рабле с жизнью народа.

Глубокий интерес к науке приводит его на медицинский факультет университета в Монпелье. В 1532 году Рабле — врач городской больницы Лиона. 30-е годы XVI века были годами расцвета французского Возрождения, а Лион, удаленный от опасного соседства Сорбонны и Парижского парламента — опоры мракобесия и реакции,— одним из важнейших центров развития гуманистической мысли Франции.

Рабле, обладавший смелым критическим умом, стремится проверить книжные знания практикой и опытом. В 1534 году он, нарушая запрет церкви, производит первое во Франции анатомическое вскрытие трупа. Рабле изучает астрономию, ботанику, интересуется вопросами политики, архитектурой и лингвистикой.

Он всегда был в самой гуще жизни, принимая активное участие в жестокой схватке прогресса и реакции. Сорбонна косо смотрела на деятельность Рабле, на дерзкие книги его романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». В 1546 году, спасаясь от костра, Рабле бежит в город Мец. Только благодаря покровительству кардинала Дю Белле он получил возможность впоследствии вернуться на родину. Умирает он в Париже в апреле 1553 года.

Рабле вошел в литературу как автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Успех анонимной народной хроники «о великом и огромном великане Гаргантюа» натолкнул его на мысль использовать любимые народом образы. Двадцать лет — с 1532 года до самой смерти — работает Рабле над своим произведением, в котором рассказывается о необыкновенных подвигах Гаргантюа и его сына Пантагрюэля. Все пять книг романа полны самой причудливой фантастики. Неудержимый вымысел Рабле увлекает вас в мир необыкновенных явлений и событий: то вы присутствуете на пиру у доброго короля-великана Грангузье, который приказал заколоть 367 014 жирных быков для угощения гостей, то узнаете о чудесном рождении Гаргантюа из уха матери или о том, как он однажды подшутил над парижанами, спрятав в карманы колокола с Собора Парижской богоматери. Рабле рассказывает вам о невероятных чудовищах и птицах, которых встречают путешествующий Пантагрюэль и его друзья, о войне, которую они ведут со свирепыми Колбасами. Рабле нисколько не стремится к правдоподобию своего рассказа. Он то поражает воображение читателя описанием многолюдных городов... во рту Пантагрюэля, то сажает этого же Пантагрюэля на одну скамью с парижскими студентами.

Серьезные мысли чередуются в книге с грубоватыми шутками и присказками; за цитатами из античных писателей и ученых следуют веселые народные поговорки и прибаутки.

Сочетание большой глубины мысли и шутливой формы изложения составляет исключительное своеобразие книги Рабле. Сам автор в предисловии к первой книге романа советует читателю последовать примеру умной собаки, старательно разгрызающей кость в поисках мозга, и «после тщательного чтения и зрелого размышления... высосать... мозговую субстанцию» из книги.

И действительно, в этом причудливом по форме романе сатирически осмеян феодальный мир и утверждается новое, гуманистическое мировоззрение. Все основные вопросы и проблемы, волновавшие французских гуманистов, нашли отражение в книге Рабле — настоящей энциклопедии французского Возрождения.

Великий русский критик Белинский писал, что содержание сочинений Рабле «всегда будет иметь свой живой интерес, потому что оно тесно связано с смыслом и значением целой исторической эпохи».

На страницах романа Рабле ведет беспрестанную войну со всеми уродливыми, отживающими явлениями тогдашней действительности.

Один из лучших эпизодов романа — сатирическое изображение завоевателя Пикрошоля. Пикрошоль бредит войной; подогреваемый льстивыми советниками, он уже видит себя властителем мира. В своих мечтах он давно ограбил Францию, покорил все страны Средиземноморья, угрожает турецкому султану... Блестящая сцена военного совета у Пикрошоля написана более 400 лет тому назад, но сатира Рабле звучит необычайно актуально и в наши дни, когда тоже слышатся голоса современных пикрошолей: «Затопчу, загрызу, захвачу, разнесу, сокрушу!» Поучительна судьба «завоевателя мира». Войско незадачливого вояки было разбито, ему самому пришлось спасаться бегством.

Когда Рабле говорит о монахах, обо всех этих тунеядцах — «лицемерах, смиренниках... начетчиках, ханжах, пустосвятах и отшельниках»,— в его словах звучит грозный отголосок народной ненависти. С нескрываемым издевательством повествуется в книге о культе «непогрешимого святого папы» на острове Папиманов — католиков. Большим почетом окружена там и книга декреталий — папских посланий,— которая «способна выкачать столько денег». В Звучащем острове, населенном хищными птицами — монаго, аббего, карденго (за этими именами легко угадываются различные представители духовного сословия), — трудно не узнать Ватикан.



Франсуа Рабле.
С гравюры XVI века.

Алчные и жестокие Пушистые Коты символизируют в романе судебное сословие — паразитический нарост на теле Франции. Остров Застенок, где они владычествуют, дает полное представление о всем беззаконии и нелепости феодального судопроизводства.

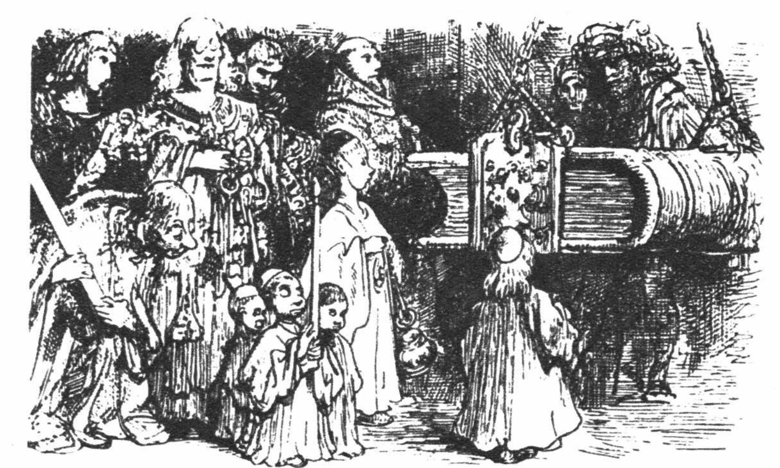
Рабле беспощадно высмеял ничтожность схоластической науки, с ядовитым сарказмом рисует он «ученых» богословов, астрологов и хиромантов, пародируя их речи, диспуты, научные труды, методы их обучения, убивающие в человеке всякую живую мысль.

Рабле проповедует новую гуманистическую систему воспитания, ставящую своей задачей гармоническое развитие всех умственных и физических способностей человека, стремящуюся научить его наблюдать и мыслить.

Человек, говорит он, создан природой для мира, а не для войны, рожден для радости и наслаждения всеми плодами и растениями.

В романе возникает воплощение мечты Рабле о счастливой жизни людей — Телемское аббатство. Здесь живут свободные, красивые, умные люди; они не знают никаких ограничений, так как свободному человеку, утверждает Рабле, свойственно стремление лишь к хорошим поступкам. Однако Телем — общество избранных. Телемиты живут, не зная труда. В этом сказалась слабость гуманистической мечты Рабле. Его утопия не затрагивает проблемы изменения жизни всего народа.

Образы гуманистов Гаргантюа и Пантагрюэля, наделенных вечной жаждой истины и знаний, противопоставлены всему уродливому



Книга декреталий. Рисунок Г. Доре.

средневековому миру. В ходе повествования автор, а за ним и читатель постепенно забывают, что Пантагрюэль — великан. Он остается в памяти главным образом как мудрый мыслитель и ученый.

Друзья Пантагрюэля — живой, деятельный Панург, неистощимый в своих выдумках и проказах, и веселый монах, богохульник брат Жан, преисполненный желания «сокрушить» окружающую нечисть. Так гуманистическая мысль Пантагрюэля подкрепляется активностью, народной мудростью, здравым смыслом его друзей Панурга и брата Жана.

В своем романе Рабле выступает как один из наиболее народных и демократических писателей не только французского, но и всего западноевропейского Возрождения, как выразитель народного протеста против феодализма.

гиперболой и особенно часто прибегает к гротеску, строя свои образы на крайнем преувеличении отдельных черт явления, на резких и неожиданных контрастах. Но в основе этих гротескных образов всегда лежат реальные, типические явления современной Рабле действительности.

Рабле создавал свою книгу в условиях жестоких преследований и репрессий со стороны реакции. Не выдержав гонений фанатиков и мракобесов, в 1544 году кончает жизнь самоубийством философ-атеист и крупный писатель Деперье. В 1546 году в Париже был сожжен на костре ученый-филолог Этьен Доле. Нужно было обладать большой смелостью и глубокой ненавистью к реакции, чтобы, невзирая на дым костров, на проклятия, на запрещение книг романа, шутить, смеяться и наносить удары врагам.



Франсуа Рабле.
Портрет работы неизвестного художника.

Глубокая гуманистическая ученость соседствует в книге с живой народной традицией. Французские народные хроники, фарсы, фаблио, легенды и сказки — все это живет, смеется и сражается в романе Рабле. Близостью писателя к народному творчеству объясняется и тот дух жизнелюбия и радостного оптимизма, которым пронизана его книга. Говоря о значении фольклора в создании крупнейших памятников мировой литературы, Горький наряду с «Фаустом» Гете и «Тилем Уленшпигелем» Шарля де Костера приводил роман «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Рабле любит жизнь. Он любуется своими великанами, умеющими хорошо попить, поесть и оглушительно смеяться. Он упивается прихотливой игрой своей фантазии, богатством и красочностью народного языка. Утверждение радости земного бытия иногда принимает у Рабле, как, впрочем, и у других писателей Возрождения, слишком подчеркнуто чувственный характер. Все это звучало дерзким вызовом средневековому аскетизму. Святоши и ханжи с ужасом и возмущением шарахались от веселого балагурства Рабле.

Величайший мастер сатиры, Рабле широко пользуется пародией,

Реакция всегда преследовала Рабле. При жизни ему угрожали сожжением на костре; после смерти всячески умаляли значение его творчества и извращали его облик, пуская в ход легенды о бесшабашном гуляке и пьянице, будто бы писавшем свой роман между двумя попойками.

Современная буржуазная критика, смертельно ненавидя все смелое и прогрессивное, также стремится лишить роман Рабле его боевого звучания, старается представить Рабле человеком умеренного, обыденного образа мыслей, трусом и приспособленцем, договариваясь до того, что в образе Пантагрюэля прославляется будто бы вера... в бога.

Но все прогрессивное человечество знает, ценит и любит подлинного Рабле — гневного сатирика и вдохновенного гуманиста, значение творчества которого определено словами Мориса Тореза: «...коммунистическая партия — продолжатель и законный наследник всех лучших традиций Франции, подлинный представитель ее культуры, наследник тех великих мыслителей — от Рабле до Дидро и Ромен Роллана, которые боролись за свободу человека».

И. ЛИЛЕЕВА

Заслуженный сейсмолог

Тишину станции нарушил тревожный сигнальный звонок: в это мгновение где-то далеко происходит землетрясение — смещаются вековые горные пласты. Сейсмолог Зинаида Григорьевна Ксенофонтова прислушивается к звонку. Пока она еще не может сказать ничего определенного о силе землетрясения и ждет, что запишут приборы.

В темной комнате стоят три вращающихся барабана со светочувствительной бумагой. Скоро ее проявят, и сейсмолог узнает, где произошли колебания земной коры, какой силы.

З. Г. Ксенофонтову по праву считают одним из лучших специалистов в области сейсмологии.

Дочь сельского фельдшера, окончив с золотой медалью гимназию, она вынуждена была отнести эту медаль ювелиру: иначе где возьмешь денег для уплаты за обучение на Бестужевских курсах? Заниматься на курсах пришлось недолго: ее исключили за участие в студенческой забастовке.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Ксенофонтовой, если бы крупнейший русский ученый, академик Б. Б. Голицын, не обратил внимания на интерес курсистки к физическим наукам. Создатель сейсмологии, он помог Зинаиде Григорьевне заняться любимым делом. В 1911 году на Пулковской сейсмической станции она познакомилась с теорией приборов и методикой обработки сейсмических наблюдений.

Так прошло два года. Академик направил талантливую ученицу в Екатеринбург. Голицын написал письмо директору Екатеринбургской обсерватории Абельсу, рекомендуя молодого ученого. Вскоре пришел ответ. Как и следовало ожидать, Абельс встретил предложение академика весьма холодно: не женское это дело — сейсмология.

Коллектив Екатеринбургской обсерватории встретил Ксенофонтову бойкотом: она была здесь единственной женщиной. Первые несколько лет к Зинаиде Григорьевне никто из работников обсерватории демонстративно не заходил. Но все это не сломило ее воли. Она настойчиво добивалась своего: станция должна стать перворазрядной, — в то время это была самая восточная из русских сейсмических станций, наиболее близко расположенная к таким высокосейсмическим областям, как Япония и Курильские острова. Сколько энергии было затрачено, чтобы установить новые приборы, с каким трудом удавалось организовать точнейшие сейсмические наблюдения!

Только при советской власти Зинаида Григорьевна почувствовала, что ее труд необходим народу.

З. Г. Ксенофонтова ведет большую научную работу по выявлению сейсмических особенностей Урала. Некоторые ее исследования являются оригинальными. Зинаида Григорьевна превратила Свердловскую станцию в первоклассную, значение и роль которой признаны и оценены не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Вот уже сорок лет, как Ксенофонтова изо дня в день следит за внезапными смещениями и разрывами земной коры. Около 60 тысяч землетрясений наблюдала она — это 60 тысяч путешествий вглубь земли в различных географических точках.

Энтузиасту сейсмологии 65 лет. Но попрежнему молодо блестят ее глаза, попрежнему неутомима она. Звонок сейсмической станции проведен на ее квартиру. И порой случается, что ночью, разбуженная сигналом, Ксенофонтова в непогоду спешит на станцию, что на «Плешивой горе». Вот она уже склонилась над сейсмограммой, расшифровывая ее извилистые линии. Еще немного терпения, и сейсмолог будет знать место, время и глубину очага землетрясения.

О. МАРКОВА



Заведующая Свердловской сейсмической станцией, кандидат физических наук З. Г. Ксенофонтова за обработкой сейсмограммы.

Фото Ю. Добронравова.



ПЛАВНИКИ АКУЛЫ

Рассказ

Энрике СЕРПА

Рисунки Г. Филипповского.

Фелипе ощутил сквозь дрему, как звонок будильника стремительной рыбой погнался за ним по морю сновидений. Еще не придя в себя, он с трудом понял, что рядом жена перевернулась на другой бок. Он открыл глаза: из-под двери пробивался золотистый, как цветок агавы, утренний луч. Фелипе опустил босые ноги на пол, ощупью отыскал на сундуке у изголовья кровати штаны и рубаху, надел башмаки без шнурков, нахлобучил засаленную шапку и, достав из кармана спички, засветил керосиновый фонарь.

Воздух в комнате был спертый. В нем смешались запахи сырости, едкого пота — запахи нищеты. Фелипе окончательно стряхнул с себя сон. Рассеянный взгляд его темных глаз остановился на жене. Она лежала на животе, уткнувшись лицом в скрещенные руки, наполовину прикрытая выцветшей накидкой из голубого искусственного шелка, испещренной грубыми заплатами. Покружившись в воздухе, на оголенную ногу женщины уселась муха. Тут же спал новорожденный; остальные трое детей лежали вповалку на широком ящике. Чтобы ребятишки не скатились на пол, возле ящика стояли в ряд три поломанных стула. Один из малышей начал ворочаться и что-то пробормотал во сне. Фелипе нежно похлопал его грубой рукой по ягодицам. Ребенок глубоко вздохнул и притих.

Энрике Серпа — прогрессивный кубинский писатель. Родился в 1899 году. В его рассказах с большой силой изображается тяжелая жизнь трудящихся Кубы.

По зову утра началась жизнь и на участке, отведенном для постройки дома. Вблизи заскрежетала железная дверь, открытая сильным толчком. Потом где-то в отдалении пробренчал трамвай, и почти одновременно захрипел мотор и пронзительно загудел сигнал автомобиля. Какой-то мужчина, зайдясь резким, душераздирающим кашлем, нагнулся, чтобы отхаркаться. Сквозь запертую дверь отчетливо доносилось шарканье домашних туфель. Вот раздался веселый детский говор и в ответ ему голос мужчины. На минуту все стихло. И снова пронзительно зазвенел радостный ребячий голосок:

— Папа, видишь, как на тебя смотрит собачка?..

Фелипе взял подмышку корзину, в которой хранил свои рыболовные снасти: лесу из агавы, крючки, грузила, сосуд для воды,— взглянул в последний раз на детей и вышел из комнаты. У ворот он поздоровался с древней, высохшей старухой, напоминавшей тень.

— Как Амбросио? — спросил он.

Лицо старухи сделалось печальным.

— Плох мой сынок, очень плох! Ночью ему было так худо, что Мерсе ходил за доктором. Но доктор отказался придти. Говорит, что уже сделал все возможное. С утра обещал заглянуть другой врач, и я жду его. Боюсь, что умрет мой сынок...

— Как знать? Он может сразу почувствовать облегчение и еще переживет всех нас,— сказал Фелипе, стараясь приободрить старую женщину.

Однако упоминание о смерти навело его на мрачные мысли. Он внезапно вспомнил случай, происшедший накануне вечером. Вспышка гнева, вызванная в нем одним из тех проявлений несправедливости, которые превращают спокойного и уравновешенного человека в убийцу, могла возыметь трагические последствия.

Спор возник из-за плавников акулы. Как и прочие рыбаки Ла Пунты и Каса Бланки, Фелипе уже давно не ловил этих рыб. По декрету президента республики монопольное право охоты на них перешло к одной компании, и та нещадно эксплуатировала рыбаков. Раньше лов акул являлся подспорьем для многих бедных семей побережья. Один азиатский коммерсант с улицы Занха скупал акульи плавники и хвосты, солил их и отправлял в Сан-Франциско, где вместе с ласточкиными гнездами и осетровой ухой они шли как одно из самых тонких блюд китайской кухни. За плавники и хвост рыбаки получали у торговца два песо чистоганом. Доходы приносили и остатки акулы: из хребта изготовлялись диковинные трости, зубы продавались в качестве амулетов, отвращающих бедствия, а чучело головы сбывалось американским туристам как сувенир.

Но вот нежданно-негаданно на рыбаков обрушился подлый декрет, который вышиб из торговли китайского коммерсанта. Впрочем, пока новый закон существовал только на бумаге, рыбаки не видели в нем ничего особенно плохого. На побережье прибыло несколько агентов фирмы «Компания Тибуронера». Они предложили рыбакам сделку, которую те не смогли должным образом оценить и сочли поэтому выгодной. Им обещали платить в зависимости от размеров акулы. Приезжие говорили так убедительно и красноречиво, что местные жители приняли их предложение с радостью и даже с некоторой благодарностью. Вскоре, однако, они поняли, что обмануты. Все оказалось не так, как рисовали агенты компании. Чтобы рыба стоила одно песо, размеры частей ее тела должны были отличаться от обычных. Кроме того акулу следовало сдавать целиком: с плавниками, с хвостом и даже со всей кожей.

Рыбаки, поняв, что их надули, потребовали повышения оплаты. Компания, однако, не пожелала вступать с ними в спор и, напомнив о декрете президента, пригрозила тюрьмой. С тех пор, пользуясь своими правами, компания начала терроризировать население. В ее распоряжении была портовая полиция. Компания тайно выплачивала полицейским прибавку к жалованью, отчего люди в голубой форме больше усердствовали в поимке рыбаков, занимающихся нелегальной ловлей акул, чем в преследовании контрабандистов. Несправедливые действия компании были тем заметнее, что она использовала все части акулы. Плавники сбывала китайцам, кости — фабрике тростей, кожу — дубильням. Из печени вырабатывала прекрасное смазочное масло, идущее на рынок как ворвань. А поскольку компании всего этого казалось мало, она солила «осетров» — акул в возрасте нескольких недель, которые поступали в продажу под этикеткой «Треска без костей».

Все это со временем привело к тому, что рыбаки вовсе отказались ловить акул. И если кто-нибудь прокалывал хищницу, то предпочитал добить ее и оставить в море, но не отдать компании за тридцать или сорок сентаво.

Фелипе, разумеется, вел себя так же, как его товарищи. Он всегда говорил:

— Вот увидите, это им так не пройдет...

Три дня назад он вышел в открытое море, но ему не удалось поймать ни пагра, ни даже беду-королька, который хоть и передает сигатеру[1], тем не менее находит покупателей среди бессовестных трактирщиков, способных ради нескольких сентаво подвергнуть своих клиентов опасности отравления.

Внезапно вблизи лодки заходила акула. То была «плоская голова», пятнадцати футов длины, с большими, широкими, как паруса, плавниками. Фелипе инстинктивно протянул руку к гарпуну, но тут же опомнился. Он принялся наблюдать за хищницей, которая напо-

[1] Сигатера (ciguatera. — и с п.) — недомогание, вызванное ядом, содержащимся в некоторых рыбах и моллюсках Мексиканского залива.

минала ему большое бревно, темное и гибкое. Именно бревно, настоящее бревно. Сколько она может стоить? Фелипе подсчитал, что любой китаец с улицы Занха, не торгуясь, дал бы два песо за такие плавники и хвост. И Фелипе имел бы право принять два песо, которые великодушно дарило ему море в минуту крайней нужды. Два песо означали три сытных обеда для изголодавшихся детишек. Но как быть с полицией и агентами?

На дамбе всегда дежурил кто-нибудь из этих негодяев, выжидая прибытия рыбацких баркасов, чтобы проверить, нет ли в них акул или плавников. И если иной раз, найдя запрещенный товар, они удовлетворялись конфискацией улова, то нередко случалось, что рыбаков арестовывали. А дальше известно: исправительный суд, где беднякам не дозволялось произнести ни одного слова в свою защиту, и штраф в размере пяти песо. Нет, не стоило самому нарываться на неприятность. Но два песо — все же два песо. Как ни старайся, а может оказаться, что в один прекрасный день жене нечем будет растопить очаг. В конце концов рыбная ловля — игра случая, и далеко не всегда улов вознаграждает за труды. Если бы ее успех зависел только от стараний рыбаков, сколько бы вылавливали они рыбы!.. А плавники — вот они, рядом, стоит лишь размахнуться!

Вдруг он решился. Чорт возьми, два песо сами шли ему в руки! Чтобы не упустить акулу во время зарядки гарпуна, Фелипе бросил ей на съедение несколько полусгнивших луковиц, два белых куска парусины и всю приманку, что была на борту. На солнце блеснуло беловатое брюхо, и из воды высунулись жесткие спинные плавники. Приоткрыв стальную пасть, хищница проглотила подряд луковицы, куски парусины, приманку и мягко нырнула под воду, а немного погодя вновь появилась у кормы баркаса.

Метко брошенный гарпун впился в голову громадной рыбы. Она судорожно забилась в конвульсиях и неистово заколотила хвостом. Несколько ударов тяжелым кувшином по голове успокоили ее навеки. Через четверть часа обезображенное тело акулы без плавников и хвоста опустилось в морскую пучину, чтобы стать пищей сородичей. На поверхности воды оставался лишь кровавый след — мимолетный свидетель ее немого протеста.

Нанизав плавники и хвост на нить агавы, Фелипе начал грести к берегу. Он хотел поскорее пристать к дамбе и сразу же отправиться в китайский квартал на поиски покупателя. Возможно, он столкуется со старшиной местных торговцев Чаном. В крайнем случае плавники можно обменять на продукты.

Но Фелипе не удалось избежать судьбы, спрятавшейся под голубой полицейской формой. Он еще не кончил привязывать к причалу свой баркас, когда внезапно над самым его ухом забубнил грубый голос:

— Теперь-то уж тебе не увильнуть! Я поймал тебя с поличным!

У рыбака екнуло сердце. Обернувшись, он увидел полицейского, который с ехидной усмешкой указывал пальцем на плавники. После паузы охранник заключил:

— Я забираю их!

Он нагнулся, чтобы подобрать плавники, но притронуться к ним ему не удалось. Фелипе схватил нить и судорожно сжал ее в руке.

— Мои!.. Они мои!.. — с трудом выдавил он.

На мгновение полицейский был ошеломлен неожиданным поведением рыбака. Однако он тут же нашелся и, горя желанием поддержать свой престиж, проговорил:

— Что ж, неси сам, не то я потащу тебя вместе с ними.

Фелипе окинул своего противника внимательным взглядом. Это был низенький человечек, худощавый и нескладно сложенный. Такая комплекция никак не вязалась с его зычным голосом и поведением боевого петуха. Фелипе невольно нахмурился и сжал кулаки. Почувствовав упругость своих мускулов, он подумал про себя, что для этого типа достаточно будет одного удара.

Между тем Фелипе и полицейского обступили любопытные.

— Отдай плавники, не то будет хуже!

— Да отдай, Фелипе! — вкрадчивым голосом посоветовал старый рыбак с бронзовым лицом и тут же добавил другим тоном: — Пускай он ими полечится!

Фелипе, как давящую тяжесть, ощутил на себе пристальные взоры многих пар глаз. Его человеческое достоинство восставало против незаслуженных унижений. Он живо представил себе насмешливые улыбки и иронические фразы, которыми будут досаждать ему потом свидетели сегодняшней сцены. В довершение всего сознание, что он стал жертвой возмутительной несправедливости, бесило его и толкало к неповиновению.

«Будь что будет!» — решил он.

— Я жду. Дашь ты мне их или нет? — В тоне полицейского прозвучали ноты гнева и угрозы.

— Ни вам, ни мне! — ответил Фелипе и, размахнувшись, швырнул плавники в море.

Полицейский, дрожа от негодования, намеревался немедленно отвести его в управление начальника порта. Но Фелипе, то ли под действием гнева, то ли просто из самолюбия, отказался подчиниться. Трудно было предугадать окончание этой сцены. К счастью, в спор вмешался подоспевший армейский офицер. Он предложил полицейскому утихомириться, а Фелипе покориться и пройти в управление порта.

— Так лучше для вас,— сказал он.— Полицейский обязан выполнять свой долг.

Фелипе, однако, воспротивился такому решению, объясняя свой отказ оскорбительными действиями полицейского.

— Я не стану ему подчиняться, а если он посмеет тронуть меня дубинкой, то... — И в недомолвке рыбака проскволила угроза.

Наконец выход был найден. Фелипе позволил арестовать себя не полицейскому, а лейтенанту. Военный неожиданно оказался смышленым человеком и пошел на это. Полицейский вынужден был уступить, хотя и сделал кислую мину; подобный оборот дела подрывал, по его мнению, авторитет властей. Всю дорогу, вплоть до самого управления порта, он цедил сквозь зубы проклятия и время от времени косился на рыбака, разжигая в себе злобу.

...Теперь, по дороге к дамбе, Фелипе вспоминал все это. Полицейский, повидимому, не был удовлетворен, даже наверняка не удовлетворен, и при случае отплатит ему. Ну, и нарвался он с этими чортовыми плавниками!

Подойдя к закусочной «Куба и казармы», он увидел папашу Конго, с которым накануне договаривался выйти в море. Фелипе подумал: «Ого, а он уже давно на берегу!»

Рыбак ускорил шаги. Обогнув старый артиллерийский склад, он внезапно различил на дамбе фигуру в голубой форме.

«Уже расставил сети! — подумал он.— Это, должно быть, тот фараон».

На мгновение им овладело желание вернуться. Это не был страх. Он не боялся никого и ничего: ни человека на земле, ни бури на море. Он сам мог ободрить и вселить веру в тех, кому ее недоставало. Нет, у него не было страха, и все же он предпочитал избегать этого человека. Но мысль о бегстве взволновала Фелипе, и кровь залила его лицо краской стыда. Нервы его напряглись, и, хотя в душу закралось предчувствие недоброго, он решительно зашагал вперед.

Скоро Фелипе убедился, что предчувствие не обманывало его. На дамбе с вызывающим видом, нахохлившись, как петух, стоял тот самый полицейский. Папаша Конго уже устанавливал на лодке мачту, готовясь развернуть парус. Подойдя ближе, Фелипе заметил, что охранник беседует с папашей Конго и исподлобья поглядывает по сторонам.

— ...Да бросьте заниматься всякими глупостями! — донеслись до него обрывки слов папаши Конго.

— Глупостями? Нет, не глупостями! В подобных случаях я веду себя, как бык. Взгляни-ка, для начала я всыплю ему пару горячих...



В словах полицейского Фелипе почувствовал злорадство. Ему захотелось немедленно ответить пощечиной, но он сдержался.

— Оставь меня в покое, приятель! Мало тебе вчерашнего, что ли?

— Оставить в покое? — язвительно прошипел полицейский.— Покой принесет дубинка. Сейчас ты убедишься, что тебе следовало бы вести себя скромнее. Вчера тебя выручил лейтенант... Однако для начала я всыплю тебе пару горячих...

Собрав всю волю, Фелипе сдержался и на этот раз. Обернувшись к Конго, он проговорил:

— Вот ехида!

Полицейский усмехнулся:

— Сейчас ты совсем ручной, потому что у тебя нет защитников. Не так ли? — В его голосе было столько презрения и злости, что кипевший в Фелипе гнев вылился наконец наружу. Он закричал:

— Защитников от вас? От того, кто...

Фелипе душила ярость. Спазмы сдавили ему горло. Прошло мгновение, показавшееся ему вечностью. Он старался говорить, но не мог. К горлу подкатился какой-то сгусток крови. Не в силах произнести ни слова, Фелипе решил, что его молчание могут принять за трусость. Подобная мысль потрясла его, как удар в челюсть. Сгусток крови поднялся из горла к глазам, от глаз к мозгу. И тогда, доведенный до исступления, ничего не видя и не слыша, с поднятыми кулаками он двинулся на полицейского...

Сухой выстрел разорвал утреннюю тишину. Фелипе неожиданно почувствовал непонятную слабость и упал на дамбу. Глазами потерпевшего кораблекрушение Фелипе увидал продолговатое блестящее облако, плывущее над ним по прозрачной лазури.

«Как перламутровое»,— подумал он и тут же с необыкновенной отчетливостью вспомнил о красивых раковинах, украшавших его полные нужды детские годы. Он старательно собирал их у моря. Некоторые ракушки отливали белизной, другие отличались нежноголубым, а одна — чудесным бледнорозовым цветом. У него было много ракушек. Он хранил их в картонных коробках из-под ботинок.

«А теперь я должен покупать ботинки детям, которые ножками топают по земле».

Эта мысль внезапно вернула его к действительности. Он вновь увидел в быстро перемежающихся картинах свою стычку с полицейским.

«Дурной человек! Из-за него одни только неприятности!.. А удалось ли ударить его?»

Какая-то непривычная вялость, будто рожденная приятной усталостью, ослабила его мускулы. Невыразимая истома усыпляла его. И вдруг он отчетливо осознал, что умирает. Это была не вялость, не истома, не утомление. От него отлетала жизнь. Он умирал. Но он не хотел умирать! Он не мог, он не должен был умереть! Что станет с его детьми? Он обязан цепляться за свою жизнь, которая принадлежит его детям, цепляться руками, ногами, зубами!.. Ему захотелось кричать, но он не смог пошевелить губами и молчал, будто рот его был полон земли. Но он жил, он жил!

Внезапно им овладело мучительное желание еще раз увидеть своих детей. Увидеть их! Увидеть хоть на миг! Его дети!.. Что они сейчас делают? Он попытался представить себе их, но их расплывчатые и неустойчивые лица растворялись в воздухе. Откуда-то очень издалека до него донесся голос Конго. Потом другой голос. Еще голоса... О чем говорят?

Вместо детей он смог разглядеть лишь какие-то туманные контуры. Губы его искривились в отчаянном усилии, и ему удалось прошептать:

— Мои... дети... Мои... мои...

Вдруг по телу Фелипе пробежала дрожь. Затем оно стало безмолвным и неподвижным. Глаза его продолжали смотреть в небо.

На груди лежащего с левой стороны виднелось едва заметное красное отверстие размером в реал.

Перевел с испанского Ю. РАСКИН.

МОЯ СОВРЕМЕННИЦА

Наталья МЕДВЕДЕВА

На экраны страны вышел новый цветной художественный фильм—«Возвращение Василия Бортникова». Картина эта поставлена народным артистом Союза ССР режиссером В. Пудовкиным (производство киностудии «Мосфильм») по мотивам романа Г. Николаевой «Жатва». Снимал картину оператор С. Урусевский.

Зритель впервые увидит на экране артистку Московского драматического театра Наталью Павловну Медведеву, создательницу одного из центральных образов — Авдотьи. Н. Медведева рассказывает сегодня о своей работе над ролью.

Нет такой советской актрисы, которая не мечтала бы создать яркий, сильный и правдивый образ своей передовой современницы. Мечтала о таком образе, конечно, и я. Мечтала все десять лет моей работы в театре.

Каковы же были моя радость и волнение, когда мне поручили исполнение роли Авдотьи в фильме «Возвращение Василия Бортникова», поставленном по мотивам романа Г. Николаевой «Жатва»! Сыграть в кино роль Авдотьи, простой русской колхозницы и в то же время передового человека нашей эпохи, воплотить в этом образе лучшие черты русского женского характера — цельность, честность, самоотверженность, преданность Родине, интересам народа — было для меня не только почетной, но и трудной задачей. Душой я чувствовала и понимала этот образ. Но сумею ли я его сыграть? Это было тем более трудно, что я впервые снималась в кино.

За годы работы на сцене я сыграла немало ролей классического репертуара. Все это были женщины других эпох, мировоззрения и характеров, очень далекие от «простой колхозницы» Авдотьи.

Это мне стало особенно очевидно, когда мы приехали на съемки в Горьковскую область, в ту деревню, где Г. Николаева писала «Жатву», — в Урень. Я с головой окунулась в окружавший меня колхозный быт: стала ежедневно работать на молочной ферме, научилась доить коров, ухаживать за ними. Внимательно приглядывалась к работе, движениям, походке доярок. У меня возникло физическое ощущение образа, и это очень помогло в работе над ролью.

Но внешний рисунок образа мертв, если за ним не открывается внутренняя душевная жизнь. Проникнуть в эту внутреннюю душевную жизнь моей героини опять-таки помогли окружавшие меня в колхозе люди. Далеко за полночь затягивались наши беседы с колхозниками.

Одна женщина рассказала, как она встретилась с мужем, которого считала погибшим на фронте.

«Смотрю я в окно,— говорила она,— и вижу: Анатолий идет. А я ведь давно похоронную получила. Все к нему бегут, обнимают, целуют, а я словно окаменела. Руки, как плети, висят. Сижу, смотрю в окно и думаю, что, наверное, я с ума сошла, но только этого никому не покажу. Слышу, вошел муж в дом, он стоит у порога. На меня смотрят, а я словно к стулу приросла. Тогда мать подошла ко мне и тихо говорит: «Смотри, Мария, Анатолий вернулся!» Тут я бросилась к нему, стою, руки не движутся, обнять не могу, только рыдаю».

Так, из жизненных наблюдений, бесед, дружбы, зародившейся у нас с колхозницами, выросло понимание образа. Стал вырисовываться характер Авдотьи, волевой, сдержанный, ее облик с огромным горем в сердце.

Особенно трудна была первая сцена фильма. Авдотья, получив извещение о смерти мужа, долго ждала его. В горькие минуты одиночества обрела она друга. Механик Степан своей любовью, вниманием сумел успокоить Авдотью, он стал ее мужем, полюбил и ее ребят. И вдруг перед Авдотьей — живой Василий, ее муж, ее первая девичья любовь, отец ее детей.

Как сыграть эту сцену? Авдотья потрясена, близка к обмороку... Я вспомнила слова колхозницы: «Словно окаменела, руки, как плети, висят», — и они определили мое поведение.

Когда была решена эта сцена, возникла новая трудная задача — раскрыть душевную чистоту Авдотьи в ее любви к Василию, в ее отношениях к Степану. Война ворвалась в ее жизнь, сломала семью, принесла тяжкие потрясения. Мягко, но решительно говорит она Степану: «Уйди, Степушка, нельзя нам иначе».

Степан уходит. Но жизнь Василия и Авдотьи не налаживается. Василий не может простить ей «измены». Не видит он в Авдотье товарища, человека, пользующегося уважением всего колхоза. И тогда Авдотья находит в себе силу уйти от мужа, взяв с собой детей: «В одиночку нам пожить надо, оглядеться, одуматься...» В трудную для Василия минуту смерти его отца Авдотья сама приходит к нему, и оба они находят путь к примирению, к полной любви и доверия совместной жизни и работе.

Так развивается образ Авдотьи в фильме, так его толковал режиссер В. И. Пудовкин, который был душой фильма.

Недавно мы показывали картину партийному активу Горьковской области. Это была требовательная и взыскательная аудитория. Нас похвалили за то, что мы сделали фильм о семье и отношениях в ней, за то, что мы показали жизнь и быт сегодняшнего колхоза. Участники обсуждения — секретари райкомов, труженики колхозов — спорили о героях фильма, как о живых людях: они сетовали на то, что в фильме Авдотья не показана в работе и в отношениях со своими детьми. Участники обсуждения указали нам и на другие наши ошибки и неточности. Это обсуждение, деловое, заинтересованное, по-хорошему пристрастное, было для всех нас больше чем экзамен. Оно показало, что успех в творческом труде приходит только в живой, неразрывной связи с народом, творить для которого есть высшее счастье.



«Возвращение Василия Бортникова». Первая встреча. Василий Бортников — заслуженный артист РСФСР С. Лукьянов. Авдотья — Н. Медведева.

БУРЯ В АТМОСФЕРЕ

Н. КОЛОБКОВ

Природа этой зимой вела себя необычно. Над океанами и морями проносились неистовые бури. Свирепые циклоны всколыхнули весь земной шар. Вершиной их активности был ураган, пронесшийся над Северным морем с утра 31 января до вечера 1 февраля.

При каких условиях сформировался мощный циклон, вызвавший ураган на Северном море? Он возник в районе Исландии, где давно уже подмечено наиболее частое зарождение сильных вихрей. Здесь сталкиваются холодные течения с покрытого тысячелетними льдами материка Гренландии и теплые потоки воздуха над Гольфстримом. Эта зона — своего рода «циклонический очаг». Отсюда циклоны движутся на восток. Что же касается циклона, вызвавшего такую страшную бурю в январе и феврале нынешнего года, то он, встретив массивную завесу в виде холодных масс воздуха над материком Европы, изменил свой путь и направился к юго-востоку через Северное море. Резкая разница температур холодного воздуха, идущего с востока, и мощного потока теплого воздуха с Атлантики обусловила и необычайную силу циклона и его длительность — более пяти суток.

Чем объясняется вообще бурная погода этой зимы не только в Европе, но и в Атлантике?

Последние годы отличаются обилием ураганов, ливней, наводнений. Достаточно вспомнить наводнения в Китае на реке Хуайхэ в 1950 году, на реке По в Италии в 1951 году, на Миссисипи, Миссури в США в 1952 году, в Южной Корее в 1952 году, сильнейшие тайфуны в Японии в 1949, 1950 и 1951 годах, ураганы в США в 1951 и 1952 годах, катастрофические наводнения в Индии.

Источник всех этих бедствий кроется в усилении циркуляции воздушных масс всей атмосферы — и в северном и в южном полушариях. Следует отметить, что движение воздушных масс сейчас происходит более энергично, чем, скажем, 7—8 лет тому назад.

Почему усиленная циркуляция воздушных масс приводит к резким сменам погоды?

На Земле существуют области с постоянной жаркой погодой (экваториальные и часть тропиков) и такие гигантские холодильники, как Арктика и Антарктика. На экваторе и в тропиках Солнце поднимается над горизонтом высоко и излучает на поверхность Земли очень много тепла. В Арктике и Антарктике наоборот: почти полгода длится морозная полярная ночь, а летом, в полярный день, лучи низко стоящего Солнца скользят по ледяному покрову и почти все излучаемое тепло тратится на таяние многолетних льдов. Температура здесь редко поднимается выше нуля.

Такая разница температур на земной поверхности приводит в движение огромные объемы воздуха. Непрерывно идет борьба теплых и холодных течений, стремящихся выравнять разность температур между севером и югом. Эта борьба происходит с переменным успехом. То теплые массы одерживают победу и проникают далеко к северу, иногда до Гренландии или до Земли Франца Иосифа, то массы арктического воздуха в виде гигантской «капли» прорываются на юг и, сметая на своем пути теплый воздух, обрушиваются на Черное и Средиземное моря, доходят до Средней Азии и Египта. Границы борющихся воздушных масс являются самыми неспокойными областями нашей атмосферы. Здесь-то часто и возникают серии огромных вихрей — циклонов. Когда серия циклонов прошла, ее замыкает область относительного покоя — антициклон.

В годы, когда усиливается циркуляция воздушных масс, столкновение теплых и холодных течений обостряется. В нем участвуют значительно бóльшие объемы воздуха. Контрасты между движущимися воздушными массами возрастают, и на границе их встреч появляются более глубокие и мощные циклоны, а также и антициклоны, порождая частые бури, ураганы, ливни и, как следствие этого, наводнения. Атмосфера в эту пору находится в крайне напряженном состоянии.

Каковы же причины, вызывающие периодическое усиление общей циркуляции атмосферы? Полного ответа на этот вопрос наука пока не получила. Несомненно одно, что все атмосферные процессы зависят от единственного, важнейшего источника энергии, обусловливающего и многие другие процессы на Земле,— от Солнца.

Весьма вероятно, что усиление общей циркуляции атмосферы связано с общим повышением активности Солнца и, в частности, с его пятнообразовательной деятельностью. Солнечные пятна — это огромные вихри, возникающие на видимой поверхности раскаленного светила, сопровождаемые выбросами мощных «облаков» горячего водорода и кальция (флоккулами).



Население города Уитстейбла в Англии старается спастись от наводнения в верхних этажах домов.

Им сопутствуют кратковременные яркие вспышки особенно горячих газов (факелы), выбрасываемых из солнечных глубин. Иногда вспышки носят характер колоссальных взрывов — раскаленные газы выбрасываются со скоростью в 200—300 километров в секунду на высоту до одного миллиона километров и более (протуберанцы). Газы, поднявшись вверх, расплываются в обширные облака и частично оседают вниз. Пятна на Солнце напоминают собой земные циклоны, конечно, несравненно бóльших размеров.

Бурные процессы на Солнце — причина быстрых электромагнитных возмущений на Земле. Они проявляются в колебаниях магнитной стрелки компаса, сильных помехах в работе проволочного и радиотелеграфа и сопровождаются частыми полярными сияниями. Возможность предвидеть наступление таких помех была бы очень ценна. Этим вопросом успешно занимается группа советских ученых, установивших зависимость циркуляции воздушных масс от количества солнечных пятен.

Существует 11-летний (в среднем) цикл солнечных пятен: в течение 4—5 лет количество их возрастает до максимума, после чего 6—7 лет убывает до минимума, а потом все повторяется снова. Кроме того выявлен 100-летний цикл возрастания и убывания пятен на Солнце. Установлено, что в годы максимума пятен циркуляция воздушных масс атмосферы весьма сильно возрастает и, как мы отмечали, сопровождается увеличением и усилением бурь и ураганов.

Последний максимум пятен наблюдался в 1947—1948 годах. Он оказался очень высоким, так как обычный, одиннадцатилетний максимум совпал по времени со столетним. Пятен на Солнце было значительно больше обычного. К тому же они были так крупны, что некоторые из них через закопченное стекло хорошо рассматривались простым глазом.



Затопленная территория в районе голландского города Олтгенсплата.

Если установлена связь бурной деятельности атмосферы с максимумом солнечных пятен, то естественно напрашивается вопрос: почему систематически нельзя использовать эти данные в долгосрочных прогнозах погоды? Однако, как показали работы советских ученых, не всегда периоду пика пятен на Солнце соответствуют бури, ураганы и ливни. Связь эта оказалась более сложной, чем можно было предполагать.

Следует указать и на то, что усиливающаяся (по тем или иным причинам) циркуляция атмосферы по-разному проявляется в различных местах Земли. Например, сильнейшая засуха 1946 года в южной половине Европейской части СССР сопровождалась обильными дождями на севере; бурная погода нынешней зимой в Атлантике сопровождалась устойчиво-спокойной погодой в Сибири.

Значит ли все это, что мы должны прекратить изучение зависимости бурных процессов в атмосфере от активности Солнца? Отнюдь нет. Эта зависимость существует и частично используется при составлении долгосрочных прогнозов.

Дальнейшие исследования советских ученых в этой области, несомненно, приведут к более положительным и практически ценным результатам.

* * *

Высказанные общие соображения говорят о богатом арсенале средств, которыми располагает наука, чтобы своевременно предупредить надвигающиеся стихийные бедствия. Располагали этими средствами и Англия, Голландия, Бельгия, страны, которые, как указывала зарубежная печать, постигла одна из ужаснейших за столетие стихийных катастроф в Европе. Кстати, отметим, что сообщение зарубежной печати страдает неточностью. История метеорологии знает, что четверть века назад — 6—7 января 1928 года — восточное побережье Англии, в том числе и Лондон подверглись катастрофическому наводнению: уровень воды более чем на три метра превзошел наивысший уровень приливной воды. В те годы английское правительство поручило Ливерпульскому институту приливов, Королевскому метеорологическому обществу в Лондоне и другим научным учреждениям исследовать причины наводнения в районе устья Темзы и установить возможность их прогноза.

Необходимые исследования были проведены. Метеорологи предупредили тогда, что возможно повторение подобных наводнений. Но за все эти 25 лет английские власти не сделали ничего существенного для укрепления обветшавших дамб и плотин на своем восточном побережье.

У правителей Англии, Голландии, Бельгии, тратящих огромные средства на гонку вооружений, не нашлось денег, необходимых для ремонта плотин и дамб. Как указывала голландская газета «Фатерланд», ассигнование средств на содержание плотин только за период с 1948 по 1950 год было сокращено на 400 миллионов гульденов.

Сильные снегопады прошли нынешней зимой и над территорией Польши, вызвав небывало высокий подъем воды на Висле, особенно в ее устье. Но благодаря возведенной польским народом и исправно действующей системе предохранительных дамб вышедшая из берегов река не смогла причинить вреда. Мощные береговые заградительные сооружения на Балтике предохранили от затопления Гданьские Жулавы — низменность, находящуюся ниже уровня моря.

Гданьские Жулавы — это 200 тысяч гектаров плодородной земли, которая была затоплена гитлеровцами при отступлении. По мнению некоторых специалистов, для ее осушения потребовалось бы не менее ста лет. Однако правительство Польской Народной Республики при активной поддержке народа сумело осуществить грандиозные работы за шесть лет. Восстановленные на Жулавах дамбы сдержали самые мощные напоры воды при штормах и паводках.

Этот пример еще раз показывает, как в стране, где правительство является подлинно народным, выражающим интересы народа, наука способна побороть стихийные, разрушительные силы природы, подчинить их своей воле.

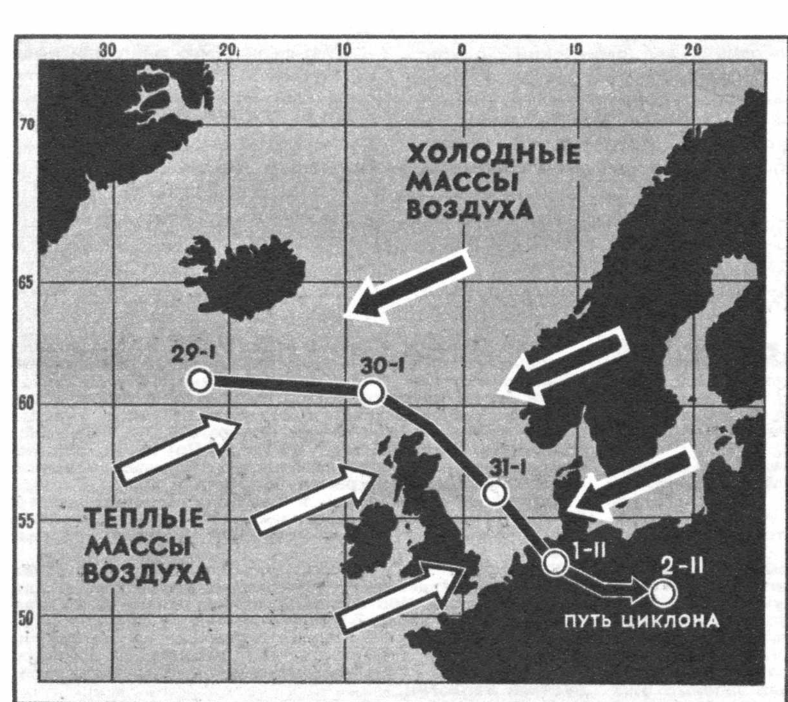


Схема пути циклона с 29 января по 2 февраля 1953 года.



Прокофий Ионович Трошин и его младший сын Валерий.

СТАЛИНГРАД-СУВРЭ-ЭНО

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Сталинградский прокатчик Прокофий Ионович Трошин получает много писем. Из Ленинграда пишет сын Виктор, студент политехнического института, из Москвы — сын Анатолий, он учится в институте стали. В Сталинград, в дом № 309 Мансардного поселка завода «Красный Октябрь», приходят вести и из тамбовской деревни Токаревки, откуда Прокофий Ионович 23 года назад переехал на Волгу.

С недавних пор появился еще один корреспондент: рабочий бельгийского металлургического завода Эрнест Мак. Переписка завязалась неожиданно для Трошина: он никогда не встречался с Эрнестом Маком, хотя на завод приезжало немало делегаций со всех концов мира. Бельгиец тоже ни разу не был в Сталинграде, но как-то прочел в журнале статью о сталинградских металлургах. Упоминалось и имя Трошина. Эрнест Мак пожелал получить от русского рабочего ответы на некоторые вопросы, интересующие бельгийских рабочих. Об этом и говорилось в письме из Суврэ-Эно, с улицы Стоки, 64. За первым письмом последовало второе, третье. Прокофий Ионович отвечал аккуратно. Так началась переписка, охватывающая широкий круг вопросов жизни, быта, труда советских и бельгийских металлургов.

* * *

Любовь Алексеевна не сразу догадалась, с чего бы это мужу вздумалось копаться в старых счетах за электричество. Глава семейства раньше не очень жаловал вниманием подобные бумажки. А тут потребовал коробку с ними, расправил, разложил по порядку все, что там хранилось, и, подозвав жену, сказал:

— Подсаживайся, мать, к столу. Давай вместе ответ бельгийцу писать...

В последнем письме Эрнест Мак сообщал некоторые подробности о своем бюджете. Двадцать лет он проработал на металлургическом заводе в Суврэ-Эно. Шесть дней в неделю Эрнест Мак трудится с 8 часов утра полную смену, а в воскресенье — до 12 часов дня. Заработная плата у него всегда одинаковая: 5 тысяч франков за 30 дней.

«8 процентов месячного заработка, — пишет Мак, — у меня вычитают на социальное страхование, 6 процентов составляет профсоюзный взнос. За квартиру я плачу 1 000 франков в месяц, а вторую тысячу франков — за электроэнергию и воду... Семья моя состоит из двух человек. При теперешних высоких ценах нам еле хватает на то, чтобы прокормить себя».

Прокофий Ионович читает письмо бельгийца и вслух комментирует:

— Откуда же ему денег хватит?.. Вот подсчитаем: квартирная плата, расходы на электроэнергию, воду — сорок процентов бюджета. Четырнадцать процен-



В этих домах живут рабочие завода «Красный Октябрь».
Фото М. Кухтарева.

тов заработка уходят на страховые и профсоюзные взносы. От получки остается меньше половины месячной заработной платы — 2 300 франков.

Что же написал зарубежному коллеге сталинградский металлург, что́ рассказал он ему о своем бюджете? В семье Трошиных четверо детей. Двое учатся в вузах — им помогают родители, и двое, Геннадий и Валерий, живут дома.

Ежемесячно Трошин приносит домой не менее 3 тысяч рублей наличными деньгами. 30 рублей — один процент — надо внести в профсоюз, 150 рублей — пять процентов — на оплату квартиры, отопления и других бытовых услуг: Трошины живут в квартире из трех комнат, с ванной, водопроводом, отдельной кухней. На руках остается 2 820 рублей.

Прокофий Ионович перебирает в памяти покупки минувшего года.

Радиоприемник... Диван... Два шерстяных костюма для сыновей, пальто... Трое наручных часов... Вчера присматривали в мебельном магазине кровать. Это не считая «мелочей», вроде белья, предметов домашнего обихода, обуви.

Обо всем этом надо сообщить бельгийцу. И еще написать:

«Вы не думайте, что у меня какие-то особенно высокие заработки. У нас на заводе много рабочих, у которых получка не меньше, а больше моей. Даже те, которые недавно из ремесленного училища пришли, не отстают в заработке от старых металлургов».

Но дело не только в заработной плате, а во всем строе жизни — у них и у нас. Расчетная книжка Прокофия Ионовича отражает далеко не все, что получает Трошин за свой труд от государства.

Эрнест Мак пишет: «Когда я болею, то за первые три дня болезни мне не платят, а за дальнейшие дни выплачивают 60 процентов заработной платы. Посещение врача обходится от 60 до 100 франков. Лекарства стоят слишком дорого... Отпуск 10 дней — всегда провожу дома, потому что на поездку куда-нибудь денег не хватает».

Прокофий Ионович считает необходимым в этой связи сообщить ряд небезинтересных для бельгийца подробностей о жизни советских рабочих.

Кроме высокого ежемесячного заработка, Трошин ежегодно получает за выслугу лет 4 320 рублей. Вместе с Прокофием Ионовичем такое вознаграждение получают несколько тысяч других рабочих. В 1952 году завод «Красный Октябрь» выдал им 18,5 миллиона рублей вознаграждения. Обер-мастер нагревательных печей Г. Г. Худов, проработавший на предприятии 29 лет, получил 7 200 рублей, сталевар Н. Г. Коробов, простоявший у мартена 20 лет, — 4 327 рублей. Сталевару А. С. Серкову, пришедшему в цех из школы фабрично-заводского обучения, только в 1946 году выдано 2 854 рубля, а его товарищу И. П. Жильцову — 2 873 рубля.

Прокатчик Трошин ежегодно пользуется не десятидневным, а месячным отпуском, который оплачивается ему в размере среднего заработка. Профсоюзная организация ежегодно предоставляет Прокофию Ионовичу путевку в дом отдыха или санаторий. Семьдесят процентов ее стоимости оплачивается профсоюзом. Эта льгота распространяется на всех членов заводского коллектива. В 1952 году в домах отдыха и санаториях побывало почти две тысячи металлургов с «Красного Октября».

Прокофий Ионович пишет в Бельгию и о таких фактах, которые у нас прочно вошли в быт, и мы их порой даже не замечаем. В случае болезни металлург и вся его семья пользуются бесплатной медицинской помощью. По больничному листу ему выплачивается полный среднемесячный заработок.

На заводе год от года множится число рабочих, получающих образование без отрыва от производства. Сейчас в вечерних школах, институтах и техникумах Сталинграда обучается около 800 молодых металлургов.

Советское государство позаботилось и о том, чтобы Прокофий Ионович Трошин и его товарищи после работы хорошо отдыхали. К услугам сталинградских металлургов новый Дом техники с прекрасным концертным залом, богатой библиотекой, комнатами и кабинетами для кружков. Кстати, в библиотеке можно найти книгу, посвященную опыту работы по часовому графику старшего оператора блюминга сталинградского завода «Красный Октябрь» Прокофия Ионовича Трошина. При заводе — клуб имени В. И. Ленина, собственный стадион, водная станция на Волге, многочисленная флотилия яхт, шлюпок, катеров. На проспекте имени Сталина сооружается новый великолепный Дворец культуры металлургов.

...Допоздна сидят супруги Трошины, составляя письмо о своей жизни в стране, где действует основной экономический закон социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

* * *

В суровую пору Сталинградской битвы прокатчик Трошин пошел в отряд народного ополчения и плечом к плечу с солдатами Советской Армии сражался против гитлеровцев на подступах к родному заводу. Душой и сердцем со сталинградцами был тогда и бельгийский рабочий Эрнест Мак. В одном из писем к Трошину он рассказывает, с каким воодушевлением металлурги Суврэ-Эно во время войны тайно слушали радиопередачи Москвы. Эрнест Мак организовал в Суврэ-Эно партизанскую бригаду.

Прокофий Трошин и Эрнест Мак десять лет назад боролись за мир, за счастье для народов, хотя не знали в те времена друг друга. За мир и дружбу между народами, против темных сил войны сражаются они и сегодня. Попрежнему их разделяют границы. Но дружба, закаленная в огне жестоких битв с фашизмом, не признает рубежей и расстояний.

«Мы радуемся вашим достижениям на пути к коммунизму, несущим счастье и мир всему миру», — пишет бельгийский металлург сталинградцу.

«Мы верим, что рано или поздно труженики Бельгии и других стран обретут такую же светлую жизнь, какую обрели для себя мы, советские люди», — отвечает Прокофий Ионович Трошин.

Старейший геолог Урала

«Кто знает: не пошла ли бы вся моя жизнь по иному руслу, если бы я на первых шагах своей сознательной деятельности не встретил такого замечательного руководителя!.. Мне казалось всегда, что у вас за спиной вырастают крылья... Работая с вами, я видел, что и в преклонном возрасте можно быть художником и поэтом своего дела!»

Это — одно из многих писем, получаемых Алексеем Николаевичем Ивановым. Автор письма — известный геолог. Получатель — старейший геолог Урала, имя которого широко известно стране. Его учеников встретишь, пожалуй, всюду, где трудятся разведчики богатств недр нашей земли.

Сын известного на Урале маркшейдера, Алексей Николаевич с детства научился любить и понимать природу. После окончания реального училища, 17-летним юношей, он пошел по пути отца. Более шестидесяти пяти лет жизни отдал Алексей Николаевич геологии. Особенно ценен его труд по изучению так называемых «немых» толщ, широко развитых на западном склоне Урала. На месте открытых им угольных залежей уже давно идет добыча угля.

Много труда и энергии отдал ученый воспитанию молодых специалистов-геологов. Алексей Николаевич собственноручно оборудовал кабинеты геологии в Пермском университете, в Свердловском горном институте. Молодые геологи считают за честь участвовать в полевых изысканиях вместе с А. Н. Ивановым.

Алексею Николаевичу 84 года. Но он до сих пор продолжает вести исследования в трудных условиях Северного Урала, сохраняя бодрость и азарт в труде.

Ежегодно, отправляясь в тайгу на полевые работы, А. Н. Иванов не забывает захватить этюдник, чтобы запечатлеть на полотне суровый пейзаж родного Урала.

У многих геологов, воспитанников Алексея Николаевича, представление об ученом и о седом Урале сливается воедино. Ибо вся многолетняя жизнь А. Н. Иванова, доктора геолого-минералогических наук, заведующего лабораторией стратиграфии и палеонтологии Горно-геологического института Уральского филиала Академии наук СССР,— увлекательная глава из истории русской геологии.

О. ИВАНОВА



Старейший геолог Урала А. Н. Иванов.

Фото Дм. Бальтерманца.



Парашютистка Аминат Султанова.

Фото Л. Максимова.

Прыжок Аминат Султановой

Галина ШЕРГОВА

Цветок рос на самой кромке скалы и, свесив голову, заглядывал желтым глазом сердцевины в пропасть. Он был высвечен солнцем, и даже отсюда, снизу, казалось, были видны багряные шарики росы на лепестках, готовые сорваться вниз.

— Замечательный цветок,—сказал Наби,— но девчонка никогда не сможет забраться так высоко, чтобы сорвать цветок!

— Ах, так! — Аминат полезла на скалу.

Она даже не взглянула на Наби. И только когда цветок уже был в руках, посмотрела. Ага, теперь Наби испугался! Действительно, очень высоко. Но пусть не задается. Может быть, Наби думает, что если он учится в шестом классе, а Аминат только в первом, то она трусиха? Или потому, что он коренной дагестанец, а у Аминат мама — сибирячка, она боится гор? Нет, просто Наби считает, что она плохо лазит по скалам, так как в Итле девочки не занимаются спортом.

Ох, Итля, Итля! Вот оно лежит, маленькое дагестанское селение — двадцать плоскокрыших домиков — в каменной подкове над пропастью. Природа как будто нарочно подняла эту площадку к самому солнцу, чтобы по горным дорогам почти невозможно было добраться сюда. Внизу — круглые чаши ущелий, коричневые и узловатые, как гигантская скорлупа грецкого ореха; сверху — скалы в пестрых пятнах земли. Ветер несет терпкий запах разморенной на солнцепеке хвои с ближних гор и снежную свежесть — с дальних. Нет, Аминат любит Итлю, куда ее привезли после смерти отца к тете Амине и дяде Магомету Кура— родителям Наби. Только уж очень далеко. Весь мир — селение, горы и аранийская крепость, где находится школа. Даже в кино далеко идти. И девочки не занимаются спортом. Это очень обидно. Но пусть! Аминат все равно лазит по горам, ездит на лошади и не боится ровным счетом ничего.

Аминат решила не унывать и не унывала. У нее был решительный и довольно сложный характер: и упрямый, и вспыльчивый, и независимый. Достаточно было послушать соседок, чтобы представить, что это за нрав: они судили и рядили о нем достаточно.

Настроение Аминат менялось каждую минуту. Но кто знает, может быть, в этом виноваты те же горы... Здесь никогда не узнаешь, какая будет погода через четверть часа: вот солнце, а вот горы выпустили из-за пазухи войлочные, как черные бурки, тучи, и уже дождю нет конца.

Когда Аминат Султанова подросла, она зачитывалась книгами о знаменитых летчиках, и Чкалов, Громов, Раскова стали ее героями, ее идеалом. Девочка решила стать летчицей и послала заявление в Ереванскую летную школу. Но оттуда пришел ответ: принимаются только мальчики, да еще с полным средним образованием. А у Аминат за плечами тогда было только семь классов. Она запрятала подальше ответ из Еревана, закусила губу и ушла в горы.

Она сидела на камне возле горной речки, смотрела вниз. Там ходили пухлые белые облака. Они подплывали так близко, что казалось, вот-вот лизнут подошвы Аминат. «Наверное, в самолете тоже так», — подумала Аминат, и ей стало еще грустнее. Возле мельницы дымился водопад, а дальше другой; большой водопад ревел и рокотал, делая свою сильную и трудную работу. Весь воздух был полон его гула, и гул этот тоже напоминал Аминат рокот самолета. Она резко встала и со злостью швырнула в речку попавшуюся под руку щепку. Щепка запрыгала между камнями. А девочка стояла и смотрела, как она, беспомощная, крутилась в потоке, не в силах одолеть своенравное кипение воды.

* * *

И вдруг произошло много событий, сразу изменивших жизнь Аминат Султановой.

Во-первых, она поехала в город Махачкалу и стала студенткой учительского института. А во-вторых, она поступила в аэроклуб.

Это оказалось совсем не просто. И все дело было в характере Аминат.

Почти все ее соученицы были горожанки, играли в волейбол, ходили по городу с открытой головой и умели дружить между собой. А Аминат даже стеснялась снять платок: в Итле это считалось очень неприличным. Кроме того выяснилось, что она «эгоистка и не умеет жить в коллективе». Ей так и заявили соседи по общежитию. А вышло это вот как.

Однажды Аминат решила выстирать себе кофточку. Недолго думая, она подошла к одной из девушек, полоскавшей что-то в тазу, и сказала:

— Давай таз. Ты уже пятнадцать минут хлюпаешь!

Потом она развесила выстиранную блузку и, когда все легли спать, села к столу читать. «Амина, погаси свет, — попросил кто-то, — все спят».

— Все спят, а я читаю. — Аминат дернула плечом. «Подумаешь, они не хотят, а я хочу! Я не обязана подчиняться». Тут-то ей и сказали про эгоизм и про коллектив. Что греха таить, ее это потрясло. Ей показалось, что «эгоистка» — худшее из всех слов.

Однако на другой день она еще не стала другим человеком. Нужно было знать Аминат. Настоящий душевный переворот начался только в аэроклубе.

Как-то в учительский институт пришел человек и сказал, что студентки могут записываться в аэроклуб. И Аминат впервые вошла в дом аэроклуба. Ей сказали, что занятия летчиков начнутся только в ноябре, а сейчас, в июле, если она хочет, может поступить в парашютную группу.

Всех, кто разговаривает с парашютистами, обычно интересует один вопрос — самочувствие во время первого прыжка. Очень ли было страшно?

Но Аминат вовсе не было страшно. Что такое для человека гор ощущение высоты! Единственное чувство, которое она испытывала, было чувство спортивного азарта. Ей сказали, что если она прыгнет плохо, других девушек лишат прыжка, и Аминат снова, как в детстве, закусила губу: «Ах, так!»

Она прыгала хорошо и легко, но особого удовольствия не испытывала. Совсем другое дело, когда начались полеты! Тут Аминат блаженствовала.

И вот ей предстояло сделать самостоятельный вылет. Девушка должна была подняться и выполнить один виток штопора. Еще идя по аэродрому, Аминат показала своей подруге четыре пальца. Но этого никто не заметил.

На земле стояли, задрав головы, начальник летной части Алиев, инструктор Каширов и представитель редакции местной газеты. Самолет набрал высоту, уверенно сделал круг и пошел в штопор. Сейчас он выровняется. Но кончился виток, и самолет пошел на второй. На земле замерли. Третий... Инструктор Каширов побледнел и почувствовал, как все внутри у него сжалось. «Не может выйти из штопора!» — подумал он. Четвертый виток... Но в это время самолет вышел из штопора. Все шумно вздохнули. Самолет развернулся, пошел вверх и сделал мертвую петлю. Алиев метнул на Каширова гневный взгляд.

Когда самолет приземлился, Алиев сказал зловещим шепотом: «Выходи!» — а Каширов махнул рукой и тихо пошел в сторону. Он не мог говорить от волнения.

...Аминат сидела на траве, уставившись в одну точку. Было тяжело слушать, что говорила Инна, ленинградская летчица. Но когда та сказала: «Ты должна пойти к Каширову и попросить извинения!», — Аминат вскочила, как ужаленная. «Извинения? Я?» Инна упорствовала: «Ты эгоистично подвела товарища, думая только о себе. И ты должна признать это. Иначе ты не советский спортсмен». И все летчицы сказали Аминат так же.

Никому не известно, что произошло в тот день с Аминат, но когда на следующую ночь дежурный по общежитию пришел будить ее для полетов, Аминат замахала руками: «Тише, тише, девочки спят!» И вернувшись под утро с аэродрома, Аминат, не снимая комбинезона и не проходя в комнату, уснула, свернувшись калачиком на коридорном диване.

* * *

Рожь стояла высокая, разъятая надвое дорогой, будто расчесанная гребнем. Достаточно было только свернуть с дороги, и тебя уже не видно. Но Аминат ушла подальше в хлеба́ и тут расплакалась. Все равно никто не узнает, что она плачет. Ох, как ей было обидно, и как она была зла на себя, на Сторчиенко, на эти проклятые чехлы!

Как гладко и хорошо все шло! В 1949 году у нее уже было второе место по Союзу в затяжных прыжках. Через год она пролетела 67 секунд, не раскрывая парашюта, бросившись с высоты более 5 тысяч метров. Потом группа из четырех девушек, в которую входила и Аминат, установила всесоюзный высотный ночной рекорд. Аминат включили в 1-ю сборную команду ДОСААФ. И вот в 1952 году она пролетела 142 секунды с нераскрытым парашютом. Это тоже был всесоюзный рекорд.

У нее теперь стала очень интересная жизнь. Она занималась мотоциклетным спортом, интересовалась техникой, много повидала, побывав на сборах в разных городах, окончила институт и преподавала физику и математику в рыбачьем поселке Сулак. И главное, Аминат считала, что научилась владеть собой. Все шло отлично. И вдруг на̀ тебе! Опять, как говорил тренер Павел Андреевич Сторчиенко, «отказал характер». И это сейчас, в дни подготовки к рекордному прыжку!

Сегодня днем все пошли отдыхать перед вылетом. Но Аминат вовсе не чувствовала себя усталой. Ей хотелось погулять. И она пошла гулять. Ей очень нравилось здесь, на Украине. Раньше ей казалось, что красота — только в смятых веками горных складках. А теперь она любила смотреть на зеленые ряды деревьев, отраженные в воде, плывущие вниз головой по реке. Что ж такого, если Аминат захотелось пойти к ним? Она и не устала нисколько. Может быть, так, самую малость. Но когда она вернулась, тренер ей сказал: «Ты не отдыхала. К прыжку тебя не допускаю. Будешь наблюдать за чехлами парашютов. Увидишь, куда они упали, и принесешь». Аминат вспыхнула. Нет уж, дудки! Никаких чехлов — такое унижение! Она прекрасно видела, куда падали чехлы, и пошла в обратную сторону, в рожь.

Как-то еще в институте во время разговора об эгоизме одна из подруг сказала ехидно: «Да, уж наша Аминат — просто кроткий ангел, настоящее небесное создание. Недаром ее и тянет в небеса». Сейчас девочки сказали бы, наверное, то же самое.

И вот она лежала во ржи и плакала. «Небесное создание» плакало самыми земными горькими слезами. И всего обиднее было то, что в этот нелепый случай вмешался Сторчиенко.

Павел Андреевич был для Аминат не просто тренером-инструктором. Технику прыжка ей преподавали и до него. Но только благодаря Сторчиенко Аминат понастоящему поняла «душу» парашютного спорта и полюбила этот спорт.

Она вспомнила, что говорил ей тренер.

Существует представление, что затяжной прыжок, прыжок с нераскрытым парашютом, — это бессознательное падение, когда человек камнем падает вниз и единственная его забота — побороть страх. Ведь когда парашютист отделяется от самолета, он попадает в буйную воздушную стихию. Воздух кажется спокой-

ным, только когда смотришь с земли на небо. А на высоте необузданные массы воздуха вращают человека с большой скоростью и он попадает в штопор. Человек на первый взгляд беспомощен в этом стремительном потоке, он послушная былинка, которую рвет и швыряет в любую сторону. И тогда остается только одно желание: скорее раскрыть парашют! А ведь это неверно. Человек может обуздать воздух. Он может стать хозяином воздуха, и тогда на смену страху приходит наслаждение.

Сторчиенко говорил увлекательно, зажигающе. Но, может быть, и этого было бы недостаточно. Сила тренера — в личном примере. Павел Андреевич — морской летчик, парашютный рекордсмен. Наиболее сложные прыжки он всякий раз выполнял вместе с учениками. Он считал: с земли все ошибки не увидишь. А раз он мог в свободном полете не только управлять собой, а еще и следить за учеником, — значит, человек действительно может стать хозяином воздушной стихии. Кроме того Сторчиенко предложил еще один способ контроля — прыжок с кинокамерой, автоматически фиксирующей все движения парашютиста.

Аминат — первая женщина в мире, которая прыгнула с киноаппаратом. И когда на экране все увидели, как спокойно и продуманно идет она сквозь воздушные толщи, люди убедились еще раз: прав тренер.

Аминат верила безгранично своему учителю. Верила и не хотела его подводить. А вот сегодня, ох, как нехорошо вышло!

...Уже прыгнула вторая группа, уже парашютисты сняли комбинезоны, и тогда Аминат, выйдя из хлебов, пошла собирать чехлы.

«Успею ли?» — с беспокойством подумала она.

— Ну, где чехлы? — спросил Сторчиенко.

Аминат едва слышно сказала:

— Все собрала, — и покраснела.

* * *

И вот пришла ночь рекорда. Вместе с подругами — Александрой Мишустиной, Нинель Швейновой, Галиной Пясецкой — Аминат должна была прыгнуть с высоты 8 километров и пролететь 138 секунд, не раскрывая парашюта. 138 — и ни секундой больше. Если одна из девушек не выполнит задания, результат группы не будет действительным.

Самолет поднялся, когда совсем стемнело, и стал набирать высоту. С земли были видны только три огня, чертящие в смолистой темноте движение машины. И вот между огнями показалось еще одно желто-розовое пятно: открылась дверь. Раз, два, три, четыре. Парашютисты отделились.

Аминат падала, посматривая на секундомер, закрепленный на руке. Луч фонарика, огоньки деревни, похожие на звезды... Может быть, небо было там? Огромная черная чаша вокруг. На мгновение Аминат перевернулась на спину и увидела звезды.

Расставив руки и ноги, Аминат управляла полетом, и в ней возникло ощущение парящей птицы, наслаждение, о котором говорил Сторчиенко. Она была так спокойна, что даже вспомнила вдруг горную реку и беспомощно прыгавшую щепку, тогда, в детстве. Щепка была беспомощна перед горным потоком, а вот она, Аминат, правит потоком воздуха. «Небесное создание», — вслух сказала Аминат и засмеялась. Кто мог слышать ее в этом бесконечном иссиня-черном мире?

В эту ночь девушками был установлен новый мировой рекорд группового прыжка с нераскрытым парашютом.

Для мастера спорта Аминат Султановой это были секунды, исполненные значения, о котором не говорил никто из поздравлявших: там, в ночном небе, Аминат еще раз ощутила связь с невидимыми товарищами по прыжку, от которых зависела она и которые зависели от нее, — прекрасное чувство единства, товарищества. И еще она почувствовала, что теперь может управлять не только воздухом, но и собственным характером.

А это немало.



ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ЧАСЫ НА УРАЛЕ

Свыше 20 тысяч электрических часов установлено за последние пять лет на Урале. Здесь вошло в обиход специальное выражение: электрочасофикация городов и районов. Электрические часы распространены в Челябинской, Тюменской, Молотовской и других областях.

Управление часами осуществляется станциями, каждая из которых обслуживает несколько групп, а в каждую группу входит до тысячи часов.

Сейчас устанавливаются самые совершенные электрические часы — с секундным импульсом. Для Североуральска в этом году будут изготовлены большие башенные часы.

На снимке: электромонтер И. Дедков за монтажом новой часовой станции.

Фото И. Шубина.

„СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ“

Читательница «Огонька» Екатерина Васильевна Кучеренко часто бывает в театрах. На страницах нашего журнала она делится своими мыслями по поводу тем и образов советской драматургии.

В одно из воскресений мы, как обычно, собрались всей семьей пойти вечером в театр. Хотелось посмотреть хороший спектакль о нашей советской действительности. В поисках такового принялись мы изучать в газетах театральные объявления.

В тот день в театрах Москвы можно было увидеть пьесы Гоголя и Шекспира, Горького и Караджале, оперы Глинки и Гулак-Артемовского, балеты Чайковского и Делиба; шли инсценировки романов Толстого и Говарда Фаста; на многих сценах показывались спектакли современных драматургов. Различные темы были затронуты в советских пьесах, различные герои действовали в них, различные конфликты разрешались. Но почему-то — и это не могло не поразить с первого взгляда — упорно обходились вопросы быта: ни один спектакль не был посвящен семье, ни один автор не уделил внимания семейным проблемам.

Чудесный советский педагог А. С. Макаренко писал: «Семья — это естественный коллектив, и, как все естественное, здоровое, нормальное, она должна только расцвести в социалистическом обществе, освободившись от тех самых проклятий, от которых освобождается и все человечество и отдельная личность».

Вот о том, как расцветает у нас семья, как освобождаются советские люди от пережитков в быту, как домашний коллектив помогает исправлять недостатки членов семьи, как воспитываются с детства характеры людей коммунистического общества, — о советской семье нужны и должны быть созданы спектакли в наших театрах.

Я говорю «должны быть», так как пока, к сожалению, не вижу постановок, посвященных этой теме. Правда, в большинстве пьес в списках действующих лиц фигурируют слова: «жена», «муж», «дочь», «приемная дочь», «сыновья» (их почему-то всегда несколько), «его мать», «ее мать», иногда «тетка» или «бабушка», значительно реже «дядя» или «дедушка», кое-где «сестра». Но, распределив так щедро родственные связи в программах и комментариях, обычно в самом действии пьесы автор к ним уже не возвращается.

Серьезные же, поучительные конфликты, возникающие в семьях, драматурги либо вовсе не затрагивают либо затрагивают побочно, между прочим, словно стесняясь и извиняясь, что обращают внимание на такую безделицу. А это не безделица.

Как приятно было бы видеть на сцене хорошую советскую семью, где каждый внимателен друг к другу, где младшие с уважением относятся к старшим, где дети воспитываются в атмосфере любви, заботы, чуткости к окружающим!

Мне могут возразить: где же здесь конфликт? Это, мол, сентиментальная чушь, а не пьеса. А мне кажется, что это будет правдивая картина многих наших семей. Что же касается конфликтов, то не надо их заранее придумывать, нужно только пытливо вглядываться в жизнь. Конфликтов не мало: тут и трудности роста и воспитания ребенка и любовь между супругами, которую надо пронести чистой и большой через всю жизнь, через много десятилетий. А первые годы совместной семейной жизни, когда люди, различно воспитанные, с различными характерами, должны привыкнуть друг к другу? А положение женщины, которая, занятая воспитанием детей, порой вынуждена бывает в расцвете творческих сил уйти с любимой работы, отказавшись от призвания, о котором мечтала в юности? Об этом надо писать пьесы, но так, чтобы действовали в них не какие-то символы, олицетворяющие различные добродетели, а живые, полнокровные люди с присущими им сомнениями, ошибками, недостатками. Я убеждена, что зрители с интересом и пользой смотрели бы эти спектакли.

И это вовсе не будет конфликтом «хорошего с лучшим», что еще недавно проповедовали некоторые «теоретики».

Показывая хорошую советскую семью, не следует помещать ее в безвоздушное пространство. Надо ей противопоставить другие образы, другую семью, в которых еще живы пережитки про-

шлого,— это будет соответствовать правде жизни: ведь и таких семей у нас еще немало.

Попытка показать жизнь советской семьи была сделана драматургом А. Суровым в пьесе «Рассвет над Москвой».

Спектакль этот идет в двух московских театрах и, насколько мне известно, во многих периферийных, поэтому нет нужды пересказывать его содержание, да и не об этом речь. Здесь противопоставлены две семьи: Солнцевых и Курепиных. В нашей печати центральный образ Капитолины Солнцевой вызывал противоречивые оценки, споры о типичности или нетипичности этой «бывшей партизанки», которая живет только одним — своей работой. Мне, однако, кажется, что и посейчас встречаются такие отцы и матери, которым «некогда» детьми заняться как следует, «некогда» о себе подумать, о своем росте, о своем личном. Тем не менее семья у Капитолины хорошая, и она, эта семья, и товарищи по работе, и коллектив фабрики помогают Капитолине понять свои заблуждения, вернуть к себе уважение дочери и матери, товарищей, коллектива, найти личное счастье. Конфликт — семейный и общественный — решен здесь драматургом, мне кажется, правильно, и это в пьесе «на производственную тему» особенно радует. Недаром спектакль «Рассвет над Москвой» так полюбился зрителям.

Но меня не все удовлетворяет в показе другой семьи — Курепиных.

Вот сцена дома у секретаря партийной организации Курепина.

Вечер. Скоро должен вернуться с работы отец. Вся семья в необыкновенно оживленном, приподнятом и торжественном ожидании. В руках сыновей музыкальные инструменты — барабан, труба... Мама у рояля. Появился Курепин — и грянула музыка. Автор говорит в ремарке: «Это обычная семейная церемония в доме». Возможно, что в произведении, где подробно была бы обрисована жизнь семьи, вскрыты мысли, поступки, взаимоотношения ее членов, как дополнительный штрих, красочная деталь, нам приятен был бы этот семейный оркестр. Но в этой пьесе, где семье Курепиных уделено несколько минут, эпизод с оркестром неуместен, он кажется вставным, безвкусным, эстрадным номером. Даже когда Курепин пытается рассказать жене о неполадках на фабрике, сын, не давая ему договорить, предлагает «ударить по гуслям».

Зритель успел узнать и полюбить Курепина, умного и образованного человека, чуткого и вдумчивого партийного руководителя, и с интересом отнесся к намерению автора показать его дом. Ведь человек в домашней обстановке всегда раскрывается по-новому. Но автор обманул ожидания зрителя: не показал хорошей советской семьи и ничем не дополнил характеристики образа Курепина. Замысел — противопоставить отношению Солнцевой к семье полноценные семейные отношения Курепиных — автору выполнить не удалось.

Я далека от того, чтобы давать рецепты или советы драматургам: так не надо писать, а так надо, такие сюжеты и образы годятся, а такие нет.

Я просто хочу сказать о том, что волнует меня, да и любую женщину, и на что мы редко находим ответы в книгах, а еще реже в театрах.

Почему в библиотеках трудно достать романы Коптяевой? Я не собираюсь разбирать художественные достоинства ее книг, но в них затронуты живые, волнующие каждого вопросы любви, брака, личной жизни. Почему при своем появлении интерес вызвала неудачная пьеса С. Михалкова «Потерянный дом»? Потому, что взятая писателем ситуация правдоподобна. У нас есть мужья, отцы семейств, которые, забыв об элементарной порядочности, об обязанности перед семьей, об ответственности за воспитание детей, бросают семью по первому, зачастую даже не очень глубокому влечению. У нас есть молоденькие девушки, которые чаще по легкомыслию, по неразумению, реже по грубому расчету соединяют свою жизнь с пожилым человеком, не задумываясь ни над разницей лет и вытекающими отсюда последствиями, ни над тем, что разбивается семья. Такие случаи бывают. Но Михалков, затронув нужные, важные вопросы, не проанализировал поступки героев, не подвел к тем или иным решениям. И зрителю осталось неясным, почему хорошая советская девушка Людмила Леонтьева соединила свою жизнь с Лавровым — человеком намного ее старше, зная, что отрывает его от жены и детей. Осталась затем непонятна и причина ее ухода от Лаврова.

Взяв такую тему, автор обязан был писать страстно, принципиально, бескомпромиссно, вскрывая причины и делая выводы, без сожаления разоблачая и обличая тех, кто преступает законы советской морали.

Михалков этого не сделал и потерпел провал.

А пьесы на эти темы нам очень и очень нужны.

Надо помнить и о другом: остались еще у нас в стране двуличные, фальшивые люди. Посмотришь, в коллективе, на работе иной человек ведет себя, как преданный, честный советский гражданин, а дома, в семье, вместе с рабочим костюмом снимает личину и обнажается его подлинная, хамская, а иногда и подлая сущность.

Все это «герои», которые ждут своего осуждения со сцены.

Но как часто вместо жизненных, актуальных конфликтов нам показывают наивные и неправдоподобные! Кочующим из пьесы в пьесу поводом не только размолвки, но даже разрыва настоящих или будущих супругов стали их разногласия по производственным вопросам, причем именно разногласия, заблуждения, неверная точка зрения одного из них. Но вместо естественного желания переубедить, объяснить ошибку близкому и любимому человеку, вместо спора, стремления обоих доказать свою правоту люди почему-то разводятся, разъезжаются.

Такая ситуация и в «Свадьбе с приданым», где разногласия по вопросам агротехники послужили препятствием к свадьбе; и в «Московском характере»: тут супруги, связанные многолетней совместной жизнью, разъезжаются потому, что муж не захотел на своем заводе освоить выпуск нового станка; и в «Ксении»: здесь молодая чета доходит до разрыва из-за различных точек зрения на то, что важнее для колхоза: рожь или пшеница; и во многих других спектаклях.

Слов нет, все это немаловажные споры. Наш советский человек привык относиться к своему производству по-хозяйски, всем сердцем болея за его успехи и неполадки, и дела производства — это насущные, личные, кровные дела каждого. И все же различные точки зрения по этим вопросам не повод для разрыва в семье.

Семейные конфликты, как и любые конфликты, не придуманные за столом, а увиденные в жизни, очень разнообразны. Почему же наши драматурги так обедняют и обесцвечивают эту жизнь?

В школе, где учится моя дочь, я работаю в родительском комитете. В мои обязанности входит выяснение причин плохой посещаемости учащихся, нарушения ими дисциплины, снижения успеваемости. В этих случаях я всегда хожу домой к ученицам, знакомлюсь с бытовыми условиями, взаимоотношениями в семье.

Одна ученица 9-го класса стала плохо учиться. У девочки появился апломб, чувство превосходства над другими. Замечания педагогов, советы и предупреждения товарищей она встречала с высокомерным равнодушием. Решено было познакомиться с ее домом. Там мы застали следующую картину. Отец, ответственный работник, дома бывает мало, и воспитание дочери всецело поручил жене. Та, считая дочь необыкновенно одаренной (девочка неплохо рисует и любит музыку), создала ей исключительные условия: из двух комнат, принадлежащих семье, одна отдана в полное распоряжение девочки; в другой ютятся остальные 5 человек. В результате такой исключительности девочка растет эгоисткой, избалованной, с необоснованным чувством превосходства над остальными. Она стала и плохой ученицей и плохим членом коллектива.

Вот и другой пример. У родителей 12-летней школьницы испортились взаимоотношения. Девочка была постоянной свидетельницей размолвок, скандалов, неуважительных слов старших в адрес друг друга.

Результат также плачевен, хотя взаимоотношения супругов в конце концов наладились,— дочь потеряла уважение и к тому и к другому. Утратив авторитет, родители утратили и возможность воздействовать на дочь, воспитывать ее.

Таких примеров очень много. Ребенок не бывает сам по себе плохой или хороший — среда делает его тем или другим. И тут очень много зависит от семьи.

Нам следует всегда помнить, что в своих семьях мы воспитываем, формируем характеры не только будущих строителей коммунизма, но и непосредственно членов коммунистического общества. Это накладывает на нас, родителей, очень высокую обязанность. Об этом мы должны всегда думать, этим измерять все свои поступки в семье.

Я всегда с какой-то нежностью и особой теплотой вспоминаю по-настоящему лирическую пьесу А. Афиногенова «Машенька». Там тоже был взят семейный конфликт: молодая женщина, желая после смерти мужа «устроить свою личную жизнь», отсылает дочь — подростка Машеньку — к деду, одинокому, нелюдимому старику. О том, как простые советские люди — дедушка, домработница Мотя, геолог Леонид Борисович, соседка — учительница музыки, соученики Маши — окружили девочку вниманием, заботой и любовью, помогли ей забыть пережитое, обрести вторую семью, рассказывает эта пьеса.

Недавно я побывала на 400-м спектакле «Машенька» в Центральном театре транспорта. Это было днем, но зал был переполнен. Более десяти лет прошло со дня написания пьесы, но, как и тогда, многое она заставила перечувствовать во время спектакля, о многом подумать. Спектакль сумел взволновать, задеть в сердце каждого живые струны. Это значит, что даже очень простой и безыскусный, но правдивый и жизненный семейный конфликт, написанный любовно, с большой проникновенностью в образы, имеет право на существование на сцене и нужен зрителю.

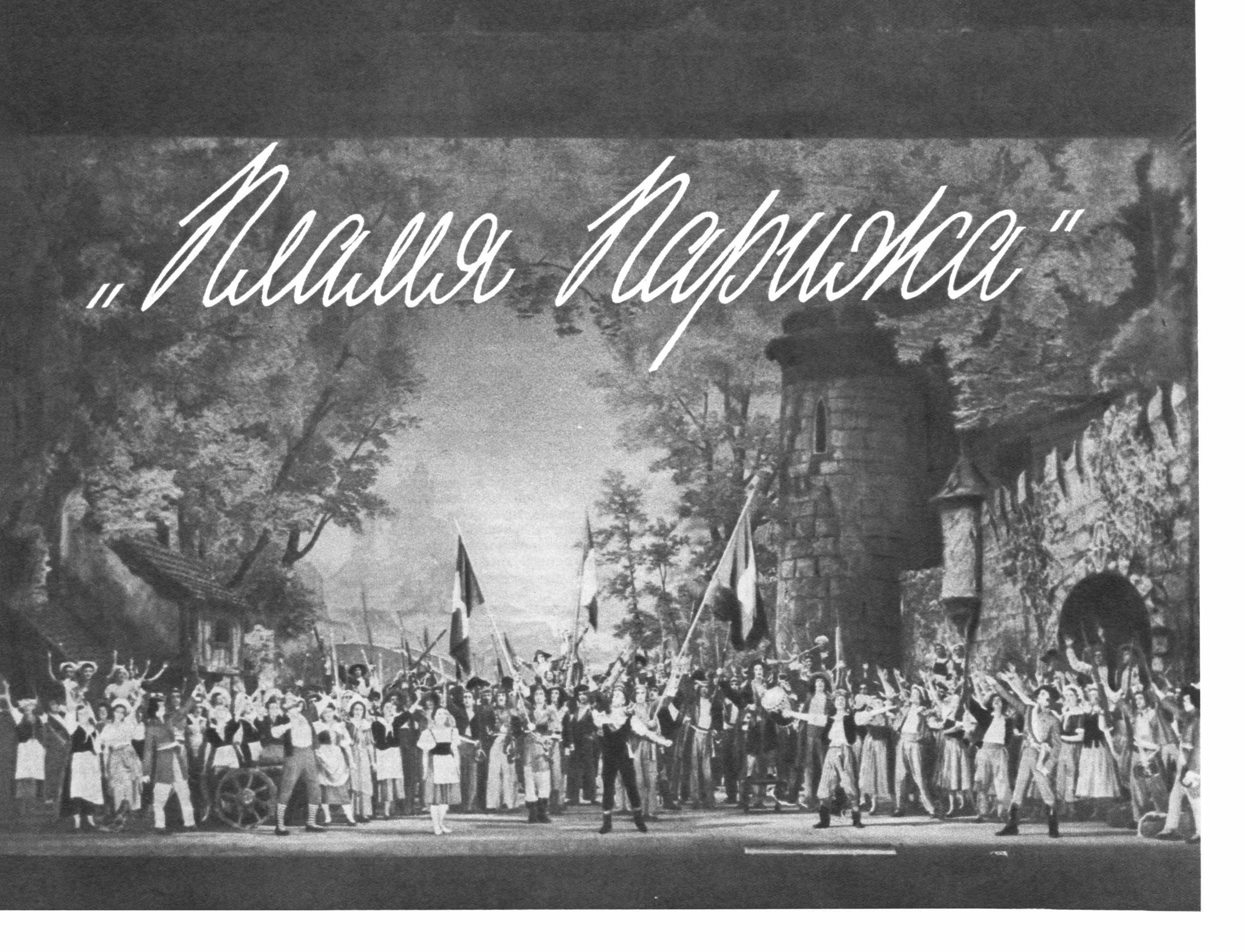
Мы хотим видеть в наших театрах пьесы о семье.

Е. КУЧЕРЕНКО

Исполнительница роли Машеньки артистка В. Марецкая и автор пьесы «Машенька» драматург А. Афиногенов после премьеры спектакля в Театре имени Моссовета. Март 1941 года.



„Пламя Парижа"



Сцена из спектакля «Пламя Парижа» в постановке Большого театра СССР.
Фото М. Сахарова.

Прошло 20 лет с того дня, как у нас впервые был поставлен балет «Пламя Парижа» — этот во многих отношениях примечательный спектакль. Премьера «Пламя Парижа» состоялась на сцене Ленинградского театра оперы и балета (впоследствии — Театра имени С. М. Кирова). Позднее постановка этого балета в Большом театре СССР была отмечена Сталинской премией.

«Пламя Парижа» утвердило в нашем театре принципы реалистического балетного искусства — искусства в своей основе новаторского. Немало сомнений вызывала когда-то сама мысль о том, что поход марсельского рабочего батальона в Париж — свергать Людовика XVI и надменную Марию-Антуанетту — мог быть «рассказан» в балете. Но вот мастера советского искусства сумели создать исторически достоверные, выразительные хореографические сцены, рассказывающие о людях, делах и днях французской революции. В итоге усилий композитора Б. Асафьева, драматурга Н. Волкова, художника В. Дмитриева, балетмейстера В. Вайнонена появилось сценическое произведение большого идейного звучания, яркого музыкально-драматического содержания, красочной хореографической формы.

В основу сюжета «Пламени Парижа» положены действительные события — история штурма Тюильрийского дворца Людовика XVI марсельским батальоном. Этот революционный батальон состоял, по свидетельству историков, почти исключительно из рабочих: 550 из 579 участников похода. В отряде были носильщики, каменщики, столяры, слесари, плотники, бондари, сапожники, машинисты, чулочники. Так главным героем «Пламени Парижа» стал революционный французский народ.

Да и образы сценических «солистов» были заимствованы драматургом из жизни Франции конца XVIII века. Молодая 22-летняя актриса Екатерина Пошет, примкнувшая в Париже к бунтарям — марсельцам-якобинцам, послужила прототипом для Дианы Мирель — одной из центральных героинь балета. Как и Пошет, Диана Мирель — придворная актриса-танцовщица — отдала свой талант революции. А одна из реальных участниц марсельского похода, Варвара Паран, дочь валансьенского бондаря, могла, безусловно, послужить прообразом крестьянской девушки Жанны в балете.

Успех «Пламени Парижа» во многом обязан музыке Б. В. Асафьева. Композитор сочинил музыкально-историческую повесть, в которой «документами» служат не отдельные, индивидуальные достижения композиторов той эпохи, а ее целостная музыкальная речь, созданный революцией новый музыкальный язык. Здесь Асафьеву помог его выдающийся талант исследователя и музыканта-ученого. В своем сочинении он, разумеется по-своему, акцентировал отысканные им в произведениях прошлого музыкальные записи. Он не столько цитирует их, сколько повествует о них ему самому присущим, современным инструментальным языком.

Искусство балета — искусство немое, и мне помнится, как неожиданно, не вызвав, однако, никаких протестов со стороны зрителей, прозвучало в спектакле... хоровое пение! Как было не использовать богатое песенное наследие французской революции — «Карманьолу», «Марсельезу», воинственное «Са ира»?!

В «Пламени Парижа» много разнообразных танцев — характерных и классических. Мастерство классического танца здесь обогащается эмоциональной выразительностью, драматичностью исполнения танцовщиков, постигших внутреннюю сущность создаваемых ими сценических образов,— всеми теми высокими качествами актерского таланта, которые были проявлены Г. Улановой, М. Семеновой, Н. Дудинской (в роли актрисы Дианы Мирель), О. Иордан, О. Лепешинской и С. Мессерер (крестьянка Жанна), Вахтангом Чабукиани, А. Ермолаевым и А. Мессерером (Филипп). Такими же особенностями отличается и исполнение Н. Анисимовой роли баски Терезы.

Балетмейстерское мастерство В. Вайнонена, реалистические декорации художника В. Дмитриева открыли нашему взору улицы и площади гневного и веселого, свободолюбивого Парижа, показали полную революционной страсти жизнь парижан и марсельцев.

Верно понятая история всегда служит современности. Именно так были рассказаны языком искусства исторические события конца XVIII века. И этот рассказ оказывается очень нужным и желанным для наших зрителей. Красноречивый по своим изобразительным средствам, благородный в своем оптимизме, в широте своих больших чувств — таков балет «Пламя Парижа».

Мих. КОЗАКОВ

Лесной ПОТОК

Уссурийская тайга. Кедрачи, ельники, обомшелые пихты, непролазные заросли подлеска. Зимой тайга кажется вымершей. Но это — обманчивое впечатление. Вот хрустнула ветка валежины — то изюбр , учуяв приближение тигра, шарахнулся в чащобу. Вот на вершину высоченной пихты бесшумно взметнулась темная дальневосточная белка. А в дупле столетнего кедра погрузился в зимнюю спячку медведь. Следы его когтей остались на коре дерева.

Уссурийская тайга! Не пройти и не окинуть ее взором. Но стоит подняться на гребень самого высокого перевала, и перед вами откроется картина неповторимо чарующей красоты. Далеко-далеко, на сколько хватает глаз, раскинулась долина реки Подхоренок, изрезанная гривастыми крутолобыми сопками. В этом безбрежном океане, словно гигантские темно-зеленые волны, уходят за горизонт сопки и теряются в сиреневой дымке. А по их склонам вьется узкоколейная лесовозная дорога. Звонкий гудок хлопотливого паровозика надолго застывает в прозрачном воздухе.

Поезд мчится по склонам гор вглубь тайги, минуя участки «3-я седьмая», «Тигровый», к самому дальнему — «Шумный ключ». Это владения одного из старейших леспромхозов Хабаровского края — Вяземского. Глубоко в тайгу, в сторону от транссибирской магистрали, уходят стальные нити его узкоколейки.

Коллектив Вяземского леспромхоза — неизменный победитель в социалистическом соревновании лесников Дальнего Востока. Здесь все процессы — от валки деревьев в тайге до их отправки потребителям — выполняются механизмами.

Не увидишь теперь в лесу стародедовского «стяжка» и поперечной ручной пилы. Первоклассной советской техникой вооружен ныне лесник. Это уже не сезонник, пришедший в тайгу «подработать», а кадровый индустриальный рабочий, мастер своего дела, рачительный хозяин.

Вот один из представителей этого славного отряда: бывший фронтовик, член бюро парторганизации леспромхоза и член Вяземского райкома КПСС электровальщик Алексей Макарович Матыка. У него несколько специальностей. Он владеет не только электропилой, но и прекрасно водит автомобиль, трактор, управляет передвижной электростанцией.

Здесь зарождается лесной поток. Электровальщики определяют трудовой ритм всего конвейера. И если Алексей Макарович выполняет полторы — две нормы в смену, это означает, что и на всем конвейере люди, равняясь на заданный им ритм, перевыполняют свои нормы. За один только прошлый сезон А. М. Матыка дал стране свыше 10 тысяч кубических метров древесины.

Славу неутомимого, безотказно действующего «труженика» стяжал себе в лесу советский трактор «КТ-12». На крутые склоны, через пни и валежины взбирается эта прекрасная машина-вездеход. Вот «КТ-12» зацепил стальными тросами стройные, как мачты, лесины и тащит их на склад, к погрузочным лебедкам.

Дерево, сваленное в тайге и очищенное от сучьев, трактор доставляет на верхний склад. Здесь его подхватывают тросы лебедки и укладывают на вагонетки узкоколейной железной дороги. И вот уже поезд в 25—30 сцепов мчится к нижнему складу, в город Вяземский.

Нижний склад — своеобразная фабрика рациональной разделки древесины на сортименты. На огромной площади действуют мощные лебедки, подъемные краны, электростанции. Здесь лесину (хлыст) можно разделать лучше, чем в тайге. Ничто не пропадет — все пойдет в дело.

Вот тросы лебедки подхватили целую вагонетку огромных хлыстов и сдвинули ее на разделочную площадку склада.

Не успел тридцатиметровый ясень лечь на площадку, как в его тело впилась электрическая пила. Десятник комсомолка Н. Докшина и раскряжевщик А. Борисов в совершенстве постигли искусство разделки хлыстов.

Лесной поток завершается. Дерево, что подхватил мощный кран, утром еще стояло на корню в тайге, за десятки километров от склада. А вечером его отправят на платформе в угольные шахты Сучана, или в Красноярск на завод комбайнов, или в Ленинград, или под Жигули, где сооружают гигантскую ГЭС.

* * *

Ни днем, ни ночью не замирает жизнь в тайге. Сотрясается земля от падающих гигантов-деревьев, рокочут тракторы, ослепляя фарами зверье, перекликаются гудки паровозов. Лес идет и идет отсюда сплошным потоком на стройки, заводы, фабрики.

С. РОСЛЫЙ



По склонам вьется узкоколейная лесовозная дорога...

Десятник комсомолка Н. Докшина и раскряжевщик А. Борисов в совершенстве постигли искусство разделки хлыстов.

Фото В. Байдалова.





Инициатор ускоренного метода изучения китайских иероглифов Ци Цзянь-хуа на уроке.

Отвечаем читателям

О КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПИСЬМЕННОСТИ

Китайский язык и письменность имеют свои особенности, резко отличающие их от славянских и других европейских языков. Однако это не мешало многим русским и иностранным китаистам овладеть и разговорным китайским языком и письменностью, особенно после общения с китайским народом в его стране.

Китайский язык относится к корневым языкам. Основной словарный фонд его состоит из односложных слов, выражающих первоначальные, коренные понятия. Китайские слова не склоняются, не спрягаются и не воспринимают флексий, столь распространенных в русском языке. Эти коренные односложные слова сами являются элементами словообразования в виде различных взаимных сочетаний. Например, «цао» — трава и «му» — дерево в сочетании «цаому» означает новое слово — «растительность».

По принципу сочетания односложных слов образуется все многообразие слов (несколько десятков тысяч), необходимых в культурной жизни. Иногда простые, односложные слова, вступая во взаимные сочетания, сохраняют и свой первоначальный смысл, как это имеет место в русском языке, например, в слове «землевладелец», где слова «земля» и «владелец» сохраняют свой смысл и в то же время составляют вместе другое слово. По-китайски «землевладелец» называется «дичжу». В это китайское слово входят слова: земля — «ди» и хозяин, владелец — «чжу». Но в русском языке подобные составные слова сравнительно немногочисленны, тогда как в китайском языке они преобладают. Так как китайские односложные слова не теряют в сочетаниях своего первоначального смысла, некоторые китаеведы склонны рассматривать сложные слова как своеобразные предложения. Например, «гунчаньдан» — компартия — они считают возможным трактовать как фразу: «партия общности имущества», — но это, конечно, не так. В подобных сочетаниях выступают новые слова, отличные от тех элементарных слов, из которых они составлены. Вот почему нельзя ограничиться знанием только односложных коренных китайских слов. Знание простейших односложных слов лишь облегчает усвоение многообразного и обширного словарного состава китайского языка.

В китайском языке много омонимов — многие односложные слова при различном смысловом значении имеют одинаковое звучание. Так «ху» имеет более двадцати значений, например: озеро, дверь, взывать. Распространенное односложное слово «ши» имеет не менее шестидесяти значений, например: десять, история, дело. «И» означает: один, платье, переводить — и кроме того до ста других значений. Десятки значений имеют такие односложные слова, как: би, бо, гуй, ди, ин, инь, ли, лу, лю, ми, си, су, сяо, тан, тань, фу, фэй, цзи, цзянь, чан, шу, юань, юй, янь, яо.

Как уже сказано выше, многие из них вступают во взаимные соединения по типу наших слов: паровоз, пароход, водолаз, самообразование, каменотес, самолет, частокол, летописец, двоедушие, единодушие, дымоход.

В этом случае китайские слова, становясь двух- и многосложными, легко отличаются друг от друга.

Кроме того одинаковые слова с разным смысловым значением произносятся с различной интонацией. Эта так называемая тональность является особенностью китайского языка. В распространенном пекинском говоре существует четыре тона, а именно:

1-й ровный тон. Слово произносится ровным, хотя довольно высоким (но без усилия) голосом, примерно так же, как на вопрос: «Отчего ты невеселый?» — мы отвечаем: «Так».

2-й ровный тон. Слово произносится повышенным голосом, вроде вопроса: «Кто там?»

3-й, или восходящий, тон. Слово произносится с повышением голоса, примерно как мы произносим: «Что-о?!», «Вот как!».

4-й, или нисходящий, тон. Слово произносится с постепенным понижением голоса, довольно кратко, как бы с выражением утверждения, напоминая наши выражения: «Нужно ТАК сделать», «Не может БЫТЬ».

В словарях эти тоны обозначаются условными знаками над соответствующими словами, в иностранных словарях иногда небольшими цифрами.

Например, слово «шуй²» (со знаком два), произносимое под вторым тоном, означает вопрос «кто?», а «шуй³» (со знаком три), произносимое под третьим тоном, значит «вода». Живая китайская речь не обходится без тональности. Однако длительное развитие китайского языка привело к образованию двухсложных и многосложных слов, которые не требуют прежней степени тональности. Многосложные слова облегчают сближение различных диалектов, существующих в Китае и отличающихся главным образом произношением и тональностью, но не грамматическим строем и словарным составом.

К одной из особенностей китайского языка относится его синтаксис, сочетание слов в предложениях. Оставаясь по форме неизменными, слова занимают в предложениях (за редким исключением) определенное место. В простом предложении на первом месте обычно ставится подлежащее, на втором — сказуемое и далее идет дополнение. Например: «сюэшэн яньцзю лиши» — студент изучает историю. Если необходимо определить, какой студент, когда и какую изучает историю, то все определяющие слова займут места перед определяемыми (определение предшествует определяемому — таково правило). «Чжэгэ сюэшэн сяньцзай яньцзю чжунго лиши» — этот студент сейчас изучает китайскую историю. Иногда глаголы и существительные оформляются служебными словами, играющими роль суффиксов.

После уяснения основных особенностей китайского языка нетрудно разобраться в особенностях китайской письменности.

Она основана не на алфавите, а на так называемых иероглифах. Буквы алфавита обозначают звуки, «фонемы»; иероглифы являются символами понятий, выражаемых словами. В китайской письменности примерно столько же общеупотребительных иероглифов, сколько простейших односложных коренных слов, то есть несколько тысяч.

Как полагают, иероглифы произошли от существовавших в отдаленные времена пиктограмм (от латинского pictura — пиктура, то есть рисование, живопись), но теперешняя китайская иероглифическая письменность далека от пиктографической. Иероглиф — это символ, в большинстве случаев не имеющий зрительного сходства с предметом, который он обозначает, хотя в некоторых случаях его можно ассоциировать с нашими представлениями. Например, «чжун» (1) — середина — благодаря вертикальному стержню создает известное представление о середине. Большинство же иероглифов совершенно абстрактно, вроде иероглифа «Ю» (2) — иметь.

1 中

2 有

Следовательно, запоминание иероглифов требует заучивания в процессе практического применения. Читается иероглиф так же, как слово, которое он обозначает. Иероглифы отличаются друг от друга количеством и характером черт, как это можно видеть на примере слова «шуй», которое в зависимости от тона, которым произносится, может означать вопрос «кто?» или слово «вода». В первом случае иероглиф «шуй» пишется (3), во втором (4). Таким образом, зрительно оба понятия воспринимаются безошибочно, независимо от произношения и тона. Это создает известное удобство при общении людей, говорящих на различных диалектах, как это имеет место в Китае. В этом одна из причин живучести иероглифов в китайской письменности. **Иероглиф сохраняет свой смысл независимо от того, как читается, не только в разных диалектах, но и в совершенно разных языках.**

3 誰

4 水

Например, государство по-китайски — «го» (5), по-японски называется «куни», но обозначается тем же иероглифом. Иероглифическая письменность проникла в Японию из Китая через Корею в III веке и широко распространилась в VI веке в связи с проникновением буддизма.

國 5

日 6

Все иероглифы в словарях разбиты на отделы по признаку родственных понятий. В этом случае один какой-нибудь иероглиф является ведущим. Например, иероглиф «жи» (6), означающий солнце, день, является как бы ведущим в группе иероглифов, связанных с понятием «солнце», и его можно встретить в качестве элемента в более сложном понятии — «мин» (7) — ясный — и в ряде других. Такие ведущие элементарные иероглифы называются «ключами». Принято считать 214 ключевых иероглифов, среди них: «жэнь» (8) — человек, «му» (9) — дерево, «нюй» (10) — женщина, «хо» (11) — огонь и другие.

Знание ключевых иероглифов облегчает понимание многих других иероглифов, входящих в состав китайской письменности.

7 明

8 人

9 木

10 女

11 火

Собственные названия пишутся такими же иероглифами, как и обычные слова, но в одних случаях иероглифы сохраняют смысл, в других — употребляются как слог данного слова, как слоговая азбука. Поясним это примерами. «Чжунго» (12) — название Китая — состоит из «чжун» — середина и «го» — государство, то есть «Срединное государство». В этом понятии отразились прошлые географические представления китайцев. «Чжунхуа» (13) — «срединный цветок» — другое, поэтизированное название страны («хуа» — цветок). Китайская Народная Республика называется «Чжунхуа жэньминь гунхэго» (14), где «Чжунхуа» (Китай) сочетается с «жэньминь гунхэго» (народная республика). Но такое собственное название, как Абисси-

12 中國

13 中華

中華人民共和國

14

阿比西尼亞

15

將其全部變成膠體的染料，這種膠體染料在行重氮化時呈現相當大的穩定度，很不容易重氮化。下面所列舉的一些對一氨基偶氮染料全屬於這一種情形，我們把牠們歸爲對一氨基偶氮染料重氮化情形的第一類：

1. 間位一氨基苯磺酸 (Метаниловая кислота)—α-萘胺 (α-нафтиламин)
2. 對位一氨基苯磺酸 (Сульфаниловая кислота)—α-萘胺。
3. 4-氯2-磺基苯胺 (4-хлор-2-сульфоанилин)—α-萘胺。
4. 苯胺 (Анилин)—7-磺基萘胺 (1,7-нафтиламинсульфо кислота)。
5. 對位硝基苯胺 (п-нитроанилин)—7-磺基萘胺。
6. 間位一硝基苯胺 (М-нитроанилин)—7-磺基萘胺。
7. 間位一氨基苯磺酸—7-磺基萘胺。

[illegible]

Страница из книги, написанной иероглифами. Химические термины приведены по-русски.

ния (15), для написания которого взяты иероглифы «а», «би», «си», «ни», «я» (берег, сравнение, запад, близкий, худший), не имеет смысла. Иероглифами воспользовались в данном случае как алфавитом. Так поступают в большинстве случаев при транскрипции (передаче, написании) иностранных слов, в том числе фамилий. Смысл иероглифов в фамилиях, именах и собственных названиях обычно не воспринимается: они выступают именно как обозначения собственных имен и в тексте иногда отмечаются черточкой.

Строки китайского текста, как печатного, так и рукописного, располагаются сверху вниз (ниспадают) и справа налево. Поэтому книга или рукопись начинается там, где у нас кончается. У нас книга, положенная заглавием кверху, имеет корешок переплета слева, китайская — справа. Писание сверху вниз имеет свои неудобства, так как европейские цитаты приходится переворачивать и писать вертикально сверху вниз по ходу китайских строк. Еще труднее вписывать научные формулы с буквенными и цифровыми обозначениями. Поэтому научные книги и журналы все чаще и чаще пишут китайскими иероглифами, но по-европейски: горизонтально, слева направо.

В математических вычислениях употребляют европейские буквы и арабские (т. е. те же, что и мы), а не китайские цифры. Арабские цифры очень часто применяются и в статистических таблицах, хотя в тексте пишут китайские цифры, образец которых в пределах десяти таков (16).

一二三四五

16

六七八九十

Возможно ли и нужно ли реформировать «китайскую грамоту», перевести ее на алфавит? Реформа, безусловно, необходима. Надо полагать, что при определенных условиях возможна реформа если не путем немедленного и полного отказа от иероглифической письменности, то более или менее значительного упрощения. Но поскольку эта письменность, как и всякая иная, служила и служит делу прогресса, должны быть тщательно взвешены все обстоятельства за и против в конкретных условиях данного исторического периода. Немедленная и полная реформа письменности, с отказом от иероглифов, затруднила бы приобщение широких масс к историческим культурным ценностям, потребовав переиздания многих книг и других материалов, написанных иероглифами. Возникли бы определенные трудности приспособления новой письменности к существующим диалектам. Некоторые выдвигают против реформы и тот довод, что технически трудно перевести на алфавит письменность языка, в котором много одинаковых слов, отличающихся только тональностью.

Вопросами реформы китайской письменности в настоящее время занимается правительство Китайской Народной Республики. Разработка реформы нисколько не мешает бурному расцвету культуры в стране на основе существующей письменности.

Среди широких слоев китайского народа растет стремление в кратчайший срок ликвидировать неграмотность, являвшуюся в прошлом уделом многих миллионов трудящихся. Опыт борьбы за ликвидацию неграмотности показывает, что «китайская грамота» для китайцев, знающих родной разговорный язык, не является такой трудной, как это многие предполагают.

В последние годы широкое распространение в Китае получил метод ускоренного обучения иероглифической грамоте, разработанный преподавателем китайской Народно-освободительной армии товарищем Ци Цзянь-хуа. Применяя этот метод, неграмотный или малограмотный за 150 часов учебы имеет возможность изучить 1 500—2 000 наиболее употребительных, отобранных в результате длительной практики иероглифов, а еще через 100 часов обучения — читать газеты, простые книги, а также писать письма.

Метод Ци Цзянь-хуа, награжденного почетной грамотой Комитета по делам культуры и просвещения при Административном совете Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики, базируется на применении фонетических знаков (букв), представляющих из себя упрощенные комбинации из 2—4 черт, встречающихся в виде элементов в иероглифах. Эта китайская азбука из 40 знаков, называемая «чжунь цзыму», употреблялась ранее при обучении детей как вспомогательное средство для написания сбоку иероглифов их произношения. Товарищ Ци Цзянь-хуа применил азбуку как средство заучивания взрослыми (владеющими разговорным китайским языком) несложных текстов, написанных буквами. Для этого звучание букв изучается первоначально при помощи картинок.

В дальнейшем картинки заменяются иероглифами, причем учащиеся различают, что одинаково звучащие, но различные по смыслу слова хотя и пишутся одинаковыми буквами, но обозначаются разными иероглифами. Усвоенный таким путем определенный минимум иероглифов позволяет перейти к чтению несложных текстов, написанных иероглифами, а повторное чтение подобранных иероглифов в тексте ускоряет и закрепляет их запоминание.

Таким путем учащиеся подводятся к чтению обычного газетного и книжного текста, приступают к графическому анализу иероглифов и письму.

Предполагается, что уже весной 1953 года на основе ускоренного метода обучения будет ликвидирована неграмотность более чем 10 миллионов человек, главным образом промышленных рабочих и крестьян. В таких районах, как Северо-Восточный Китай, полная ликвидация неграмотности должна быть, по плану, завершена в ближайшие пять лет. Планы ликвидации неграмотности разработаны и осуществляются и в других районах Китая.

А. СТАДНИЧЕНКО

СОЗДАТЕЛЬ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО СВЕТА

К 30-летию со дня смерти А. Н. Лодыгина



Осенним вечером 1873 года Одесская улица в Петербурге, обычно пустынная и тихая, стала неузнаваемой, необычайно оживленной. Туда со всех концов города, привлеченные объявлениями, стремились люди. Каждому хотелось воочию увидеть диковинную лампу, придуманную Александром Николаевичем Лодыгиным.

Многие пришли засветло и с любопытством разглядывали подвешенные на столбах фонари, провода в резиновой оболочке. Когда стемнело, Лодыгин включил ток. Раздались возгласы удивления, аплодисменты: вспыхнул свет, ровный и яркий, непохожий на свет керосиновой лампы или газового рожка.

Окруженный репортерами, молодой изобретатель — ему исполнилось всего 26 лет — охотно рассказывал об истории электрической лампочки накаливания. Он поведал о том, как придумал упрятать под стеклянный колпак угольный стержень, как изолировал его от воздуха, в котором он быстро сгорал, когда пропускался ток.

На другой день газеты опубликовали отчеты, где восторженно описывалась первая в мире демонстрация «великому множеству народа изобретенных А. Н. Лодыгиным электрических ламп накаливания».

В городе много говорили о новом русском открытии. Однако газовая компания «Сириус», где Лодыгин работал дежурным монтером, немедленно выставила его за дверь. Но оставлять свои опыты он не думает и поступает в арсенал слесарем-инструментальщиком. И здесь его неукротимое упорство и блестящий талант конструктора побеждают, и скоро он становится инженером.

Лодыгин находит оригинальный способ упрочнения угольной нити: ее надо густо обсыпать угольным порошком и прокалить при высокой температуре без доступа воздуха. Молодой инженер не прекращает борьбы с самым коварным врагом — кислородом, — конструирует новую модель, откачивает из нее воздух.

Наконец, снова удача: им заинтересовалась Российская академия наук. «Лодыгин, — говорилось в докладе Академии, — с успехом устранил сгорание угля тем, что заключил его в герметически закупоренный стеклянный колпак, из которого самым простым способом был извлечен кислород. Своим открытием Лодыгин решил задачу разделения электрического света». Ему присуждают высшую награду — Ломоносовскую премию — тысячу рублей.

С удвоенной энергией Лодыгин принимается за дело, однако деньги быстро тают, и изобретение становится добычей прожженных спекулянтов, превращается в предмет биржевой игры и финансовых махинаций. Лодыгин снова без гроша в кармане, ему не на что купить нужные для опытов материалы.

Лампочку постигла судьба многих русских изобретений. Она не осталась не замеченной за границей, ее перевезли за океан, где она принесла славу и громадные барыши отнюдь не ее изобретателю. В 1877 году американскому изобретателю Т. Эдисону показали «восьмое чудо света», созданное русским инженером, и рассказали историю его настойчивых пятилетних исканий. Американец внес в лампу кое-какие усовершенствования, а затем решил запатентовать от своего имени конструкцию лампы Лодыгина. Вероятно, так бы и случилось, если бы почти одновременно подобное требование не предъявила одна английская фирма, также «подобравшая» чужое добро. Она шумно рекламировала «собственную» лампочку накаливания.

Конкуренты затевают долгую судебную тяжбу о «приоритете», получившую громкую и скандальную огласку во всем мире. Дело обернулось совсем не так, как предполагали сутяги. На суде, происходившем в США, неожиданно выяснилось, что истинный создатель электрической лампочки — русский инженер А. Н. Лодыгин. «Может быть, и солнечный свет изобретен в Америке?» — насмешливо спрашивала европейская печать.

Через несколько лет творец угольной лампочки убедился, что она отслужила свой век. И снова опередил Эдисона. Изучая свойства электрических нитей накала, он раньше американца приходит к мысли, что пора отказаться от угольной нити. Лодыгин предлагает калильные нити из молибдена, вольфрама, осмия и других тугоплавких металлов.

Запатентованная им, — видно, не успели перехватить! — лампа с молибденовой нитью в 1900 году была показана на Всемирной парижской выставке. В состязании с эдисоновской она по всем показателям завоевала первенство, оказалась более долговечной, экономичной, надежной, излучала чистый, белый свет.

Лодыгин стремился отдать все свои силы и знания родному народу, помочь отечественной промышленности сбросить цепкие путы иностранного капитала. Но российских купцов и банкиров мало занимал вопрос создания независимой электроиндустрии. Проще и легче, считали они, покупать готовые изделия зарубежного изготовления, чем налаживать свое производство. И Лодыгин, несмотря на поддержку прогрессивной части русского общества, видит, что он бессилен сломить равнодушие и косность правящих кругов.

...Долгие годы скитаний, годы на чужбине. Единственное утешение — изобретательство. Лодыгин создает лампу с вольфрамовой нитью, которая в своих основных чертах дожила до наших дней. Ему принадлежат крупные открытия в электрометаллургии, он конструирует электропечи для термической обработки металлов, для плавки руд.

А. Н. Лодыгин скончался 30 лет назад, 16 марта 1923 года, на 76-м году жизни. Имя пионера электрического света вписано в летопись отечественной и мировой науки и техники. Изобретенная им лампочка совершила победоносное шествие по земному шару, завоевала всеобщее признание, стала неотъемлемым элементом культуры. В ровном ее сиянии навеки померкло тусклое пламя стеариновой свечи, керосиновой лампы, газового рожка. По сравнению с ними она действительно маленькое солнце, превращающее ночь в день.

То, о чем мечтал замечательный русский изобретатель, опередивший иностранных конструкторов, сбылось в нашем Отечестве после Великого Октября. По ленинско-сталинскому плану электрификации неузнаваемо преобразилось лицо нашей Родины. Построены и вступают в строй все новые и новые электростанции, создана и развивается мощная электроиндустрия. Лампочка Ильича, как с любовью зовет народ электрическую лампочку, ярко светит в городах и селах необъятной Советской страны.

Георгий БЛОК

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

НЕОЖИДАННАЯ ДОБЫЧА

Лесник Франц Плоциньш и охотник Петер Якобсон, обходя лес в районе Кемери, обнаружили на снегу свежий след какого-то неизвестного в здешних местах зверя.

Пройдя метров сто, они увидели остатки дикой козы, видимо, разодранной хищником.

— Никак рысь! — сказал Плоциньш. — Я буду на заставе, а ты иди в загон.

Минут через двадцать из чащи послышались «хлопки» Петера Якобсона, а еще через несколько минут огромная рысь, ломая сучья, бросилась в сторону ручья, где залег Плоциньш.

Метким выстрелом лесник уложил хищника.

В. ЗОЛОТОВ

Кемери,
Латвийская ССР.

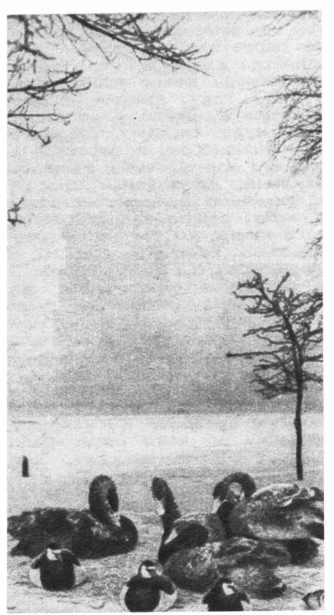


На фото: лесник Ф. Плоциньш с убитым зверем.

Фото Р. Удрис.

Черные лебеди

Родина черных лебедей — Австралия. Давно они были завезены в Европу для украшения королевских парков и садов. Черное оперение в сочетании с яркокрасным надклювьем делает эту птицу особенно красивой.



На берегу пруда в Московском зоопарке.

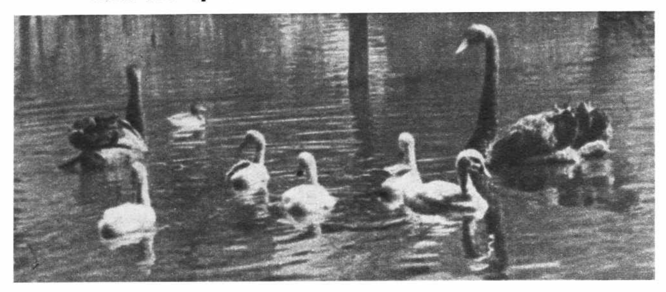
В настоящее время черные лебеди демонстрируются во многих зоопарках Советского Союза. Научные работники Московского зоопарка уделяют большое внимание изучению биологии черных лебедей. Впервые потомство от них было получено в 1932 году. Верные календарю Австралии, лебеди вывели птенцов не летом, как наши птицы, а в ноябре, когда вокруг их гнезда вода уже была скована морозом. Первые лебедята выкармливались искусственно старейшим служителем Зоопарка тов. Тепляковым. С течением времени, под влиянием новых условий существования, черные лебеди изменили свои обычные сроки размножения и теперь ежегодно размножаются весной.

Черные лебеди — обитатели теплого климата. С целью выведения холодоустойчивой формы в Московском зоопарке в течение шести лет черные лебеди остаются зимовать на прудах Зоопарка. Практика показала, что они переносят температуру до минус шестнадцати градусов.

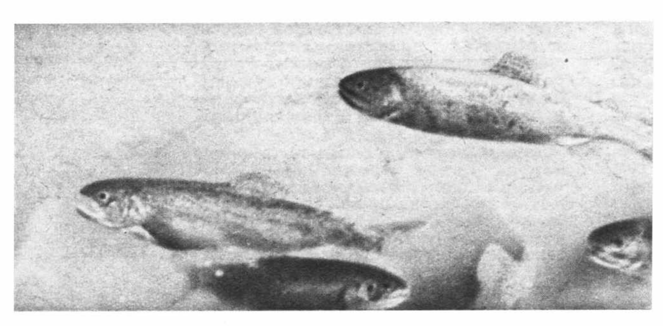
Опыты с черными лебедями продолжаются.

А. КОРОВИНА

Фото А. Анжанова.



Черные лебеди с молодняком. Лебедята покрыты пухом светлосерого цвета. Впоследствии у них вырастут черные перья.



Радужная форель.



М. Н. Грачева и Л. Н. Лебедева кормят форель в одном из водоемов при пятнадцатиградусном морозе.

Форели в прудах

Все покрыто глубоким снегом. Пруды скованы льдом. Однако некоторые из них благодаря проточной воде остаются открытыми и зимой. Когда на берегу такого пруда покажется человек, вода в нем как бы закипает. Стаи рыб бросаются навстречу пришельцу...

...Такую картину мы наблюдали в Ропшинских прудах, под Ленинградом. Здесь сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства ведут интересные опыты по акклиматизации ценных пород рыб в новых, не обычных для них водоемах, и по искусственному питанию прудовых рыб, а также производят скрещивание, выводя новые породы рыб.

Особенно интересны опыты по разведению лососей, форелей и карпов в малых внутренних водоемах. Эти работы открывают широкие перспективы перед колхозами и совхозами, которые смогут в своих водоемах выращивать ценные породы рыб в промысловых масштабах.

Директор института М. Н. Грачева вместе с группой научных работников разработала новые методы выращивания форели.

...Рыба привыкла постоянно получать корм от человека, и поэтому стоит появиться у пруда сотруднику экспериментальной базы института, как она массой устремляется к берегу, подпрыгивая над поверхностью воды, как бы играя...

В Ропшинских водоемах уже живут десятки тысяч форелей.

Вл. СТРАДИН

Юмор за рубежом

НЕПОНЯТНАЯ ПРИВЕРЕДЛИВОСТЬ

— Право, не понимаю, на что, собственно, жалуются эти рабочие! — сказал один итальянский промышленник.— Прежде они работали шестнадцать часов в сутки, и им это не нравилось. Теперь они работают шестнадцать часов в неделю, и это им тоже не нравится...

«Нойе берлинер иллюстрирте».



ВОПРОСОМ НА ВОПРОС

Французский журналист спросил Чаплина:

— Как вы себя чувствуете у нас во Франции?

— Я-то что,— ответил Чаплин,— а вот вы как себя чувствуете у себя во Франции?



НЕУГОДНЫЙ АДВОКАТ

Подсудимый спрашивает своего адвоката:

— Какой ждет меня приговор?

— Я буду добиваться справедливейшего...

— О, в таком случае я принужден искать другого адвоката!

ОБРАЩЕНИЕ К САТИРИКАМ

— Ваша задача — лечить людей смехом, а не сном!

«Шпильки».

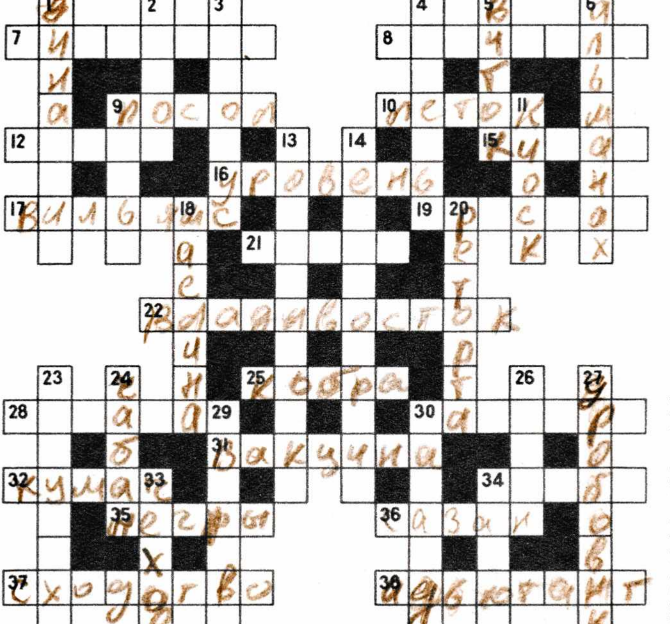
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Мастер хлопководства, дважды Герой Социалистического Труда. 8. Роман А. Рыбакова. 9. Дипломатический представитель. 10. Отверстие в улье. 12. Мысль, приводимая в доказательство. 15. Водопад в Карелии. 16. Ватерпас. 17. Выдающийся советский ученый-почвовед. 19. Приток Нижней Волги. 21. Одна из основных величин механики. 22. Город на Дальнем Востоке. 25. Крупная тропическая змея. 28. Литературный кружок начала XIX века, объединивший сторонников карамзинского направления. 30. Герой романа А. Первенцева «Честь смолоду». 31. Препарат для лечебных прививок. 32. Хлопчатобумажная яркокрасная ткань. 34. Род кирпича. 35. Коренное население тропической Африки. 36. Рыба. 37. Подобие. 38. Офицер, состоящий при военном начальнике.

По вертикали:

1. Взрывчатое вещество. 2. Электронная лампа. 3. Автомобиль. 4. Лесистая местность. 5. Один оборот спирали. 6. Литературный сборник. 9. Французский поэт, автор гимна «Интернационал». 11. Палатка для мелкой торговли. 13. Походная коробка натуралиста. 14. Отдел геологии. 18. Оливковое дерево. 20. Сосуд для перегонки жидкостей. 23. Довод. 24. Пастух. 26. Южноамериканская птица, близкая к дятлам. 27. Оружие охотника. 29. Профессия. 30. Растение. 33. Великий русский писатель. 34. Приветствие.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

7. Полежаев. 8. Барельеф. 10. Исаев. 11. Копейка. 12. Абрис. 13. Секанс. 17. Фосфор. 19. Городки. 20. Тура. 21. Дата. 22. «Псковитянка». 23. Дефо. 24. Тула. 26. Парафин. 27. Статья. 29. Капкан. 33. Октет. 34. Воркута. 35. Тимор. 36. Портьера. 37. Разведка.

По вертикали:

1. Конспект. 2. Резеда. 3. Белка. 4. Фазан. 5. Глобус. 6. Селихова. 9. Термодинамика. 14. Неаполь. 15. Водолаз. 16. Скрябин. 18. Ондатра. 23. Детектор. 25. Амазонка. 28. Треста. 30. Пример. 31. Кварц. 32. Гагат.

В этом номере на вкладках помещены четыре страницы этюдов В. П. Ефанова «Народные типы Индии» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 01080. Подп. к печ. 1/IV 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,625 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 241. Заказ 603. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Под лучами прожекторов

Хоккей на московском стадионе «Динамо». Ослепительно сверкает и искрится лед под лучами мощных прожекторов, ярко выделяются на серебристом фоне майки игроков, чернеют трибуны, до отказа заполненные зрителями. Хоккейные встречи стали одним из самых популярных спортивных зрелищ в нашей стране, и, как бы низко ни опускался ртутный столбик термометра, на трибунах всегда полно. Зимняя стужа не страшна любителям этой замечательной игры, спортивный азарт сильнее морозного ветра.

Около двух часов продолжается хоккейное состязание, но болельщики не замечают времени. Стремительный темп, непрерывно меняющаяся обстановка на ледяной площадке, огражденной высоким барьером, требует мгновенной реакции не только игроков, но и зрителей. И они с волнением следят за полетом и скольжением резиновой шайбы, за взмахами клюшек, за точными ударами нападающих и бросками защитников и вратарей. Каждая вспышка красной лампочки, фиксирующей гол, вызывает на трибунах бурю аплодисментов.

На нашем снимке: момент встречи хоккеистов ВВС и общества «Крылья Советов».

Фото В. Гребнева.




Цена 3 руб.